

РС

Для служебного пользования

000159

Экз. №

**СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ СССР В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ (1941 — 1945 гг.)**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
НАУЧНОЙ
ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ
НАУКАМ

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ СССР В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ (1941 — 1945 гг.)

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

Москва · 1980

Серия: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СССР И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ПЕТРОВ А.П. - доктор исторических наук,
РЖЕШЕВСКИЙ О.А. (отв. редактор) - доктор исторических наук,
СИПОЛС В.Я. - доктор исторических наук,
ТВЕРДОХЛЕБ А.А. - кандидат исторических наук,
ШЕВЫРИН В.М. - кандидат исторических наук,
БАБЕНКО В.Н. (отв. за выпуск).

СОДЕРЖАНИЕ

Внешняя политика СССР периода Великой Отечественной войны в трактовке буржуазной историографии . . .	5
--	---

I. ОБЩИЕ РАБОТЫ

Хильгрубер А. Советская внешняя политика во второй мировой войне	30
Фишер А. Советская политика в отношении Германии во второй мировой войне 1941-1945 гг.	49
Русский фронт: Война Германии на Востоке, 1941-1945	64
Кеннан Дж.Ф. Соединенные Штаты Америки и Советский Союз, 1917-1976	78
Хертле Х. Ответственность победителей за войну . . .	82
Каталано Ф. От кризиса к Ялте: изучение Европы с 1929 г. до 1945 г.	89
Основные проблемы американской внешней политики: Документы и эссе	98
Будворд Л. Английская внешняя политика в период второй мировой войны	110

II. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Левинг Р.Б. Американское общественное мнение и русский союзник, 1939—1945	I24
Столер М.А. Политика второго фронта. Американское военное планирование и дипломатия в военной коалиции, 1941—1943 гг.	I35
Керр У. Секрет Сталинграда	I50
СССР и сражающаяся Франция в антигитлеровской коалиции (научно-аналитический обзор)	I56

III. БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ СТРАН, ПОРАБОЩЕННЫХ ГЕРМАНСКИМ ФАШИЗМОМ

Дэвис Л.Э. Начало "холодной войны". Советско-американский конфликт по вопросам Восточной Европы . .	I83
Лундстад Дж. Американская аполитичность в отношении Восточной Европы, 1943—1947 гг.: Универсализм в области несущественных интересов Соединенных Штатов	I99
Аналис Д.Т. Балканы, 1945—1960.: Захват власти . . .	208
Краткие сведения об авторах	216
Список литературы	218

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТРАКТОВКЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Разгром фашистско-милитаристского блока во второй мировой войне ознаменовал крупнейшее в истории поражение сил международной реакции, ударным кулаком которой была гитлеровская Германия. Раскаты великой победы народов над фашизмом потрясли капиталистическую систему, достигли самых отдаленных уголков земного шара и продолжают привлекать неослабный общественный интерес. О второй мировой войне написано более 100 тыс. книг, ей посвящено огромное количество теле- и радиопередач, различных статей, число которых продолжает нарастать. В капиталистических странах действует своего рода политико-академический "картель", осуществляющий разработку установочных трудов и других публикаций по второй мировой войне. Его основой являются военно-исторические службы и другие специально созданные государственные учреждения капиталистических стран.

Содержание разрабатываемых этим "картелем" концепций, имея определенное различие, обусловленное расстановкой классовых сил, историческими, национальными особенностями, характером участия во второй мировой войне каждой из этих стран, объединено общностью враждебной социализму буржуазной идеологии и реакционной политики империализма. В Пентагоне

разработан крупнейший в капиталистическом мире комплекс установочных трудов о второй мировой войне (свыше 100 томов). Его главной составной частью является серия "Армия США во второй мировой войне" (около 85 томов). В Англии основным изданием такого рода является официальная 80-томная "История второй мировой войны", подготовленная исторической секцией при кабинете министров Великобритании. В ФРГ объявлено об издании десятитомной публикации "Третий рейх и вторая мировая война" (в 1979 г. вышли в свет ее первые два тома), осуществляемой военно-исторической службой бундесвера. В Японии издана 96-томная "Официальная история войны и великой Восточной Азии", подготовленная Управлением национальной обороны Японии, и т.д.

Концепции, содержащиеся в этих и других официальных трудах, дополняются, подновляются, но в конечном итоге в различных вариантах повторяются в публикациях большинства буржуазных историков "второго эшелона", активно используются буржуазной пропагандой.

Идеологи империализма приложили большие усилия для выпуска литературы о второй мировой войне, рассчитанной и на массового читателя. Первое такое издание (журнального типа) было подготовлено издательством "Пэрнелл" в Англии под названием "Иллюстрированная история второй мировой войны". Броско оформленное, пестрящее именами известных буржуазных ученых, оно привлекло внимание довольно широкой аудитории, и в последующие годы появилось на французском, испанском и других языках, проникло во многие капиталистические и развивающиеся страны. В США, ориентируясь на популярность этих журналов, издательство "Бэллентайн буко" предприняло публикацию серии из 100 дешевых, карманного формата книжек ("пэй-пербекс") о второй мировой войне и советско-германском фронте.

Среди различных по своему характеру проблем, на которых концентрируются усилия буржуазных исследований, без сомнения,

следует выделить историю внешней политики СССР в годы Великой Отечественной войны. Чем объяснить пристальное внимание буржуазных ученых к ее изучению? Ответом на этот вопрос являются прежде всего крупные успехи советской внешней политики, ее высокая эффективность, которые способствовали достижению Коммунистической партией и Советским правительством главной цели — разгрома фашистско-милитаристского блока; тесная связь событий войны с современностью, острота борьбы сил мира и войны на международной арене, поиски нашими классовыми противниками средств противодействия достижениям советской внешней политики в послевоенный период и в исторической перспективе.

Вне зависимости от принадлежности к определенному течению, школе или группировке (нередко эта "внутренняя дифференциация" носит весьма условный характер) буржуазные историки своими трудами преследуют в конечном итоге общую цель — выработать на основании исторического опыта "наиболее рациональные" внешнеполитические рекомендации для осуществления как ближайших, так и отдаленных задач политики правящих кругов своих стран и империалистического лагеря в целом. Общность идеологии определяет общность цели. Принадлежность к тому или иному течению — это лишь различие во взглядах на пути ее достижения. Однако на крайних полюсах это различие весьма существенно и означает альтернативу между войной и мирным сосуществованием двух противоположных систем — капитализма и социализма.

Вместе с тем буржуазная историография выполняет и другую функцию. Многие буржуазные ученые, следуя социальному заказу реакционных империалистических сил, преднамеренно и злобно фальсифицируют историю советской внешней политики. Они стремятся таким путем подорвать неуклонно растущий международный авторитет СССР, усилия народов в борьбе за мир; затормозить мировой революционный процесс, вбить клин между отдельными его отрядами; реабилитировать империализм как

главный источник войн и его современную агрессивную политику, идейно оправдать гонку вооружений, воинствующие планы США и их союзников по НАТО. В рамках истории внешней политики СССР рассматриваемого периода наиболее тенденциозной трактовке, как вытекает из содержания данного сборника, подвергаются события, связанные с вероломным нападением фашистской Германии на СССР, проблемой второго фронта и программой послевоенного устройства мира. Остановимся на этих вопросах подробнее.

х х
х

В условиях нарастающей опасности фашистской агрессии Коммунистическая партия и Советское правительство поставили своей целью создание системы коллективной безопасности государств, заинтересованных в сохранении мира. Историческое постановление по этому вопросу было принято ЦК ВКП(б) в декабре 1933 г. СССР внес конкретные предложения о разоружении, вступил в 1934 г. в Лигу наций. Он заключил договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией (1935), которые должны были стать частью более широкого соглашения, направленного на укрепление мира в Европе. Но Англия, Германия и Польша сорвали заключение этого соглашения.

Наконец, стремясь предотвратить войну на Дальнем Востоке, СССР внес предложение о заключении Тихоокеанского регионального пакта. Однако правительства США, Англии и Китая уклонились от заключения этого пакта.

Уместно особо сказать о решительной борьбе советской дипломатии против мюнхенского сговора западных держав. Советский Союз решительно осудил эту акцию.

После того как западные державы сорвали летом 1939 г. московские переговоры о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи и военной конвенции, направленных

на предотвращение фашистской агрессии, СССР оказался в исключительно сложном положении. Следует напомнить, что в это время советские войска совместно с монгольскими уже вели бои с японскими агрессорами на реке Халхин-Гол.

В такой грозной для нашей страны и для судеб мирового социализма обстановке Советское правительство приняло предложение Германии заключить с ней пакт о ненападении. Он был подписан в Москве 23 августа 1939 г. Этот шаг позволил СССР отвести от себя угрозу с запада, выиграть, как показали последующие события, для укрепления и совершенствования обороны страны почти два года.

Реакционные историки создали и до сих пор распространяют миф о некоей "совиновности" СССР в возникновении второй мировой войны, а некоторые из них, придерживающиеся профашистских взглядов, даже утверждают, что вероломное нападение Германии на СССР носило "превентивный характер". Именно такой версии придерживается в реферируемой книге Х.Хертле. На Западе продолжают появляться и новые "произведения", написанные с аналогичных позиций. В качестве примера можно указать на изданную в 1978 г. в ФРГ книгу Э.Хельмдаха "Нападение?"¹⁾, которая по существу повторяет много из того, о чем говорится в книге Х.Хертле. Ее использовали такие авторы, как М.Маккроски и Т.Дупуи в США, У.Валенди и Г.Глазбок в ФРГ.

Домыслы, прибегая к которым реакционные историки конструируют легенду о "превентивной войне", не заслуживают научной полемики. Они опровергаются всей предвоенной политической Коммунистической партии и Советского правительства, неустанно и последовательно борющихся за мир, убедительно разоблачаются документами, а также исследованиями советских

¹⁾ Helmdach E. Überfall? Der sowjetisch-deutsche Aufmarsch 1941. - 3., gegenüber der 2. erw. unveränd. Aufl. - Neckargemünd, 1978.

историков¹⁾. Следует отметить, что легенда о "превентивной войне" заимствована у гитлеровской пропаганды, пытавшейся именно таким путем оправдать вероломную фашистскую агрессию против СССР. Министр иностранных дел Германии Риббентроп вручил советскому послу в Берлине 22 июня 1941 г. меморандум, в котором утверждалось, что Советское правительство якобы стремится взорвать Германию изнутри, готовит захват и большевизацию западноевропейских государств, вторжение на Балканы, овладение Босфором и Дарданеллами. Эту же версию повторил Гитлер в своем обращении к немецкому народу в день нападения Германии на СССР. "Главная задача германской пропаганды, - признал на Нюрнбергском процессе Фриче, один из ближайших помощников Геббельса, - заключалась в том, чтобы оправдать необходимость этого нападения, т.е. все время подчеркивать, что мы лишь предвосхитили нападение Советского Союза... Следующая задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы излагать почти то же самое, т.е. все время подчеркивать, что не Германия, а Советский Союз ответствен за эту войну"²⁾.

Легенда о "превентивной войне" фашистской Германии против СССР, распространяемая реакционными буржуазными историками, - факт весьма показательный и в другом отношении. Зачастую осуждая нападение Германии, Италии и Японии на страны капиталистического мира, их колониальные владения, буржуазные историки в то же время в трактовке причин нападения Германии на СССР ищут оправдания германской агрессии, смыкаясь в антикоммунистических устремлениях с самыми черными си-

¹⁾ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, (сент. 1938 г. - авг. 1939 г.); Док. и материалы / Редкол.: Громыко А.А. / и др. / - М., 1971; Жилин П. Легенда о "превентивной войне" - идейное оружие империализма. - Коммунист, М., 1972, № I, с.108-118.

²⁾ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов. М., 1960. - Т.5, с.569.

лами реакции. Тем самым они не только демонстрируют единство идейных позиций германского и международного империализма, но и по существу подводят "историческую базу" для оправдания современной политики антисоветизма и реваншизма.

Не случайно Х.Хертле заявляет, что "ложь" о виновности Германии в развязывании второй мировой войны направлена "против оборонной мощи Федеративной Республики, против германского бундесвера"¹⁾.

Одним из "весомых аргументов" в своих доказательствах "агрессивности" СССР Х.Хертле считает свою трактовку результатов германо-советских переговоров в ноябре 1940 г., когда СССР якобы потребовал признания "сферой советского влияния Болгарию, Румынию, Финляндию и Турцию"²⁾. Данная интерпретация этих переговоров рассчитана на неосведомленного читателя. СССР занимал на этих переговорах прямо противоположную позицию. Германская дипломатия подготовила, как известно, проект соглашения между участниками тройственного пакта и Советским Союзом, которому было предложено присоединиться к декларации, определявшей его "территориальные устремления". Советская делегация решительно отклонила предложение фашистского руководства³⁾.

Д.Аналис в своей не менее реакционной книге, реферируемой в сборнике, на которой мы остановимся подробнее несколько позднее, "пристегивает" к событиям на Балканах 1945-1960 гг. освобождение Советским Союзом в 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины. Поскольку этот вопрос вновь муссируется различными историками и пропагандистами, выдается как некий захват "ис-

1) Härtle H. Die Kriegsschuld der Sieger; Churchills, Roosevelts und Stalins Verbrechen gegen den Weltfrieden. - /2.Aufl./ - Preuss. Oldendorf, 1971, S.49-50.

2) Ibid., S.323.

3) См. История второй мировой войны 1939-1945. - М., 1974, т.3, с.346-347.

конно румынской территории", необходимо напомнить, что решение вопроса о воссоединении Бессарабии и Северной Буковины с СССР было достигнуто в 1940 г. по огласованию с румынским правительством. Бессарабия была захвачена Румынией в конце 1917 – начале 1918 г. СССР никогда не признавал этих захватов.

В 1939–1940 гг. правящие круги Румынии, затеяв двойную игру с империалистическими группировками, все больше склонялись к сближению с фашистской Германией. Король Кароль II заявил в Кишиневе, что Румыния обладает сильной армией, которая сможет дойти до Москвы. При этом король разглашал о том, что настало время подумать об "освобождении братьев-молдаван"¹⁾. Одновременно румынская реакция уюлила военно-полицейский террор против населения Бессарабии и Северной Буковины.

Чтобы предотвратить создание на территории Бессарабии плацдарма для нападения на СССР и тем самым устранить напряженность на юго-западных рубежах, Советское правительство признало необходимым предложить Румынии мирным путем урегулировать вопрос о Бессарабии, а также о Северной Буковине. 26 июня 1940 г. оно через посланника Румынии в Москве Давидеску заявило румынскому правительству, что в 1918 г. Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от ее территории Бессарабию.

Военная слабость СССР отошла к тому времени в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требовала быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов.

Для того чтобы заложить наконец основы прочного мира между странами, Советский Союз считал необходимым и своевре-

¹⁾ Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918–1940 гг.) / Редколл: Есауленко А.С. и др. – Кишинев, 1970, с.709–710.

менным в интересах восстановления справедливости приступить оовместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу.

Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава¹⁾.

После обмена нотами между правительствами СССР и королевской Румынии Бессарабия и Северная Буковина были возвращены Советскому Союзу.

Народы Советского Союза приветствовали мирное решение бессарабского вопроса. Эту радость разделяли трудящиеся Румынии. В манифесте ЦК компартии Румынии говорилось: "Трудовой народ! Теперь, когда гигантская сила страны социализма освободила Бессарабию и Северную Буковину из-под тяжелого гнета румынского империализма, появилась реальная возможность для дружбы Румынии с великим социалистическим государством"²⁾. В освобожденных районах была восстановлена Советская власть, проведены социалистические преобразования, открывшие путь трудящимся к счастливой жизни.

2 августа 1940 г. сессия Верховного Совета СССР приняла закон об образовании Молдавской ССР и включении в состав Украинской ССР территории Северной Буковины, а также Хотинского, Аккерманского и Измаильского уездов Бессарабии, в которых преобладало украинское население³⁾. Такова правда истории.

1) Внешняя политика СССР: Сб. документов. - М., 1946, т.4, с.515.

2) История Молдавской ССР. - Изд. 2-е, переработ. и доп.- Кишинев, 1968, т.2, с.353.

3) См. История второй мировой войны 1939-1945. - М., 1974, т.3, с.369-372.

Известный своими реакционными взглядами западногерманский историк А.Хильгрубер, хотя прямо не выступает в поддержку легенды о "превентивной войне", тем не менее стремится в реферируемой книге внести свою лепту в фальсификацию внешней политики СССР, бездоказательно утверждает, что Советский Союз пытался в 1939-1940 гг. "завоевать и аннексировать Финляндию". История финляндско-советского вооруженного конфликта достаточно хорошо изучена. Напомним только, что СССР предпринял все доступные меры с целью избежать конфликта, предложил в обмен на часть финской территории, непосредственно примыкавшей к Ленинграду вдвое большую территорию Советской Карелии. Однако под давлением Германии, а также Англии, Франции и США реакционные финские круги сорвали переговоры и спровоцировали военный конфликт с СССР. По условиям мирного договора (март 1940 г.) были созданы предпосылки для обеспечения безопасности Ленинграда, улучшено стратегическое положение СССР на севере в целом, что, как показали последующие события, имело большое значение в ходе Великой Отечественной войны. Однако, и это следует подчеркнуть, ни о каком "захвате и аннексии" Финляндии вопрос не ставился ни в 1939-1940 гг., ни в 1944 г., когда Финляндия была разгромлена уже в качестве прямого участника агрессии фашистско-милитаристского блока против СССР. Несмотря на враждебные действия Финляндии, Советский Союз согласился в 1944 г. заключить мир на условиях, которые не только не нарушали суверенитета Финляндии, а, наоборот, восстанавливали ее независимость и самостоятельность после фактической германской оккупации. "Это соглашение, - говорил в 1974 г. У.Кекконен, - можно считать поворотным событием в истории Финляндии. Оно положило начало совершенно новой эпохе, в течение которой внешняя и внутренняя политика нашей страны претерпела коренные изменения"¹⁾.

¹⁾ Кекконен У.К. Финляндия и Советский Союз: Речи, статьи интервью 1952-1975 гг. / Пер. с фин. И.М.Козловской. - М., 1975, с.217.

Укрепление безопасности и международных позиций СССР в 1939–1940 гг. имело большое значение в становлении такой международной обстановки, которая помогла нашей стране выдержать испытания войны.

х х
х

Проблему второго фронта рассматривают в своих книгах Ф.Каталано (Италия), Л.Вудворд (Великобритания), М.Столер (США) и другие историки. Одним из главных обсуждаемых ими вопросов являются взятые западными союзниками обязательства о сроках открытия второго фронта (вторжении стратегической группировки своих войск на территорию Северо-Западной Европы для нанесения непосредственного удара по фашистской Германии) и причины их невыполнения в согласованные сроки.

Вопрос о втором фронте отражал борьбу двух различных линий в антигитлеровской коалиции – линии СССР, последовательно направленной на достижение совместными усилиями быстрого разгрома фашистско-милитаристского блока, на разработку и осуществление демократических принципов послевоенного устройства мира и линии англо-американских союзников, стремившихся подчинить ведение войны и осуществление послевоенных проблем своим империалистическим интересам.

Конкретное решение о создании второго фронта было принято в ходе переговоров между СССР, США и Великобританией, состоявшихся в мае–июне 1942 г. в Лондоне и Вашингтоне. Переговоры завершились принятием совместных официальных коммюнике (советско-американского и советско-английского), в которых указывалось, что достигнута "полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году"¹⁾. Эти обязательства были взяты США и Англией

¹⁾История дипломатии / Под ред. Громько А.А. и др. – Изд. 2-е. – М., 1975, т.4, с.265.

в значительной степени под давлением общественного мнения. Г.Фейс приводит в этой связи послание Рузвельта Черчиллю от 3 апреля 1942 г., в котором говорилось: "Ваш и мой народы требуют ооздания второго фронта, чтобы снять бремя с русоких. Наши народы не могут не видеть, что русокие убивают немцев, а также уничтожают вражеского снаряжения больше, чем США и Великобритания, вместе взятые"¹⁾.

М.Столер и Р.Леверинг отмечают это в своих исследованиях английокого и американского общественного мнения. М.Столер, в частности, овидетельствует: "К сентябрю 1941 г. 17% англичан высказались за операции в Европе как за самую важную проблему, стоящую перед правительством. Спустя месяц 49% англичан считали, что Черчилль не использует всех возможностей, сложившихся в результате вступления в войну России"²⁾. Р.Леверинг, отмечая, что кампания за открытие второго фронта прошла в США между маем и ноябрем 1942 г., указывает, что еще до начала войны "большинство американцев (82 против 18%) считали Германию более опасным врагом и потому желали бы победы Советскому Союзу"³⁾. Л.Вудворд, рассматривая советскую внешнюю политику и советско-английские отношения, признает, что их кардинальной проблемой был второй фронт, который, однако, по его словам, открыть, несмотря на взятые обязательства, в 1942 г. было невозможно⁴⁾.

1) Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin; The war they waged and the peace they shought. - Princeton; London, 1957, p.40.

2) Stoler M.A. The politics of the second front; American military planning and diplomacy in coalition warfare, 1941-1943. - Westport; London, 1977, p.21-22.

3) Levering R.B. American opinion and the Russian alliance, 1939-1945. - Chapel Hill, 1976, p.17.

4) Woodward L. British foreign policy in the Second World War. - L., 1971, t.2, p.264.

В Советском Союзе, конечно, понимали, что для открытия второго фронта в 1942 г. союзникам пришлось бы преодолеть немалые препятствия. Однако разгром немецко-фашистских войск под Москвой и последующее контрнаступление Красной Армии, сосредоточение на советско-германском фронте основных сил гитлеровской Германии и ее союзников создавали реальные предпосылки успеха стратегического удара по фашистскому рейху с Запада. Советский Союз был вправе ожидать, что Великобритания и Соединенные Штаты Америки, вооруженные силы которых насчитывали в то время около 10 млн. человек, развернут боевые действия в Европе и тем самым частично отвлекут фашистские армии с советско-германского фронта. Это могло не только оказать существенную помощь Советскому Союзу, который нес основную тяжесть войны против Германии, но и значительно ускорить разгром фашистского блока, сократить продолжительность войны, число ее жертв в целом.

Тем не менее второй фронт не был открыт ни в 1942 г., ни в 1943 г.

Подводя итоги борьбы за второй фронт, Р.Левелинг пишет, что "второй фронт откладывался при конечном рассмотрении не потому, что этого хотел Рузвельт, но главным образом потому, что на этом настаивал Черчилль"¹⁾.

Надо сказать, что концепции официальной историографии в Англии и США по этому вопросу практически противоположны, что порождает продолжение дискуссии на уровне "вторых эшелонов". Несомненный интерес представляет малоизвестная в советской литературе трактовка данного вопроса М.Говардом в 4-м томе "Большой стратегии", который выйдет в свет в нашей стране в текущем году (серия "Большая стратегия" является основной официальной английской "Историей второй мировой войны").

¹⁾ Levering R.B. American opinion and the Russian alliance, 1939-1945. - Chapel Hill, 1976, p.96.

М. Говард, полемизируя с официальными изданиями США, возлагающими (как это делает Р. Леверинг) вину за срыв открытия второго фронта на Англию¹⁾, стремится достигнуть обратного результата — обелить политику английских правящих кругов и если не полностью свалить эту вину на США, то поделить ее на "равные части". В книге довольно убедительно показывается, что американская сторона, выдвигая планы открытия второго фронта в 1942—1943 гг., на деле поддерживала английскую политику в этом вопросе. Примечательна оценка Говардом выступления Маршалла на заседании объединенного комитета начальников штабов в январе 1943 г. Генерал Маршалл начал с заявления о необходимости добиться ослабления нажима немцев на Россию, подчеркнув, что любой способ сделать это где-либо, помимо континентальной части Европы, будет отступлением от основного плана. Однако его последующие замечания свидетельствовали, что он не столько высказывал это с целью критики, сколько просто констатировал факт. Комментируя американские стратегические программы на 1943 г., в которых содержалось предложение об открытии второго фронта, Говард замечает: "Однако слишком много времени прошло с апреля 1942 г. Американские ресурсы, предназначенные ранее для осуществления плана "Болеро" (перевоска войск США в Англию для открытия второго фронта. — Авт.), были направлены на Тихий океан, Средиземное море и даже на Средний Восток, а поэтому предложение о вторжении в Европу в 1943 г. являлось нереальным... Теперь на руинах прежней стратегии предстояло создать новую"²⁾.

¹⁾ Р. Коукли, Р. Лейтон в официальном издании военного ведомства США, например, пишут, что "Черчилль был действительным творцом, а Рузвельт всего лишь пешкой в осуществлении политики затягивания открытия второго фронта" (Coakley R.W., Leighton R.M. Global logistics and strategy 1943-1945. — Wash., 1968, p.272).

²⁾ Howard M. Grand strategy. — L., 1972, vol.4, p.XVIII.

Весьма убедительно в этом смысле и указание Говарда на размышления Рузвельта по поводу пересмотра стратегии западных союзников, относящиеся к марту 1943 г.: "Никакого "Боле-ро"¹⁾.

Между тем в тот период Черчилль и Рузвельт заверяли Советское правительство, что второй фронт будет открыт в августе-сентябре 1943 г. "Мы так же энергично ведем приготовления до пределов наших ресурсов к операции форсирования канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, - писал У.Черчилль И.В.Сталину 9 февраля 1943 г., - то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь"²⁾. В свете приведенных англо-американских документов и фактов становится еще более очевидным, что Англия и США преднамеренно дезориентировали Советский Союз относительно этих стратегических планов.

Стремясь представить политику британских правящих кругов в благоприятном виде, Говард заходит настолько далеко, что пытается выдать Черчилля, одного из главных противников создания второго фронта в 1942-1943 гг., чуть ли не за его сторонника. В подтверждение он приводит телеграмму Черчилля Рузвельту от 24 ноября 1942 г. "Мне кажется, - говорится в телеграмме, - что отказ от операции "Раундап" (высадка западных союзников в Северной Франции. - Авт.) - весьма печальное решение. Операция "Торч" (высадка западных союзников в Северной Африке. - Авт.) не может заменить операцию "Раундап" и предусматривает использовать лишь 13 дивизий из 48

1) Howard M. Grand strategy. - L., 1972, vol.4, p.XVIII.

2) Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. - М., 1976, с.113.

намеченных к использованию в операции "Раундап". Мои переговоры со Сталиным в присутствии Аверелла Гарримана проходили на основе намечаемой нами операции "Раундап", хотя бы с задержкой против установленных ранее сроков. Однако никогда не высказывалось и намека на то, что мы не попытаемся открыть второй фронт в Европе в 1943 и даже в 1944 г."¹⁾

Как объяснить эту телеграмму, содержание которой звучит явным диссонансом в сравнении с действительной позицией английского правительства по вопросу второго фронта? Видимо, Черчилль понимал, что очевидное противоречие между словами и делами англо-американских союзников по отношению к СССР неизбежно вскрыется, и пытался различными хитроумными путями обелить политику британского империализма, в том числе и за счет своего ближайшего партнера по "большой стратегии".

За последние годы советскими исследователями введен в научный оборот ряд важных документов, касающихся истории второго фронта и позиции по этому вопросу авторов реферируемого сборника.

Так, при работе в Национальном архиве США был выявлен ранее неизвестный протокол заседания объединенного англо-американского штаба от 20 августа 1943 г., в ходе которого рассматривались перепецивы политики США и Англии в отношении СССР. Заседание проходило с участием практически всех высших военных руководителей США (адмирала Ч.Леги, генералов Д.Маршалла, Г.Арнольда, адмирала Э.Кинга) и Великобритании (генерала А.Брука, адмирала Д.Паунда и главного маршала авиации Ч.Портала). Параграф девятый протокола "Военные соображения в отношениях с Россией" указывает, что обсуждался вопрос о том, "не помогут ли немцы" вступлению англо-американских войск на территорию Германии, "чтобы дать отпор русским". В то время, когда Советский Союз в тяжелейшем

¹⁾ Howard M. Grand strategy. - L., 1972, vol.4, p.218.

единоборстве с фашистским рейхом прокладывал путь к победе антигитлеровской коалиции, руководящие военные деятели США и Англии обсуждали вопрос, который по существу был направлен на подрыв совместных усилий СССР, США и Англии в борьбе с фашистско-милитаристским блоком. Кооверно, с антиоветским акцентом, подтверждает это М. Столер. "Операция по формированию Ла-Манша, — пишет он, — рассматривалась военными как средство, чтобы предотвратить советское господство на континенте"¹).

Характерно, что примерно в тот же период в гитлеровской рейхсканцелярии был зарегистрирован документ под названием "Политические соображения на случай, если Германия не сможет выстоять в этой войне". В нем подчеркивалось, что в случае поражения Германии в войне ей и всей остальной Европе грозит полное американское и русское господство. Поэтому целью политики в войне было бы только одно: европейские государства должны оплоченно встать под протекторат Северной Америки. Таким путем нацистская верхушка рассчитывала под угрозой надвигавшегося разгрома объединиться на антиоветской основе с наиболее реакционными кругами США и сохранить фашизм.

Эти два документа с соответствующей оценкой их впервые введены в научный оборот в седьмом томе труда "Истории второй мировой войны 1939—1945"²). Они с новой силой указывают на огромное значение и эффективность тех последовательных мер, которые на протяжении всей войны предпринимало Советское правительство в целях укрепления антигитлеровской коалиции, нейтрализации антиоветских тенденций в политике США и Англии.

1) Stoler M.A. The politics of the second front: American military planning and diplomacy in coalition warfare, 1941—1943. — Westport; London, 1977, p.121.

2) См. История второй мировой войны 1939—1945. — М., 1976, т.7, с.514—515.

Практически все авторы реферируемых книг рассматривают советскую внешнюю политику в связи с разработкой в ходе войны и последующей реализацией программы послевоенного устройства мира. Видимая противоречивость тезисов и аргументов, зачастую поверхностное освещение проблемы тем не менее не могут скрыть основной направленности буржуазной концепции, цель которой состоит в том, чтобы приписать Советскому Союзу "экспансионистские устремления" и обвинить его в "экспорте революции". Исходной в обосновании этой концепции является повторяемая в различных вариантах многими авторами версия о так называемом разделе "сфер влияния" между Англией и СССР на Балканах (Л. Вудворд, Д. Аналис, А. Хильгрубер и др.

Суть домыслов сводится к тому, что Черчилль во время встречи с И. В. Сталиным в октябре 1944 г. якобы получил согласие от советского руководства на раздел "сфер влияния".

Что здесь правда, а что ложь? Следует напомнить обстоятельства возникновения версии о разделе "сфер влияния" на Балканах.

В октябре 1944 г. окончательный разгром фашистской Германии, захваченной в тисках двух фронтов, оставался вопросом времени. Героическая Красная Армия, перемалывая в ожесточенных сражениях живую силу и технику врага, освобождала народы Европы от фашистского рабства. Советские войска завершили освобождение Румынии, изгнали гитлеровцев из восточных районов Польши, уже вступили на территории Болгарии, Норвегии, Чехословакии, Югославии и, опираясь на помощь народов этих стран, развивали наступление дальше, на Запад. В результате изгнания фашистских оккупантов и роста демократического движения в освобождаемых странах Европы нарастала революционная ситуация.

В этой обстановке У. Черчилль и прилетел в Москву. Рушилась "балканская стратегия" западных союзников, суть которой

состояла в том, чтобы направить англо-американские армии, находившиеся в Италии, через Люблянский проход на Балканы, установить в Балканских странах реакционные режимы с проанглийской и проамериканской ориентацией. Черчилль, писал один из его министров, Оливер Литлтон, "настойчиво обращал внимание на преимущества, которые могут быть получены, если западные союзники, а не русские освободят и оккупируют некоторые столицы, такие, как Будапешт, Прага, Вена, Варшава, составляющие часть самой основы европейского порядка"¹⁾.

В США опубликован меморандум одного из ведущих американских дипломатов У. Буллитта на имя президента Рузвельта, датированный 10 августа 1943 г., - еще одно доказательство наличия таких планов. В нем, в частности, говорилось: "Наши политические цели требуют присутствия британских и американских сил на Балканах и в Восточной и Центральной Европе. Первой задачей этих сил, - продолжал Буллит, - будет поражение гитлеровской Германии, второй - создание преграды на пути продвижения Красной Армии в Европу"²⁾.

Некоторые американские историки прямо указывают, что инициатива в разработке "балканского варианта" стратегии западных союзников принадлежала Рузвельту. В 1942 г. он "поддержал горячие стремления Черчилля" и распорядился, чтобы начальники штабов изучили возможность наступления "в направлении Сардинии, Сицилии и других Балканских (подчеркнуто "Балканских") районов, включая помощь Турции для удара по немецкому флангу с Черного моря"³⁾.

В октябре 1944 г. реальная военно-политическая обстановка уже не позволяла рассчитывать на осуществление этих

¹⁾ Цит. по: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль: Полит. биография. - М., 1968, с.367.

²⁾ Цит. по: Израэлян В.Л. Вклад советской военной дипломатии в великую победу. - Новая и новейш. история, М., 1975, № 3, с.15.

³⁾ Greenfield K.R. American strategy in World War II: a reconsideration. - Baltimore, 1963, p.17,70.

планов. Тогда Черчилль поставил своей задачей добиться от Советского Союза согласия на некий "раздел сфер влияния" на Балканах, но, естественно, потерпел поражение. В своих мемуарах задним числом Черчилль пытался реабилитировать себя и приписать Советскому Союзу ту самую империалистическую политику, которую стремились осуществить правящие круги западных держав в отношении Балканских стран.

Так под его пером родилась версия о "разделе сфер влияния" на Балканах, подхваченная многими буржуазными историками.

Пояснение и смысл событий вносит хранящаяся в архиве Министерства иностранных дел СССР советская запись беседы И.В.Сталина с У.Черчиллем 9 октября 1944 г. В ней зафиксировано следующее: "Черчилль заявляет, что он подготовил довольно грязный и грубый документ, на котором показано распределение влияния Советского Союза и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии, Болгарии. Таблица составлена им для того, чтобы показать, что думают по этому вопросу англичане"¹⁾.

Советская запись подтверждает, что Черчилль в ходе переговоров действительно выдвигал идею раздела некоторых стран на сферы влияния. В результате Советскому правительству стало совершенно ясно, к чему отрямятся английские правящие круги. Однако утверждение Черчилля, будто И.В.Сталин дал согласие на раздел сфер влияния, является вымыслом.

Наконец, убедительным доказательством, опровергающим домысел Черчилля, явилась недавно раскопеченная английская запись этой беседы, которая также подтверждает, что какого-либо согласия на предложенный Черчиллем раздел И.В.Сталин не давал²⁾.

¹⁾ Цит. по: Земсков И. О так называемом "разделе" Югославии на "сферы влияния". - Междунар. жизнь, М., 1958, № 8, с. 74.

²⁾ Public Record Office. Prem 3. 434/4 p.6.

США и Англия вынашивали реакционные планы послевоенного устройства Европы. Они были направлены против Советского государства и освобожденных от фашистской оккупации народов Европы. Об этом весьма убедительно свидетельствуют замыслы Черчилля относительно англо-американской стратегии на весну 1945 г., о которых, несмотря на то что эти документы давно опубликованы, умалчивают все без исключения авторы реферированных книг. Согласно этим замыслам англо-американская стратегия должна была исходить из следующих установок:

"1. Советская Россия стала смертельной опасностью для свободного мира.

2. Надо без промедления создать новый фронт против ее стремительного продвижения.

3. Этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток.

4. Берлин является первоочередной и главной целью англо-американских армий.

5. Освобождение Чехословакии и вступление в Прагу американских войск имеют важное значение.

6. Вена и по существу вся Австрия должны контролироваться западными державами по крайней мере наравне с СССР.

7. Следует обуздать агрессивные притязания маршала Тито к Италии.

Наконец, и это главное, следует урегулировать все крупные проблемы, разделяющие Восток и Запад в Европе, до того как армии демократий будут сокращены или западные союзники оставят какую-либо часть германских территорий, которые они займут..."¹⁾

Таким образом, предложения Черчилля носили ярко выраженный империалистический и антисоветский характер. В них намечался переход западных держав во взаимоотношениях с СССР от

¹⁾ Churchill W. The Second World War. - L., etc., 1954, vol. 6. p. 400.

равноправного сотрудничества к политике "с позиции силы". В США также происходил переход к "жесткому курсу" в отношении Советского Союза.

Одни авторы реферируемых книг, не утруждая себя доказательствами, заявляют, будто Вооруженные Силы СССР вступали на территории Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Норвегии и других стран вопреки воле их народов. Вторая группа авторов злобно искажает действия советских войск в период восстаний в Варшаве и Словакии. Советская Армия изображается этими авторами как сила, которая якобы "навязала" освобожденным ею странам социалистический строй.

Подобная трактовка является грубой клеветой на внешнюю политику Советского Союза и его Вооруженные Силы. Еще в самом начале Великой Отечественной войны Коммунистическая партия и Советское правительство провозгласили, что целью борьбы СССР против фашистских угнетателей является "не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма"¹⁾. Какие-либо захватнические цели чужды самому существу политики СССР, природе его армии.

При освобождении народов зарубежных стран от фашистского ига Советское правительство руководствовалось существовавшими договорами и соглашениями. На территорию Польши, например, Советская Армия вступила по соглашению с Краевой Радой Народовой, достигнутому весной 1944 г. Аналогичный договор между СССР и Чехословакией был заключен в декабре 1943 г с Норвегией — в мае 1944 г. Вопрос о перенесении военных действий Советской Армии на территорию Югославии был согласован с верховным главнокомандованием Народно-освободительной армии Югославии. Все эти факты свидетельствуют, что Воо-

¹⁾ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М., 1947, с.16.

руженные Силы СССР вступали на территорию тех или иных стран с освободительной целью не вопреки, а по воле их народов и правительств.

Советская Армия не только не вмешивалась во внутренние дела освобожденных стран, но и с уважением относилась к их национальным традициям и обычаям. Рискуя жизнью, советские воины спасали жителей, материальные ценности и окровавша национальную и мировой культуры.

Документы позволяют без труда установить, что Советское правительство, направляя свои вооруженные силы для освобождения стран Европы и Азии, действовало строго в соответствии с нормами международного права, оказывало огромную помощь народам, поднявшимся на борьбу с германо-итальянским фашизмом и японоским милитаризмом.

Что касается версии об "экспорте революции", то это очередная дань антисоветизму. В.И. Ленин указывал: "Революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин"¹⁾.

Известно, что в ряде стран, на территории которых находились советские войска (Австрия, Дания, Иран, Норвегия), и поныне господствует буржуазный строй. Очевидно, что в этих странах не существовало тогда еще внутренних предпосылок, которые обеспечили бы успех революции. В то же время в Албании и Вьетнаме советских войск не было и тем не менее там произошел революционный переворот.

Интернациональный подвиг Советской Армии принес ей всемирную славу. Советские Вооруженные Силы полностью или частично освободили территории 13 стран Европы и Азии с населе-

¹⁾ Ленин В.И. Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 г. - Полн. собр. соч., т.36, с.531.

нием около 200 млн. человек. Потери Советской Армии в этих боях оставили свыше 3 млн. человек, в том числе более миллиона убитыми.

СССР, выполнив свою интернациональную миссию в годы войны, оказал затем народам этих стран всестороннюю помощь в укреплении свободы и независимости, оградив их от контрреволюционных происков международного империализма.

Благодаря усилиям советской внешней политики были сорваны планы США и Англии установить на западных границах СССР новый "санитарный кордон" в виде государств с реакционными прозападными режимами, подавить силой оружия революционный подъем в этих странах.

Только с позиций объективной оценки этих и других исторических фактов следует оценивать тенденциозное толкование Л.Дэвисом, Дж.Лундестадам, Дж.Кеннаном и особенно Д.Аналисом решения Советским Союзом проблем восстановления независимости и укрепления суверенитета стран Центральной, Юго-Восточной и Северной Европы, спекуляций буржуазных авторов по польскому, чехословацкому, немецкому и другим вопросам¹⁾.

Экстраполяция этих "сюжетов" в свою очередь связана с трактовкой буржуазными историками происхождения "холодной войны", их попытками обвинить в ней Советский Союз, как делает это У.Керр, или провести идею "равной ответственности" за ее возникновение между США и СССР, воспроизводимую с некоторыми различиями А.Дэвисом и А.Фишером.

Решающая роль СССР в разгроме фашистско-милитаристского блока, что вынуждены признать авторы книги "Русский фронт"²⁾, последовательное проведение Советским Союзом внешнеполитического курса на достижение победы в войне, создание

¹⁾ См. История второй мировой войны 1939-1945. - М., 1979, т.10, с.460-499.

²⁾ The Russian Front: Germany's war in the East, 1941-1945/ Ed. by Dunnigan J.-F., - London; Melbourn, 1978.

Прочного мира на демократической основе явились важнейшим условием развития межгосударственных отношений в Европе на принципах мирного сосуществования стран с различными социальными системами. Эта последовательная линия советской внешней политики обстоятельно рассмотрена на примере советско-французских отношений в научно-аналитическом обзоре "СССР и Сражающаяся Франция в антигитлеровской коалиции". Признание таким реакционным историком, как А.Хильгрубер, успехов советской внешней политики¹⁾ - еще одно тому подтверждение.

Важнейшими конкретными задачами советской внешней политики в годы Великой Отечественной войны являлись: создание и укрепление антигитлеровской коалиции; открытие второго фронта; предотвращение агрессии против СССР со стороны нейтральных государств, поддерживавших или входивших в фашистско-милитаристский блок; оказание помощи народам Европы и Азии в освобождении от фашистского ига. Эти задачи были успешно решены.

О.А.Ржешевский

¹⁾ Hillgruber A. Sowjetische Aussenpolitik im Zweiten Weltkrieg. - Königstein/Ts.; Düsseldorf, 1979, S.149.

I. ОБЩИЕ РАБОТЫ

ХИЛЬГРУБЕР А.

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

HILLGRUBER A.

Sowjetische Aussenpolitik im Zweiten Weltkrieg. -
Königstein/Ts.; Athenäum; Düsseldorf: Droste, 1979. -
/5/, 154 S. - (Athenäum/Droste Taschenbücher
Geschichte; 1800). - Personenreg.: A.153-154.

Монография профессора Кёльнского ун-та Андреаса Хильгрубера посвящена внешней политике СССР в годы второй мировой войны. Работа написана на основе опубликованных на Западе документов и буржуазных исследований. Книга состоит из предисловия и восьми глав. В реферате отражены главы, освещающие внешнюю политику Советского Союза в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Став после 22 июня 1941 г. союзником Великобритании, СССР, однако, оставался при отражении германского нападения, пишет автор, предоставлен сам себе. Возможности для военной поддержки со стороны Англии были весьма ограничены. К тому же британский, так же как и американский, генеральный штаб исходил из того, что сопротивление советских войск продлится не более двух-трех месяцев. Поэтому значительная поддерж-

ка Советского Союза расценивалась в Лондоне и Вашингтоне как распыление сил. Вместе с тем по инициативе английской стороны Москва и Лондон произвели обмен военными миссиями. 12 июля в Москве было подписано соглашение о взаимопомощи. Оно предусматривало взаимную поддержку в войне против Германии и содержало обязательство не вести никаких переговоров с третьим рейхом о перемирии или заключении мирного договора, кроме как с двустороннего согласия.

С целью оказания помощи находившимся в тяжелом положении советским войскам Сталин 18 июля 1941 г. впервые потребовал от Великобритании создания второго фронта на западе (Северная Франция) и на севере Европы (Северная Норвегия). 21 июля Черчилль ответил, что британские начальники штабов вооруженных сил не видят возможности для успешного осуществления подобной операции. 3 сентября Сталин вновь возобновил свои призывы о создании "второго фронта на Балканах или во Франции еще в этом году" (с.68). Что касается непосредственной военной поддержки, то она ограничилась размещением нескольких эскадрилий британских ВВС в районе Мурманска, которые якобы должны были участвовать в отражении финско-германского наступления на этот важнейший незамерзающий порт СССР. 29 сентября 1941 г. первый британский конвой со снаряжением и оружием прибыл в Мурманск. До конца 1941 г. в северные порты СССР в общей сложности прибыло 8 конвоев. В течение первого года, вплоть до июня 1942 г., Великобритания поставила-де Советскому Союзу, в частности, 2400 танков и 1800 самолетов.

В отличие от Великобритании, где, по мнению автора, как правительство, так и общественность почти единодушно приветствовали установление союзнических отношений с СССР, позиция политических кругов Соединенных Штатов, в то время еще находящихся вне войны, была неоднородной. Принимая во внимание новый подъем изоляционистской войны в американском общественном мнении, президент Рузвельт смог лишь постепен-

но подключить Советский Союз к числу государств, которым США оказывали помощь в рамках ленд-лиза. К этому добавились и немалые сомнения американского генштаба относительно целесообразности сколько-нибудь существенной помощи СССР ввиду его якобы неминуемого краха в скором времени. Эти, а также другие политические и стратегические соображения нашли свое отражение в провозглашенной США и Англией 14 августа 1941 г. Атлантической хартии. Этот документ, полностью пронизанный представлениями "Pax Britannica et Americana", содержал принципиальный отказ от признания территориальных изменений, происшедших в 1939-1940 гг. в Восточной и Центральной Европе в результате активности советской внешней политики. Присоединение СССР к Атлантической хартии 24 сентября 1941 г. ничего не изменило в этом вопросе.

Успешное контрнаступление под Москвой представило, по мнению автора, Советскому правительству удобный случай поставить перед своими партнерами по антигитлеровской коалиции ряд назревших важных политических проблем, от внесения ясности в которые Сталин до этого сознательно уклонялся.

Во время визита министра иностранных дел Англии Идена в Москву в декабре 1941 г. Сталин, опираясь на изменяющуюся стратегическую обстановку, впервые изложил государственному деятелю союзной державы цели, которые преследовал Советский Союз в войне. Сталин охарактеризовал круг своих требований западным державам, к числу которых прежде всего относились признание советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г. Требование о расчленении Германии было в тот период высказано советской стороной еще в весьма неопределенной форме. "Тем самым, - пишет автор, - Сталиным была намечена центральная тема, которая должна была заполнять конференции с западными державами в последующие годы" (с.75).

Несмотря на откровенный характер своих высказываний в беседах с Иденом, Сталин тем не менее на протяжении 1942 г. проводил крайне осторожную политику в отношении западных

держав, особенно учитывая, что лето 1942 г. вновь серьезно ухудшило положение СССР на фронте. Это нашло, в частности, свое выражение в сдержанности по отношению к партизанскому движению в Югославии под руководством Тито в 1941-1942 гг. и, напротив, в превращении югославской миссии в Москве 9 сентября 1942 г. в посольство. С немалой оглядкой действовало Советское правительство и в отношениях с возглавляемым де Голлем Национальным комитетом Свободной Франции. Хотя СССР признал де Голля в качестве "главы всех свободных французов", Сталин недвусмысленно дал понять Идену, что он не рассчитывает на восстановление Франции как великой державы в послевоенный период. Несмотря на значительную сдержанность в политических планах, проявленную Сталиным в 1942 г., ему так и не удалось побудить своих союзников к открытию второго фронта. Связанный с этим обстоятельством кризис в отношениях с Англией и США достиг поздней осенью 1942 г. своей первой кульминации.

Советское правительство с большим разочарованием узнало, что между Лондоном и Вашингтоном достигнуто решение о высадке поздней осенью войск не в Западной Европе, а во Французской Северо-Западной Африке.

Окружение 6-й немецкой армии под Сталинградом в большей степени характеризовало, как отмечает автор, поворотный пункт войны в Европе, чем британское наступление в Ливии и высадка американских и английских войск в Марокко и Алжире. "При этом, как и прежде, Красная Армия сковывала главные силы немецких сухопутных войск и большую часть германских люфтваффе" (с.82). Провозглашенный Рузвельтом и Черчиллем 24 января 1943 г. на конференции в Касабланке принцип "безоговорочной капитуляции" являлся своего рода жестом в сторону Москвы. Однако Советское правительство не дало себя обмануть жесткостью деклараций, отдавая себе отчет в том, что в преддверии готовящегося летом 1943 г. нового наступления вермахта Советский Союз по-прежнему должен был нести на себе

основную тяжесть войны и принести огромнейшие по масштабам жертвы на алтарь совместной победы. Подобное положение дало советской стороне основания считать, что западные державы стремятся сберечь свои силы для послевоенного периода. Поэтому, пишет автор, реакция Сталина на решения конференции в Касабланке была двойственной. С одной стороны, Сталин повторил формулу о "безоговорочной капитуляции" в своем приказе по случаю 1 мая 1943 г., с другой – не исключал и другие возможности. По утверждению автора, эти последние включали как установление контактов с Гитлером, так и стимулирование деятельности национальной немецкой оппозиции в интересах послевоенной советской политики. В приказе по случаю 24-й годовщины создания Красной Армии Сталин указал на необходимость проводить различие между Гитлером и немецким государством. "Эта дифференциация не исключала двойственной политики в отношении Германии" (с.83).

С другой стороны, летом 1943 г. Сталин создал благоприятные предпосылки для углубления отношений с западными союзниками, носившими до того времени характер формальной коалиции. 15 мая 1943 г. было объявлено о роспуске Коминтерна, что, по мнению автора, устранило весьма существенное препятствие для распространения симпатий к СССР в широких кругах американской и английской общественности. Этот шаг, по-видимому, положил конец политике колебаний компартий в зависимости от поворотов во внешней политике Советского Союза. "Одновременно он представлял собой дальнейший шаг в рамках "патриотической" агитации, которая начиная с осени 1941 г. приобретала для советской внутренней и внешней политики возрастающее значение" (с.85).

Действия Советского правительства были чрезвычайно кстати, чтобы в какой-то степени нейтрализовать ту волну протеста, которая возникла в общественном мнении Запада в связи с позицией СССР в польском вопросе. 25 апреля 1943 г. Москва разорвала дипломатические отношения с правительством.

Сикорского. Спустя две недели в СССР было объявлено о создании "Союза польских патриотов", который, по мнению автора, мог рассматриваться в качестве ядра будущего правительства Польши. Вскоре после этого на территории Советского Союза началось формирование первой польской дивизии во главе с полковником З.Берлингом.

В отличие от советско-польских советско-чехословацкие отношения, т.е. отношения СССР с чехословацким правительством в эмиграции во главе с Бенешем, развивались позитивно, без особых трений. Уже 18 июля 1941 г. Советское правительство признало "Временное правительство Чехословакии". Под влиянием предательства западных держав в период Судетского кризиса 1938 г. усилились "просоветские" настроения в ориентации Бенеша. 9 июня 1942 г. Советское правительство подтвердило признание границ Чехословакии, существовавших до мюнхенского соглашения, как единственно законных. Успешное наступление советских войск в 1943 г. явилось дополнительным аргументом для "просоветской" позиции Бенеша, считавшего все более неизбежным освобождение Чехословакии Красной Армией.

Капитуляция Италии в сентябре 1943 г. вновь обнаружила напряженность между союзниками по антигитлеровской коалиции. Сталин упрекал западные державы в отсутствии соответствующих консультаций с СССР об условиях капитуляции Италии. Его предложение о создании "военно-политической комиссии" трех держав для подготовки переговоров с выходящими из войны союзниками Германии осталось без ответа. Сталин, в свою очередь, отказался от предложенной Рузвельтом встречи в Фербенксе (на Аляске), но принял предложение Черчилля о проведении конференции министров иностранных дел трех держав в Москве. Московская конференция положила начало новой фазе советской внешней политики, которая, по мнению автора, характеризовалась большей откровенностью СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции. Так, после завершения Тегеранской конференции американская сторона была проинформирована о предпри-

нятом 10 сентября 1943 г. японским послом в Москве зондаже относительно посредничества в завершении советско-германской войны.

По утверждению автора, решающая предпосылка для реализации далеко простирающихся внешнеполитических планов Сталина возникла в тот момент, когда анализ американским генштабом соотношения сил в послевоенной Европе подтвердил выводы Рузвельта, взятые им за основу общей политики США. Это исследование, относившееся к августу 1943 г., исходило из того, что после завершения войны Советский Союз будет располагать военным превосходством на Европейском континенте. В связи с этим американские генштабисты считали необходимыми далеко идущие уступки требованиям Сталина, чтобы на длительный период обеспечить американско-советское сотрудничество в послевоенном мире. "Таким образом, благодаря советской политике вооружений и успехам Красной Армии в апогее войны возникли основополагающие предпосылки для будущих внешнеполитических позиций Советского Союза" (с.91). Именно в этой связи, отмечает автор, необходимо рассматривать и решения Квебекской конференции глав западных держав в августе 1943 г. где вместо расширения военных действий в районе Средиземноморья, отстаиваемого Черчиллем, была сделана ставка на вторжение в мае 1944 г. во Францию.

На Московской конференции Молотов одобрил американское предложение, поддержанное Черчиллем еще в Квебеке, относительно декларации четырех держав (включая Китай), подчеркивавшей необходимость послевоенного сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции и предусматривавшей создание Международной организации по поддержанию мира и безопасности народов. По мнению автора, весьма неопределенные американские предложения по этой центральной проблеме международного развития предопределили быстрый положительный ответ СССР, не связывавший его в какой-либо мере. Одновременно согласие с американцами позволило советской стороне без особых

затруднений отклонить предложение Идена о создании различных "федераций" малых и средних европейских государств. Советское правительство подозревало, что за подобным британским предложением, связанным прежде всего со странами Восточной и Центральной Европы, скрывается попытка оживления "санитарного кордона" вокруг СССР. По проблемам Дальнего Востока на Московской конференции министров иностранных дел также не было принято никаких решений. По мнению автора, Сталин не был заинтересован до окончания войны с Германией в той или иной форме быть втянутым в военные действия на Дальнем Востоке. Правда, на прощальном банкете в честь государственного секретаря США Хэлла 30 октября 1943 г. Сталин впервые заявил, что Советский Союз после разгрома Германии примет участие в войне против Японии. "Эти заверения, предназначенные в качестве доверительной информации для американского президента, могли быть направлены на то, чтобы стимулировать готовность Рузвельта к уступкам в европейских вопросах во время предстоящей встречи глав правительств" (с. 93-94).

Первая конференция "большой тройки" предоставила Сталину возможность выявить позицию Рузвельта и Черчилля по важнейшим вопросам, касающимся Восточной и Центральной Европы. В отличие от позиции Молотова на конференции министров иностранных дел в Москве Сталин в Тегеране не настаивал на вступлении Турции в войну. По мнению автора, это обусловливалось как нежеланием советской стороны затягивать открытие второго фронта в Западной Европе, так и опасением слишком большого англо-американского влияния в районе проливов и Юго-Восточной Европы. По тем же причинам Сталин отверг предложенное Черчиллем предложение Рузвельта о высадке английских и американских войск, находившихся в Италии, на Адриатическом побережье с целью поддержки югославских партизан. Вместе с тем Сталин с удовлетворением принял к сведению, что английская помощь отныне предназначается исключительно партизанам, возглавляемым Тито, в то время как ранее в Англи

или ставка делалась на националистическое сербское движение во главе с генералом Д. Михайловичем. Это дало основание Советскому правительству со своей стороны признать 15 декабря 1943 г. Национальный комитет освобождения во главе с Тито в качестве единственного правительства Югославии и прервать отношения с югославским правительством в эмиграции Шубашича.

Как утверждает автор, Сталин во всех вопросах, которые он не считал жизненно важными для Советского Союза, как и в случае с Финляндией, предпочитал не идти на риск. Это особенно было заметно при сопоставлении осторожной тактики СССР по отношению к Финляндии и жесткой позиции в связи с Польшей и Прибалтийскими государствами. Так, Сталин категорически отклонил предложенный Рузвельтом плебисцит в Прибалтийских республиках после освобождения их советскими войсками.

Дискуссия "большой тройки" по "польской проблеме" ограничилась обсуждением вопроса о границах, который западным державам представлялся менее значительным, чем будущее социальное и политическое устройство Польши. Для Сталина, напротив, из-за тесной связи вопроса о польских границах с германской проблемой речь шла об одном из фундаментальнейших вопросов его европейской политики в обозримом будущем. Что касается восточной границы Польши, то Сталин не настаивал на ранее требуемых границах осени 1939 г. и согласился на линию Керзона в обмен на согласие Рузвельта и Черчилля "вознаградить" Польшу присоединением к ней северной части Восточной Пруссии. Новую польскую западную границу, приобретенную с советской помощью, Сталин обозначил с одобрения Черчилля по Одеру.

В центре внимания Тегеранской конференции находилась германская проблема, хотя и в отношении ее не было принято никаких конкретных решений. Сталин считал серьезной опасностью для советских интересов в Дунайском бассейне и на Бал-

канах черчиллевский вариант расчленения Германии, который предусматривал отделение Пруссии от Южной Германии и объединение Бадена, Вюртемберга и Баварии с Австрией и Венгрией в "Дунайской конфедерации". Предпочтительней для Сталина, по мнению автора, был проект Рузвельта, огласно которому Германия в границах Версальского мира должна быть расчленена на пять "автономных" государств. В принципе не возражая против расчленения Германии, Сталин тем не менее не поддерживал конкретно ни одно из внесенных на этот счет предложений, оставив открытыми и другие возможности решения германской проблемы.

В целом территориальные проблемы остались в Тегеране нерешенными, за исключением поддержанной всеми линии Керзона в качестве будущей восточной границы Польши. Это отвечало намерениям Рузвельта, стремившегося отложить все конкретные решения по возможности до конца войны. Подтверждение Сталиным решения СССР вступить в войну с Японией после завершения военных действий в Европе, по мнению автора, значило для Рузвельта больше ввиду тяжести ведения войны на Тихом океане, чем остающееся невыясненным политическое будущее значительной части Европы.

Значительно скорее, чем это ожидал Сталин в Тегеране, стал вырисовываться план раздела Германии на оккупированные зоны, отвечавший интересам советской стороны. В апреле 1944 г. Рузвельт одобрил к тому времени уже сблизившиеся позиции Москвы и Лондона, и 12 сентября 1944 г. на этой основе был выработан и подписан "первый зональный протокол".

Быстрый успех летнего наступления 1944 г. советских войск против немецкой группы армий "Центр" оказал определяющее воздействие на развитие на всем советско-германском фронте. Политические изменения в соседних с СССР государствах стали неизбежны. Прежде всего это привело к решению польской проблемы в интересах Советского Союза. 26 июля 1944 г. в Москве было подписано Соглашение между Советским

правительством и "просоветским" Люблинским комитетом, согласно которому последний признавался СССР в качестве единственного представителя Польши. И хотя Люблинский комитет еще не располагал полномочиями временного правительства, полномочия польского эмигрантского правительства в Лондоне были поставлены под сомнение. В конечном счете отныне от Советского правительства зависело как количественное, так и персональное участие деятелей эмигрантского правительства в управлении Польшей после ее освобождения. Если Сталин приблизился к своей цели включения Польши в свою сферу влияния, почти не предпринимая ничего для этого, то на севере и юго-востоке Европы советская внешняя политика шла к успеху, сочетая военные победы с дипломатической тактикой.

19 сентября 1944 г. в Москве было подписано перемирие с Финляндией, восстанавливавшее в силе мирный договор от 12 марта 1940 г., а также содержавшее некоторые дополнительные условия (передачу СССР района Петсамо, аренда острова Порккала – Удд и территориальных вод вокруг него, отказ от полуострова Ханко, выплата Финляндией репараций в размере 300 млн. долларов). Объявление Финляндией войны Германии превратило в конечном счете и эту страну, как и всех других бывших сателлитов третьего рейха, фактически в союзника СССР. Правда, принимая во внимание позицию западных держав в Швеции, связь Финляндии с СССР остается в отличие от стран Юго-Восточной Европы ограниченной внешнеполитическими средствами.

Принимая участие в освобождении Норвегии, Советский Союз продемонстрировал свою мощь и в этом регионе. В результате влияния СССР появились перемены в политике Швеции, которая в 1941 г. определенно модифицировала свой нейтралитет в пользу Германии. В 1945 г. Швеция, выдав несколько тысяч немецких военнослужащих и прибалтийских легионеров, сделала уступки Советскому Союзу и продемонстрировала тем самым стремление вернуться к длительному и строгому нейтралитету.

В Юго-Восточной Европе, где Румыния занимала ключевую для германской стратегии позицию, решающий поворот обозначился в результате успешного наступления советских войск во второй половине августа 1944 г. Оно побудило короля Михая I отстранить от власти маршала Антонеску, который отвергал все советские предложения о заключении перемирия. Новое румынское правительство во главе с генералом Санатеску в ночь с 23 на 24 августа передало советским представителям на секретных переговорах в Стокгольме свое согласие на заключение перемирия на базе советских предложений от 12 апреля 1944 г. Сталин, однако, утверждает автор, затянул подписание соглашения о перемирии до тех пор, пока Бухарест и большая часть страны вплоть до югославской границы не была оккупирована советскими войсками. Участие представителей компартии в состоявшем преимущественно из военных правительстве генерала Санатеску предоставило СССР средство внутреннего контроля за действиями Румынии. Начатая этими действиями политика унификации страны, в начале столкнувшаяся с немалыми трудностями, после замены правительства Санатеску правительством генерала Радеску продолжала развиваться.

Сложнее, чем в случае с Румынией, обстояло дело с Болгарией. На протяжении всей войны Болгария поддерживала дипломатические отношения с СССР. Однако, с другой стороны, косвенно Болгария поддерживала действия, направленные против Советского Союза: она находилась в состоянии войны с Англией и США, аннексировала после балканской кампании третьего рейха весной 1941 г. часть территории Югославии и Греции, ряд других областей на Балканах. Под давлением Берлина в годы войны Болгария предприняла ряд недружественных действий по отношению к советским представителям в стране. Под влиянием резко ухудшившегося в конце лета 1944 г. положения Германии Болгария 30 августа заявила о своем "полном нейтралитете" и спустя несколько дней о выходе из Антикоминтерновского пакта. Однако это уже не могло предотвратить объявления ей войны со

стороны СССР, последовавшего 5 сентября 1944 г. Попытка болгарского правительства в день вступления советских войск на территорию страны объявлением войны Германии предотвратить полную оккупацию Болгарии оказалась безрезультатной. Пришедшее к власти в результате восстания в Софии в ночь с 8 на 9 сентября 1944 г. правительство "Отечественного фронта" гарантировало, по мнению автора, в дальнейшем "просоветскую" ориентацию Болгарии в духе концепции Сталина.

Недоверчивость Сталина к любой форме "просоветской", но самостоятельной деятельности коммунистических и социалистических сил в отведенной СССР сфере влияния особенно отчетливо проявилась, по утверждению автора, в период Словацкого национального восстания, начавшегося в конце августа 1944 г. Советские партизаны принимали участие в подготовке и начале этого восстания, но оно вскоре вышло за пределы поставленных задач, связанных с нарушением немецких путей сообщения. "Ошеломляющая широта движения и значение словацкой регулярной армии придали, напротив, целям словацкого национального Совета в Баньока Быстрице, направленным на восстановление Чехословакии с помощью собственных сил и усиление позиций Словакии, больший вес" (с. II 4). Принимая во внимание столь серьезные политические расхождения, по мнению автора, нельзя только военными соображениями объяснить задержку Красной Армии в районе Дуклинского перевала и явно недостаточную поддержку восставших по воздуху. Только вскоре после окончательного поражения восстания советские войска вышли на территорию Закарпатской Украины.

Овладение большей частью восточноевропейских территорий в конце лета – осенью 1944 г. Красной Армией необычайно улучшило позиции СССР по отношению к США и Великобритании. Это позволило Сталину в значительной степени реализовать свои концепции при создании ООН, что нашло свое отражение как в закреплении за великими державами – членами Совета Безопасности права на вето при принятии любых решений, так и в пре-

доставлении Украинской и Белорусской республикам самостоятельного членства в ООН.

В связи с тем что истечение трехмесячного соглашения о зонах военных операций в Юго-Восточной Европе требовало его продления и расширения, принимая во внимание развитие наступления советских войск, Черчилль, интересы которого прежде всего были связаны с Грецией, решил достичь договоренности по этим вопросам со Сталиным и прибыл в первой половине октября 1944 г. в Москву. Сталин выразил согласие о предложением британского премьер-министра о замене строго разграниченных зон военных операций степенью влияния обеих держав в той или иной стране Юго-Восточной Европы. Согласованы были и воспроизводимые в буржуазных работах цифры, отражающие влияние СССР и Великобритании в странах этого региона.

Большая часть бесед между Черчиллем и Сталиным (американский посол А.Гарриман присутствовал в качестве наблюдателя) была посвящена "польскому вопросу", для обсуждения которого в Москву прибыл также Миколайчик. Советское правительство требовало от последнего признания линии Керзона в качестве будущей границы Польши. Привлеченный к участию в переговорах президент Люблинского комитета Берут настаивал на сформировании нового польского правительства, в котором преобладали бы представители Люблинского комитета. Отклонение Миколайчиком обоих требований привело к тому, что "польский вопрос" и прежде всего его решающий аспект — будущее социальное и политическое устройство Польши — оставался нерешенным великими державами. Несмотря на убедительную просьбу Рузвельта в преддверии новой встречи "большой тройки" не обременять ее течение практикой "свершившихся фактов", 31 декабря 1944 г. Люблинский комитет был преобразован во Временное правительство Польши, которое было официально признано Советским Союзом 5 января 1945 г.

Вступление генерала де Голля в "большую политику" предоставило Сталину дополнительную возможность оказания давления

на США и Великобританию в целях окончательного решения "польского вопроса" в интересах СССР. Отношение к де Голлю в Москве изменилось после освобождения Франции в августе 1944 г., когда генерал занял ведущее положение в политической жизни страны. Создав авторитет Временному правительству Франции внутри страны и сохраняя дистанцию во взаимоотношениях с западными державами, де Голль, по мнению автора, превращался в самостоятельный фактор европейской политики. Прибыв в начале декабря 1944 г. в Москву, де Голль выразил свое оглашение с будущей западной границей Польши по Одере и Нейсе, хотя Сталин не дал никаких обязательств относительно будущей французской восточной границы по линии Рейна. Советское правительство не было заинтересовано в изъятии важнейших областей Западной Германии из под международного контроля. 10 декабря 1944 г. был подписан советско-французский договор о союзе и взаимопомощи на двадцать лет, предусматривавший совместное завершение борьбы с Германией, но прежде всего тесное сотрудничество обоих государств после окончания войны. "С точки зрения Сталина, этот договор мог быть использован в качестве инструмента против нежелательной американской или британской политики в германском вопросе, так как он увеличивал внешнеполитическую маневренность де Голя по отношению к обеим англосаксонским державам" (с.118).

К концу 1944 г. наиболее существенной нерешенной проблемой во взаимоотношениях СССР с западными державами оставался по-прежнему "польский вопрос". Для советской внешней политики предстояло еще, конечно, немало хлопот по наведению "порядка" в своей сфере влияния, связанных прежде всего с устранением из политической жизни той или другой страны прозападных группировок. Сдержанность советской внешней политики и органов массовой информации в ходе возникновения и последующего подавления британскими войсками коммунистического восстания в Греции в декабре 1944 г. - январе 1945 г.,

с точки зрения Сталина, утверждает автор, представляло собой образец корректного поведения в случае аналогичных событий и в сферах влияния других великих держав.

Успешное наступление советских войск в начале января 1945 г., приостановившееся в 50 км от Берлина, свидетельствовало о скором окончании войны в Европе. В этих условиях Советский Союз, все более освобождаясь от тягот ведения войны, обретал полную внешнеполитическую свободу действий. По сравнению с СССР, США, несмотря на все успехи на Тихоокеанском театре военных действий, были еще весьма далеки от завершения войны с Японией, которая на протяжении 1944 г. серьезно укрепила свои позиции на сухопутном театре. Таким образом, Соединенные Штаты в области внешней политики оставались по-прежнему серьезно скованы на огромном театре военных действий. В такой ситуации, пишет автор, советское руководство могло требовать за обещанное Сталиным еще в Тегеране вступление в войну с Японией немалую "политическую цену". "Она должна была состоять не только из уступок в Восточной Азии, но также и в Европе и относительно структуры ООН" (с.123).

Благоприятная позиция для ведения переговоров в полной мере была использована Сталиным на Ялтинской конференции "большой тройки". Сталин, полагает автор, исходил из того, что Рузвельт рассматривал сотрудничество с СССР в качестве узлового пункта своей политики, все более и более вступая в конфронтацию с видными представителями своей же администрации, отремившимися любой ценой к сохранению американских интересов на Европейском континенте. Сталин также мог рассчитывать, что Рузвельт бросит на чашу весов весь свой престиж, чтобы на этой последней военной конференции "большой тройки" прийти к соглашению с СССР по еще нерешенным вопросам, связанным с деятельностью ООН.

В Ялте американская сторона сделала решающую уступку в вопросе о праве "вето" для постоянных членов Совета Безопас-

ности ООН. Добившись этого, Сталин устранил как перспективу единого фронта против СССР в рамках ООН, так и опасность превращения Совета Безопасности в инструмент антисоветской политики. По сравнению с этим уступки Рузвельта в Восточной Азии для будущей международной политики имели меньшее значение, затрагивая такие вопросы, как признание западными державами статуса МНР, а также восстанавливая территориально-правовые позиции СССР в этом районе, подорванные еще в период русско-японской войны 1904-1905 гг.

На Ялтинской конференции Сталину удалось достичь и овечьих наиболее важных целей на Европейском континенте. Этому в определенной степени способствовали изменения в польском эмигрантском правительстве. Жесткая в отношении СССР линия нового правительства Арцишевского привела к тому, что Рузвельт и Черчилль приняли за основу будущей польской восточной границы линию Керзона с незначительными отклонениями в пользу Польши. Решающим моментом для будущей судьбы Польши явилось то, что было принято советское предложение о включении зарубежных "демократических лидеров" в состав контролируемого коммунистами временного правительства в Варшаве. Последнее было фактически уже признано западными державами в качестве ядра нового "правительства национального единства". Его юридическое признание США и Великобританией должно было последовать после завершения реорганизации правительства. Единственно, что Сталину не удалось добиться в рамках "польской проблемы" в Ялте, так это признания Рузвельтом и Черчиллем западной границы Польши по Одере и Нейсе. Окончательное решение этого вопроса было оставлено до послевоенной мирной конференции.

Поскольку на Ялтинской конференции со стороны не только Рузвельта, но даже Черчилля была продемонстрирована большая готовность к уступкам по отношению к СССР, Сталин, по утверждению автора, предполагал в ближайшие после завершения встречи "большой тройки" недели предпринять некоторые одно-

сторонние акции в странах Восточной Европы, чтобы добиться еще больших преимуществ в этом районе.

В течение двух последовавших за Ялтинской конференцией месяцев произошли серьезные изменения в международной обстановке. Недоверие Советского правительства в отношении курса нового американского президента Трумэна обрело питательную почву. Поскольку в Польше к концу апреля 1945 г. все еще не было сформировано "правительство национального единства", договоренность о котором была достигнута в Ялте, Трумэн отклонил участие не признанного США и Великобританией правительства в Варшаве в открывавшейся 25 апреля в Сан-Франциско первой сессии ООН. Недоверие Сталина увеличилось еще больше, когда на следующий день после подписания общей капитуляции германских войск, были резко и без предварительного извещения ограничены американские поставки СССР в рамках ленд-лиза. После того как администрация США ранее отказалась предоставить Советскому Союзу кредит на 6 млрд. долл. для восстановления народного хозяйства, этот новый недружественный шаг должен был неизбежно рассматриваться в Москве в качестве попытки оказать давление на СССР.

С целью преодоления "мертвой точки" в американско-советских отношениях, в чем правительство США в отличие от призванного к открытой конфронтации Черчилля было заинтересовано как по внутривнутриполитическим причинам, так и в связи с продолжающейся войной против Японии, Трумэн направил в Москву для переговоров приверженца внешнеполитического курса Рузвельта Гопкинса. В ходе бесед с ним Сталин подчеркнул неизменность своих целей на Европейском континенте. Пойдя на незначительные уступки в вопросах, связанных с принятием Устава ООН, Сталин добился признания правительствами США и Великобританией польского "правительства национального единства", в котором решающие позиции занимали коммунисты. После уступок американской стороны на переговорах Сталина и Гопкинса и достижения договоренности между США и СССР по наиболее актуальным спорным вопросам ничто уже более не препятствовало

новой встрече "большой тройки", которая должна была внести ясность в возникшие в связи с окончанием войны в Европе проблемы.

На Потсдамскую конференцию большой отпечаток наложила "японская проблема". Несмотря на успешное испытание атомной бомбы и решение о применении ее против Японии, в правящих кругах США по-прежнему господствовало мнение, что только вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке могло бы гарантировать ее скорейшее завершение. Стремление западных держав ускорить вступление СССР в войну с Японией в значительной степени обусловило тактику Сталина на Потсдамской конференции.

В "германском вопросе" Сталину удалось добиться решения о рассмотрении страны в оккупационный период в качестве "единой экономической единицы". Однако общая сумма репараций вновь не была установлена, Советскому Союзу предоставлялась лишь возможность взимать свою долю репараций из своей оккупационной зоны и незначительную часть из западных зон. Советское предложение об установлении четырехстороннего контроля над Рурской областью было отклонено. США и Англия признали передачу СССР и Польше соответствующих территорий Восточной Пруссии, но отклонили признание западной границы Польши по Одеру и Нейсе до заключения мирного договора с Германией.

По мнению автора, военные победы начиная с 1942 г. и целеустремленность советской внешней политики обеспечили СССР наибольший среди других держав-победительниц выигрыш, хотя он, несомненно, в наибольшей степени пострадал в ходе войны. Господствующее положение Советского Союза после 1945 г. в Европе восточнее Эльбы исключило возможность возрождения антисоветских блоков в Восточной и Юго-Восточной Европе. Тем самым были созданы предпосылки для превращения СССР в державу мирового ранга, предопределившие новые задачи советской внешней политики.

Е.Л.Осипова

ФИШЕР А.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ ВО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ.

FISCHER A.

Sowietische Deutschlandpolitik im Zweiten Weltkrieg
1941-1945. - Stuttgart : Deutsch. Verl.-Anst.,
1975. - 252 S. - (Studien zur Zeitgeschichte). -
Bibliogr.: S.223-241.

Монография западногерманского советолога, профессора Александра Фишера посвящена различным аспектам политики СССР в отношении Германии в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В работе использованы фонды ряда архивов ФРГ, опубликованные документы, публицистика, мемуары, обширная марксистская и буржуазная литература. Книга состоит из предисловия, пяти глав, заключения и справочного аппарата.

Нападение третьего рейха на СССР, как считает автор, разрушило внешнеполитическую концепцию Сталина, направленную на то, чтобы любым способом избежать войны, которую вели между собой потенциальные противники Советского Союза. В выступлении Молотова 22 июня 1941 г. ответственность за развязанную войну была возложена на германский и международный фашизм. Война положила конец рассматриваемому как про-

тивоестественному альянсу СССР с германскими "фашистами" (с.14).

В выступлении Черчилля по радио 22 июня 1941 г., пишет автор, прозвучала решимость поставить решение "германского вопроса" в центр британской политики, но в Москве этот фактор как объект союзнической военной политики или будущего мирного планирования занимал подчиненное место.

Как утверждает автор, в первый период Великой Отечественной войны в советской внешней политике основной акцент делался на усиление идеологической борьбы против фашистской Германии, тем более что полет Геоса в мае 1941 г. в Англию породил серьезные опасения в советском руководстве относительно возможности германо-британского сепаратного мира, наложившие отпечаток на отношение Сталина к проблеме антифашистской коалиции. В ноябре 1941 г., в период наиболее ожесточенных боев под Москвой, когда казалось, что оправдаются самые мрачные прогнозы американских военных экспертов, касающиеся возможностей Советского Союза к продолжению сопротивления, Сталин обратился с посланием к Черчиллю, в котором потребовал от британского премьера создания ясности в отношениях между Лондоном и Москвой, "недостающей в настоящее время". Наряду с отсутствием договора о взаимной военной помощи Сталин указал на тот факт, что до сих пор не удалось достичь "окончательного соглашения между нашими обеими странами о целях войны и о планах послевоенного мирного урегулирования" (с.28). Сталин подчеркнул, что до тех пор, пока по этим основным вопросам нет договоренности, невозможна не только ясность в отношениях между СССР и Англией, но и "взаимное доверие".

Стремление Сталина в наиболее тяжелый для СССР период в достаточно жесткой форме поставить вопрос об антифашистской коалиции овидетельствовало о его намерении в союзе с Великобританией решать не только чисто военные проблемы. По утверждению автора, скорее всего дело заключалось в том,

чтобы обеспечить сферу политического влияния и территориальные границы СССР в Центральной и Восточной Европе, узаконить их в международном плане. Как "доказал" более десяти лет тому назад американский историк Дж.Кеннан, внешнеполитические цели Советского Союза во второй половине 1941 г. оставались "почти точь-в-точь такими же, как и во время германо-советского пакта о ненападении" (с.28). Черчилль в ответном послании Сталину от 21 ноября 1941 г. констатировал отсутствие возможностей вплоть до окончания войны принимать какие-либо решения, касающиеся послевоенного европейского порядка. Лишь в единственном вопросе Черчилль уточнил свои представления о будущем послевоенной Европы. По его мнению, первостепенной задачей мирной конференции трех великих держав - СССР, США и Англии - станет "воспрепятствование Германии, и прежде всего Пруссии, в третий раз напасть на нас" (с.29).

Прибывшая 7 декабря 1941 г. в Москву британская правительственная делегация во главе с Иденом была заинтересована в достижении ближайших целей. Она ожидала в интересах дальнейшего продолжения совместной борьбы против Германии и ее союзников разрядки и нормализации англо-советских отношений и, кроме того, не исключала обсуждения германской проблемы. Как отмечает автор, Иден был крайне удивлен, когда по прибытии в Москву ему пришлось столкнуться с детализированными планами Сталина, касающимися долгосрочной послевоенной организации всей Европы. При этом доминирующими для Сталина были следующие два соображения. Во-первых, он настаивал на восстановлении суверенитета малых и средних европейских государств, оккупированных Германией и ее союзниками. Сталин предлагал, как указывалось в донесении Идена Черчиллю, "восстановление Австрии в качестве независимого государства, отделения Рейнской области от Пруссии в качестве независимого государства или протектората и, возможно, образования самостоятельной Баварии" (с.30). Кроме того, согласно предложениям Сталина, Восточная Пруссия должна была отойти к

Польше, Тильзитская область — к Литовской ССР, Судетская область — к Чехословакии. Несомненно, пишет автор, в центре внимания планов советского руководителя лежало стремление охранить территорию и сферы влияния СССР по состоянию на канун германского нападения. Согласие Великобритании с этими предложениями, констатировал Иден, могло быть "вознаграждено" советской поддержкой планов Великобритании, связанных с созданием в странах Западной Европы своих опорных пунктов.

Британская сторона не выразила готовности в условиях ожесточенных боев на советско-германском фронте обсуждать столь далеко простирающиеся предложения о послевоенном европейском устройстве. В инструкциях британской делегации Черчилль подчеркивал необходимость сначала "выиграть войну". К тому же он указывал, что обсуждение военных и послевоенных целей Великобритании в отличие от СССР в основном предполагает рассмотрение "германского вопроса".

Визит Идена и имевшие место переговоры обнаружили невозможность достижения соглашения по таким проблемам, как цели войны и мирное урегулирование. Выдвинутый англичанами на передний план "германский вопрос" не занимал, по мнению автора, такого же места в политике СССР. В то же время в Лондоне не стремились занять положение державы, гарантирующей советское влияние в Восточной и Центральной Европе.

Вторая глава монографии (с. 33—59) посвящена рассмотрению всякого рода низкопробных спекуляций в буржуазной мемуаристике и историографии, связанных с так называемыми "альтернативами" антифашистской коалиции в советской внешней политике в 1942—1943 гг. В этом отношении весьма симптоматичны приемы автора, сочетающие явную ложь с откровенными признаниями. Он пишет: "Если у современного наблюдателя может возникнуть впечатление, что вплоть до 1943 г. цель советской политики по отношению к Германии прежде всего состояла в том, чтобы из военного противника сделать политическо-

го союзника, то здесь не обошлось без вины западных союзников СССР. Русские имели "известное право", как признает руководитель американской военной миссии в Москве в 1943-1945 гг. Дж.Р.Дин, сомневаться в искренности своих западных союзников относительно открытия второго фронта в Европе" (с.60).

Не менее серьезным упущением западных держав явилось их нежелание сообщить СССР в ноябре 1941 г. свои планы в отношении послевоенной Германии. Сделанные в начале 1943 г. Рузвельтом и Черчиллем официальные заявления, касающиеся общих политических намерений по отношению к третьему рейху, не содержали каких-либо деталей "умиротворения СССР". Те же цели имело в виду и выдвинутое на конференции в Касабланке требование о безоговорочной капитуляции Германии. Рузвельт и Черчилль, отмечается в книге, надеялись, что концессия "безоговорочной капитуляции" удержит Сталина от сепаратного соглашения с Гитлером. При этом они принимали в расчет, что может создаться впечатление о стремлении западных держав не дать немецкому народу возможности самостоятельно решать вопросы своей будущей государственной и социальной организации.

"Только после того как в течение 1943 г. на Западе осознали, что Советский Союз "после поражения "оси" несомненно будет обладать превосходством в Европе", Лондон и Вашингтон стали в возрастающей степени и в противоположность, имевшей место до того ситуации, интересоваться достижением договоренности, чтобы не остаться вообще вне процесса переустройства в Европе" (с.61). Создание Национального комитета Свободная Германия дало решающий толчок действиям западных держав, опасавшихся отныне, что существование демократической программы послевоенных преобразований в Германии, стимулированной Советским Союзом, могло бы привести к тому, что контроль над демократическим движением окажется в руках у коммунистов. Придя к выводу в начале августа 1943 г., что в бли-

жайшие три-шесть месяцев могут быть поставлены важные вехи на пути, ведущем к сотрудничеству трех партнеров по антифашистской коалиции, госдепартамент решил выдвинуть "германскую проблему" в центр внимания межсоюзнической дискуссии.

По мнению автора, Советский Союз накануне Московской конференции министров иностранных дел трех великих держав имел сильные позиции внутри антифашистской коалиции. По сравнению с периодом конца 1941 г. положение фактически полностью изменилось. СССР после поражений под Сталинградом и Курском все больше делал ставку на ударную силу своей армии, становился более независимым от материальной помощи и стратегии своих западных союзников. В связи с этим советское руководство во второй половине 1943 г. проявляло острее одержанность в межсоюзническом диалоге по вопросам будущего Европы в целом и Германии в частности. Напротив, западные державы теперь стали проявлять значительную активность в переговорах о целях войны. При этом если Черчилль стремился придерживаться Атлантической хартии, то американские политики сделали определенный шаг вперед и распространили среди участников Московской конференции неофициальные, но весьма детализированные предложения, касающиеся Германии. Содержащиеся в них соображения о политике в отношении Германии в период перемирия и о политическом статусе страны после окончания войны вызвали в советском руководстве немалый интерес. Обсуждавшиеся на седьмом заседании Московской конференции, эти предложения нашли в целом единодушное одобрение министров иностранных дел великих держав.

Вместе с тем если в вопросе о границах Германии имело место согласие, то проблема расчленения Германии или сохранения целостности государства, по мнению автора, оставалась открытой. Иден наиболее настойчиво выступал за расчленение Германии на ряд отдельных государств. Хэлл охарактеризовал противоречивые тенденции в решении этого вопроса в США, хотя и отметил, что в высших сферах поддерживают английское

предложение. Молотов, ославшись на перегруженность советского руководства чисто военными проблемами, уклонился от изложения четкой позиции. Он приветствовал в целом американские предложения, высказав мнение, что они должны рассматриваться в качестве программы-минимум. Нарком иностранных дел подчеркнул, что Советский Союз огласен с комплексом мероприятий, "которые сделали бы Германию безвредной в будущем" (с.67).

Конечно, пишет автор, в Москве вряд ли были полны энтузиазма от предложенной американцами "демократии на широкой основе" для послевоенной Германии, не рассчитывали советские руководители и на поддержку Соединенными Штатами политики Народного фронта. Вместе с тем Сталин явно понимал, что осуществление предложенных США мероприятий не только предоставляло гарантию устранения Германии на длительное время в качестве фактора силы и одновременно установления над ней контроля, но и обеспечивало СССР значительную степень участия в преобразованиях будущей Европы вплоть до ее центральной части. По мнению автора, дальнейшее успешное продвижение советских войск на Запад открывало перед внешней политикой СССР совершенно новые перспективы, далеко выходящие за пределы ранее преследуемой цели - восстановления и обеспечения границ 1941 г. Выказанное в беседах с английскими политическими деятелями пожелание о создании собственной сферы влияния в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе могло теперь осуществиться, опираясь на собственные силы, так же как и "заветная мечта" советской внешней политики - влияние на судьбы Германии.

Заключительное коммюнике Тегеранской конференции глав правительств трех великих держав создавало впечатление, что антифашистская коалиция еще больше огласовала позиции своих участников по сравнению с Московской конференцией министров иностранных дел. Однако теперь известно, отмечает автор, что в центре внимания "большой тройки" была проблема откры-

тия второго фронта в Северной Франции, в то время как обсуждение политических вопросов носило скорее предварительный характер. Этот вывод нуждается, по мнению автора, в некоторой корректировке, поскольку все же было согласовано предварительное решение относительно передачи Польше ряда восточных территорий Германии.

Если "большая тройка", употребляя формулировку Сталина, была единодушна в том, что "восстановление, увеличение и развитие Польши" в первую очередь должно осуществляться "за счет Германии", то по остальным вопросам отношений с Германией в послевоенный период, а также относительно ее расчленения дискуссии не привели к конкретным результатам. Тегеранская конференция по этому кругу вопросов не продвинулась дальше Московской встречи министров иностранных дел, хотя и пролила дополнительный свет на цели и намерения ее участников. В частности, западные лидеры, пытаясь выявить намерения СССР в отношении Германии, ограничились в Тегеране рассмотрением оставшегося открытым вопроса о расчленении Германии, в то время как Сталин явно делал ставку на максимально полное обсуждение германской проблемы. Западные партнеры СССР дали понять в Тегеране, что в расчленении, демилитаризации и контроле над Германией они видят необходимое средство для устранения опасности в будущем со стороны германского рейха. В то же время Сталин подчеркивал, что вышеперечисленные средства не являются достаточными для достижения этой цели. Глава Советского правительства стремился побудить своих партнеров по переговорам к максимально жесткой политике по отношению к Германии и к гласности в этом вопросе.

По мнению автора, осталось неясным, насколько серьезными были в Тегеране предложения Сталина, направленные на кардинальное решение германского вопроса, так как переговоры по этой теме, за исключением последнего заседания "большой тройки", носили необязывающий характер. На заключительном заседании, утверждает автор, Сталин, отвечая на вопрос Руз-

вельта, заметил, что лучше всего было бы расчленил Германию, и поддержал предложенный американским президентом план, предусматривавший расчленение третьего рейха на пять самостоятельных государств. Предложения Черчилля, стремившегося прежде всего к изоляции Пруссии, не нашли поддержки советского руководства.

С особой решительностью Сталин отверг британский план ооздания "Дунайской федерации". По его мнению, "Дунайский союз" был бы не только искусственным образованием, но и опасным, так как в будущем мог открыть для Германии возможность осуществления контроля над объединенными в нем государствами. Сталин призывал своих западных партнеров не только к расчленению Германии, но и к осуществлению постоянно жесткой политики по отношению к ней, позволявшей в случае отремления немцев к реваншу нанести оильный удар по Германии.

Если исходить из того, что с советской точки зрения минимальным критерием союзнической политики в отношении Германии являлись долгосрочный военный контроль и ее длительное экономическое ослабление, то необходимо признать, отмечает автор, что дискуссия на Тегеранской конференции по германской проблеме разочаровала Сталина. Единственное конкретное решение, принятое в связи с германской проблемой "большой тройки" в Тегеране, заключалось в передаче нерешенных вопросов для дальнейшего обсуждения в созданную на Московской конференции министров иностранных дел Европейскую консультативную комиссию. Передача нерешенной на высшем уровне германской проблемы экспертам Лондонской комиссии "противоречила выраженному в свое время оптимизму о возможности конструктивного сотрудничества трех держав" (с.73). Еще более значительным было то обстоятельство, что возникшие между тремя главами правительств противоречия по германскому вопросу не были вынесены на поверхность. Автор полагает, что в ходе неофициального обмена мнениями на Тегеранской конфе-

ренции западным политикам вообще не удалось выяснить, "что, собственно, хотят русские". В беседах о будущем Германии Сталин не развил какой-либо целостной концепции, не представил детальных предложений относительно преобразования Центральной Европы. Его единственное предложение о радикальном изменении общественного строя в Германии, сделанное в беседе с Черчиллем, не имело резонанса и осталось без всяких последствий, так как британский премьер-министр не понял его или сознательно игнорировал. Сталин не возвращался более к этому предложению, всячески избегая, по воспоминаниям своего переводчика Бережкова, дать малейший повод для обвинения или даже подозрения Советского Союза в стремлении к экспорту "мировой революции".

Не оставляет сомнения, пишет автор, что Сталин вел активный зондаж, постоянно возвращаясь в Тегеране к германской проблеме, и от него, разумеется, не ускользнуло, что западные союзники не занимались еще детальной разработкой своей политики в отношении Германии. Несомненно, что после Тегеранской конференции Сталин решил взять в свои руки инициативу в разработке союзнической политики в германском вопросе.

Возможность испытать достигнутое в Тегеране единство и дальнейшее желание осуществлять совместную политическую стратегию трех великих держав представилась уже в начале 1944 г., когда в Лондоне начались заседания Европейской консультативной комиссии. Первая серия заседаний должна была дать ответ на волнующий всех вопрос: возможно ли вообще после Тегеранской встречи привести политику трех союзнических держав в германском вопросе к единому знаменателю. По мнению автора, если первоначальные прогнозы на этот счет были не особенно оптимистичными, то в этом повинны как советская, так и американская стороны. Назначение главами делегаций СССР и США соответствующих послов в Лондоне свидетельствовало о том, что та и другая держава не заинтересованы в слиш-

ком быстром разъяснении существующих проблем, по меньшей мере не готовы к этому.

Первое время на заседании Лондонской комиссии совпадение точек зрения имело место только по двум пунктам германской проблемы. Все участники переговоров исходили из того, что ко времени капитуляции третьего рейха на территории Германии будет существовать центральная немецкая гражданская администрация, которая будет полномочна подписать капитуляцию. Условия капитуляции должны были передать осуществление всей полноты власти в Германии трем союзническим державам, совместная оккупация территории которой предусматривалась решениями Московской конференции министров иностранных дел. Что же касается форм и способов осуществления этой власти на территории бывшего третьего рейха, то здесь возникли серьезные разногласия, прежде всего между СССР и Англией.

Английская делегация отремилась добиться согласия других участников переговоров на возможно скорейшее после капитуляции создание немецкого правительства, которое возьмет на себя наиболее трудные задачи по управлению и обеспечению продовольствием населения Германии. Англичане придавали большое значение тому, чтобы в условиях капитуляции по возможности избежать "взятия на себя союзническими державами излишне большой власти, так как власть неизбежно означала бы также и ответственность" (с.77).

Советская делегация, напротив, прежде всего ставила вопрос "об обеспечении капитуляции вооруженных сил Германии, разрушении и разоружении немецкой военной машины" (там же). Советские предложения не содержали никаких политических принципов, определяющих действия союзников по завершению войны. Последнее объяснялось нежеланием привносить некоторые аспекты, способные усилить сопротивление вермахта, в тот момент, когда главным остается разгром военной мощи третьего рейха. В конечном счете было принято компромиссное британское предложение, опиравшееся на статьи советского военного проек-

та и дополненное английскими политическими и экономическими положениями, вступление в силу которых должно было произойти при обнародовании документа или после капитуляции.

Значительно быстрее и без особых разногласий было достигнуто соглашение по второму кругу вопросов, связанных с оккупационным режимом в Германии. Советский Союз принял с незначительными дополнениями английский проект раздела Германии на три оккупационные зоны и совместного управления Берлином. Также относительно быстро были согласованы вопросы, касающиеся союзнических органов контроля на оккупированной территории Германии. Практически сколько-нибудь существенные разногласия были связаны лишь с разграничением компетенций между контрольным советом как общесоюзническим органом и главнокомандующими в отдельных зонах. Советская сторона отстаивала принцип сохранения высшей исполнительной власти за командующими в каждой зоне. По мнению автора, принятие советского предложения означало низведение контрольного совета до уровня наблюдательного органа, лишение его важных функций контроля за действиями главнокомандующих оккупационными войсками.

Несмотря на завершение согласования к середине ноября 1944 г. вопросов, касающихся капитуляции и оккупации Германии, советская делегация, пишет автор, по-прежнему отказывалась обсуждать проблему политического будущего Германии, ограничиваясь соглашениями по более частным вопросам. Советские представители категорически отказывались обсуждать, например, принципы совместной оккупационной политики в Германии. Глава британской делегации У.Стрэнг объяснял позицию советской делегации тем, что "время - на ее стороне: чем глубже развивается военное продвижение СССР в Европе, тем более улучшается его позиция на переговорах" (с.82).

После того как на рубеже 1943-1944 гг. стало очевидно, что победа СССР и других стран антифашистской коалиции над Германией не вызывает сомнений, советская внешняя политика

направила свои усилия на обеспечение своего будущего влияния в Центральной и Восточной Европе, хотя, полагает автор, надежды на внутригерманский "взрыв" еще сохранились в Москве в тот период. Вместе с тем встала необходимость выработки социально-политической программы для будущей Германии, учитывавшей советские интересы.

В начале 1945 г., когда союзнические армии готовились к решающему наступлению в глубь Германии, для советского руководства немаловажное значение приобретал вопрос о реальности внутригерманского антинацистского восстания. По мнению автора, от этого вопроса во многом зависело, в каком объеме советская политика по отношению к Германии будет осуществляться в рамках антифашистской коалиции. Несмотря на ограниченность деятельности Лондонской комиссии процедурно-техническими вопросами, итоги ее работы создавали неплохие предпосылки для осуществления совместной политики "большой тройки" в отношении Германии. Вместе с тем трудно было предугадать, какие последствия на решение германской проблемы будут иметь заметно ухудшившиеся к началу 1945 г. отношения между партнерами по коалиции. Англия и США были заметно обеспокоены в связи с политическим развитием в странах Юго-Восточной Европы и Польши. На Западе не было недостатка в голосах, которые выражали серьезное сомнение в готовности Советского Союза к дальнейшему сотрудничеству с западными державами вообще и в германском вопросе в особенности.

Состоявшаяся в феврале 1945 г. в Ялте вторая встреча глав правительств трех великих держав предоставила возможность для прояснения как вновь возникших, так и оставшихся открытыми вопросов во взаимоотношениях между союзниками по антифашистской коалиции. На Крымской конференции как в ходе пленарных заседаний, так и в процессе обмена мнениями на уровне министров германская проблема занимала хотя и не центральное, но все же достаточно важное место. Западные государственные деятели, несмотря на все предшествующее разоча-

рование, были убеждены, что ввиду продвижения советских войск к Берлину "настоятельно необходимо взаимопонимание трех держав о совместных политических и политико-экономических действиях" (с.121).

На заключительной фазе второй мировой войны, которая, по мнению автора, началась на Европейском театре военных действий непосредственно после завершения Крымской встречи на высшем уровне и завершилась капитуляцией третьего рейха, советская политика по отношению к Германии определялась решениями, которые должны были обеспечить СССР влияние и в западной части Германии. Изменение курса Москвы стало заметно и в вопросе о расчленении Германии. Без консультации с западными державами и в явном противоречии с тем впечатлением, которое создалось у западных политиков в Ялте, советское руководство, утверждает автор, вскоре после конференции приняло окончательное решение выступить в поддержку сохранения единой Германии. Западные союзники, получив в конце марта 1945 г. информацию об изменении советской позиции, пришли в конечном счете к выводу о решающей роли в этом экономических соображений. Эксперты западных держав полагали, что советское руководство "путем сохранения единства Германии стремится обеспечить репарационные поставки из всей Германии и влияние на крупнейший индустриальный район Центральной Европы - Рурскую область" (с.133). Изменение позиции СССР в этом важнейшем пункте германской проблемы под этим углом зрения представляется преимущественно как ответ на принятие на Ялтинской конференции Франции в число оккупационных держав. После визита генерала де Голля в Москву в декабре 1944 г. Сталину стало ясно, что французское правительство будет выступать за расчленение Германии и отделение от нее Саара, Рейнской и Рурской областей.

Автор считает, что эти соображения западных экспертов акцентируют внимание на второстепенных интересах СССР. Главным же для Советского Союза являлась проблема безопасности.

После достижения советскими войсками территории, которая должна была отойти к Польше, СССР в значительной степени удовлетворил свое стремление к безопасности в этой части Европы и поэтому его руководители не считали более актуальной дискуссию о расчленении Германии.

Одностороннее выступление Сталина в пользу единой Германии и последующие конкретные мероприятия советской администрации в этой области, по утверждению автора, несовместимы с принципами антигитлеровской коалиции.

И.М.Макошова

РУССКИЙ ФРОНТ: ВОЙНА ГЕРМАНИИ НА ВОСТОКЕ,
1941-1945

The Russian Front: Germany's war in the
East, 1941-1945 / Ed. by Dunnigan J.F. —
London; Melbourn: Arms & Armor press,
1978. — 184 p.

Книга "Русский фронт" (автор-составитель Джеймс Данниген) посвящена событиям второй мировой войны, происходившим на советско-германском фронте, сравнительным характеристикам немецко-фашистской и Советской армий, анализу военного искусства противоборствовавших сторон. Труд состоит из семи глав, написанных пятью авторами, приложения (карты, изменения в боевом составе действующих армий сторон).

Книга написана с позиций объективизма, характерного для буржуазной историографии 70-х годов. Авторы глав, декларируя свою "объективность" и "беспристрастность", на деле всячески стремятся подчеркнуть качественное превосходство гитлеровского вермахта над Советской Армией, объяснить разгром фашистской Германии в Великой Отечественной войне различными факторами, которые уже в течение многих лет не сходят со страниц военно-исторической литературы Запада. В то же время под давлением фактов и документов, имеющих

в мировой военной историографии, они вынуждены признавать высокие боевые качества Советской Армии, достижения советского военного искусства. Этим объясняется ряд поворотов и противоречивых оценок одних и тех же событий, встречающихся в труде "Русский фронт".

В издательской аннотации указывается, что русский фронт был важнейшим во второй мировой войне и в этой книге читатель впервые познакомится с полной картиной этого конфликта, дополненной значительным количеством цифр и фактов, которых он не встретит в других изданиях. В предисловии авторы пишут: "Мы надеемся, что этот труд станет настольной книгой о войне на Востоке" (с.6).

Война на Востоке между Россией и Германией была самой большой в истории войн. Вторая мировая война состояла из серии войн, среди которых советско-германская - самая значительная.

Для того чтобы дать понятие об этой войне, необходимо изучить обе противоборствующие армии, которые очень отличались по своему характеру, и эту разницу нельзя сводить только к формуле "количество против качества".

В России предпринимались энергичные меры к тому, чтобы модернизировать армию. Русские имели танков и самолетов больше, чем любая страна мира, но лишь небольшое количество из них были современными. Не хватало опытных летчиков и танкистов (например, в Прибалтийском военном округе средний налет на новых самолетах к началу войны не превышал 15 часов). Советская Армия не имела автоматов и противотанковых ружей, а производство боеприпасов отставало от производства самого оружия. Армия не была механизирована и не могла быть механизирована в ближайшее время. Основу связи составляли проволочные средства, радио почти не было, что также делало армию неготовой к войне. Военная доктрина, вооружение, подготовка личного состава Советской Армии не соответствовали характеру той войны, которая стояла на по-

роге Советского Союза (с.7). Сила русской армии базировалась на ее большой численности и мощной артиллерии.

Германия 1941 г. представляла полный контраст России. Она имела хорошо обученную армию, получившую боевой опыт в Польше и во Франции. Вермахт считался непобедимым. И самое главное – немцы имели проверенную на опыте военную доктрину – "блицкриг". Расчет немцев строился на том, что молниеносность действий компенсирует численное превосходство русских и принесет победу Германии.

В соответствии с планом "Барбаросса" немецкие армии должны были окружить русские войска в районе Припятских болот и, прижав к Днепру, уничтожить. Однако просчет Гитлера, как полагают авторы, заключался в том, что он рассчитывал окружить основные силы русских на пограничных рубежах, но они начали отступать на Восток. И чем дальше они отступали, нанося немцам чувствительные удары, тем труднее становилось вермахту, коммуникации которого растягивались, затруднялось снабжение, техника из-за грязи и бездорожья выходила из строя. К сентябрю 1941 г. 1-я германская танковая группа имела 53% боевого состава, 2-я – 25, 3-я – 41 и 4-я – 70% (к концу сентября они пополнились до 70–100%).

Советское зимнее наступление 1941/42 г., как утверждают авторы, не планировалось, а переросло из контрнаступления, имевшего целью отбросить гитлеровцев от Москвы. Важнейшими результатами успешного советского наступления зимой 1941/42 г. авторы считают резкий подъем морального состояния советского народа и окончание эвакуации промышленности; смещение лучших военачальников вермахта со своих постов; появление у Гитлера уверенности в том, что он лучше разбирается в военном деле, чем его генералы.

План немецкого летнего наступления 1942 г. был порочен в своей основе, ибо Гитлер разделил группу армий "Юг" на две группы армий – "А" и "Б". Первая получила задачу наступать на Кавказ, вторая – на Сталинград. Такое распы-

ление сил по двум расходящимся направлениям ослабляло обе группировки и обрекало на неудачу весь план наступления.

В отличие от немецкого советское зимнее наступление 1942/43 г. было тщательно спланировано. Полная внезапность и правильно выбранные направления ударов обеспечили успех. Окруженная 6-я немецкая армия имела реальную возможность пробиться из окружения, но приказ Гитлера удерживать занятые позиции обрекал ее либо на полную гибель, либо на сдачу в плен. В свою очередь пленение 6-й армии обрекало на поражение и немецкую группировку на Кавказе.

Курская битва явилась гигантским столкновением техники. С обеих сторон в ней участвовало 4000 самолетов и 6000 танков; 3000 танков было уничтожено. Немцы потеряли 1/3 своих танковых войск и уже никогда не смогли восстановить свою танковую мощь. Инициатива окончательно перешла к русским.

Дальнейшее наступление русских, предпринимаемое на различных участках фронта, изматывало оборону противника и наносило ему большие потери. Этому способствовало некомпетентное руководство войсками вермахта на Востоке со стороны Гитлера. Он требовал удерживать каждый рубеж, чем сковывал инициативу военачальников и командиров. Вместо того чтобы, сократив фронт, создать сильно укрепленные рубежи вдоль естественных преград (реки, горные хребты), немцы безуспешно цеплялись за территорию и вынуждены были отступить с потерями.

Зимнее наступление русских в 1943/44 г. привело к первым трещинам в странах оси. Важнейшим событием зимнего наступления русских стало поступление в Россию американских грузовиков по ленд-лизу. Это сделало Советскую Армию мобильной, позволяло пехоте двигаться совместно с танковыми и механизированными войсками. "Моторизация Советской Армии означала, что Германия лишилась шансов на победу" (с.14).

Летнее наступление Советской Армии в 1944 г. привело к грандиозному окружению немецкой группировки войск в Белоруссии. Капитуляция Румынии и занятие русскими войсками Болгарии изменили всю обстановку на Балканах. Стало ясно, что Германия проиграла войну, оставался лишь вопрос, сколько она еще продержится.

"Германия, - признают авторы, - проиграла вторую мировую войну на полях России, а не в "живых изгородях" Нормандии" (с.16). Она могла либо быстро выиграть эту войну, либо не выиграть ее вообще. Когда началась русско-германская война, военная промышленность Германии приближалась к высшей точке уровня производства, а советская военная промышленность только что начинала разворачиваться, русская армия во многом уступала немецкой. Однако остается непреложным то, что Советская Армия сражалась достаточно хорошо и сумела победить, а это главное в войне (с.16).

В ходе советско-германской войны, по мнению авторов, было несколько важных решений, последствия которых влияли на дальнейший ход военных действий.

Одно из них заключалось в том, что Германия, проведя весной 1941 г. Балканскую кампанию, поздно начала войну с СССР, чем ограничила себя во времени. Это не оставляло ей возможности для выбора действий. Однако авторы считают распространенное мнение о том, что Балканская кампания задержала нападение на СССР, ошибочным. Не меньшей причиной была поздняя весна 1941 г. В связи с этим ожидалось, что дороги в западных областях России будут проходимыми не с середины мая, как обычно (начало нападения было первоначально назначено на середину мая), а позднее, поэтому Гитлер перенес план "Барбаросса" на 22 июня.

Другая причина - колебания в выборе главной цели: Москва, Ленинград или Киев. Москва была определена как главный объект только к октябрю, когда шансы на легкую победу были уже невелики. Крупной ошибкой Гитлера был так

называемый "поворот на юг", когда танковую группу Гудериана направили с Московского направления в обход Киевской группировки советских войск. Потеря 600 тыс. человек в Киевской операции не заставила Сталина пойти на мир, что свело успех этой операции к нулю (с.17).

Ошибкой было также принятие Гитлером решения на осаду Ленинграда в сентябре 1941 г., когда немцы могли взять Ленинград. Если бы Ленинград был взят в сентябре, осаждавшие его войска могли быть использованы в битвах под Москвой и Сталинградом.

Летом 1942 г. следовало возобновить наступление на Москву и Ленинград и овладеть этими городами, а не предпринимать наступление на юге. Важное значение для дальнейшего хода битвы под Сталинградом и за Кавказ имели решения Гитлера о том, что 6-я армия не должна ни отступать, ни сдаваться в плен. Первое было ошибочным, так как 6-я армия в тот момент могла прорваться к своим войскам, второе было правильным, ибо если бы она сдалась в январе 1943 г., 1-я танковая и 17-я армии были бы разгромлены.

Крупной ошибкой Гитлера было и то, что он вел-де войну на два фронта. Кроме войны с СССР он позволил втянуть себя в войну в Африке и по существу держал фронт против партизан в Югославии, где можно было решительным актом или умелой политикой прекратить боевые действия. Совершенно ненужной для Германии была Курская битва. Если бы она была проведена в марте-апреле, она могла бы еще принести какие-то плоды. Но, дожидаясь, пока промышленность даст значительное количество "тигров" и "пантер", Гитлер утратил шансы на успех. Битва под Курском лишила вермахт надежды на победу, так как он перестал быть мобильным. Потери под Курском оказались невосполнимыми.

Стремление русских к наступлению заставило их вести упорную оборону с первых дней войны. Если бы они отступили сразу в глубину своей территории, они сохранили бы свои

лучшие войска и зимой 1941 г. смогли бы с большим успехом наверстать потерянное за лето. Правильным шагом русского руководства было решение об эвакуации промышленности на Восток. Хотя в первые месяцы войны это ослабило Советскую Армию, но зато впоследствии, с конца 1942 г., русские смогли превзойти Германию в выпуске военной продукции.

Немцы были побеждены количественным превосходством. Советская Армия всегда имела на фронте 300-400 стрелковых дивизий, каждая из которых по силе равнялась 1/3 немецкой пехотной дивизии. Паритет в силе дивизии наступил лишь к концу войны. Немцы имели на Восточном фронте от 156 (1942) до 120 (1943-1944) дивизий. Однако по танковым и механизированным войскам вермахт был якобы сильнее русской армии в течение всей войны, хотя количественное соотношение менялось в пользу русских. Осенью 1942 г. они не имели и 12 танковых корпусов, а к середине 1943 г. их было уже около 30. По качеству танковые войска Советской Армии уступали немцам, но по мере хода войны танковые дивизии вермахта теряли свою эффективность. "Но как бы ни описывали войну на Востоке, история остается историей. Русские победили немцев. И создание ими количественного превосходства только подчеркивает этот факт" (с.22).

Анализируя методы ведения войны и военное искусство сторон, авторы отмечают, что по пространственному размаху, масштабам боевых действий, количеству людей и боевой техники советско-германская война не имеет равных в истории. Авторы выделяют два важнейших факта этой войны: 1) вермахт был лучшей в мировой военной истории армией по уровню военного искусства и оснащению боевой техники; 2) несмотря на эти качества вермахта, войну выиграла Россия (с.71). Главной причиной победы России явились неисчерпаемые людские резервы. Не менее важным фактором явилось пространство. Просторы огромной страны и ее людские ресурсы обескровили и измотали войска агрессора, обладавшего меньшими резерва-

ми. К началу 1941 г. СССР имел 199 млн. человек населения. Германия – 100 млн. Но 4/5 населения СССР были до 40 лет, а в Германии эти возраста составляли 3/5. Кроме того, Германия должна была расходувать силы и средства для ведения войны на других театрах (Зап. Европа, Сев. Африка, Атлантика, Средиземноморье), а Россия воевала только на одном фронте. Германия сама производила свою военную технику и вооружение, тогда как Россия получала по ленд-лизу 1/4 всей военной продукции в течение всей войны. Применение Германией рабского труда людей из оккупированных стран Европы не компенсировало преимуществ, которыми обладала Россия. Несмотря на громадные потери в первые полтора года войны и потери 40% населения западных областей, советские войска в Сталинградской битве имели численность, равную численности наступавшей группировки вермахта. В битве под Курском русские уже имели превосходство в людях (1,5:1), в октябре 1943 г. соотношение было 2,2:1 по людям и 4:1 по артиллерии. В дальнейшем численное превосходство русских непрерывно нарастало.

Кроме того, Советский Союз имел еще два важных преимущества – стойкость русского солдата и возможности коммунистического режима. Большую помощь фронту оказывало население тыла, работавшее в промышленности, строившее оборонительные объекты и т.д. Героизм и самоотверженность гражданского населения была материальным, эмоциональным и психологическим стимулом, существенно дополнявшим огромные людские резервы.

По предвоенным взглядам и Германия и Россия предполагали пополнять резервами части, уже находившиеся в действующей армии, но ослабленные в боях. Однако в силу больших потерь обе стороны вынуждены были заменять целиком части и соединения свежими силами в масштабах, которые они не предвидели.

СССР сразу же после начала войны отменил систему инди-

видуального пополнения частей. Было создано специальное управление резервов, которое отвечало за маршевые пополнения и формирование новых частей. Однако часто обе стороны направляли на фронт неподготовленные пополнения.

Существенная разница была и в системе подготовки младших офицеров. К 1943 г. СССР имел 310 училищ (350 тыс. курсантов). За войну было подготовлено 2 млн. офицеров (с.73).

Немцы шли по другому пути. Они ставили командовать взводами опытных сержантов и капралов, не тратя средств на обучение пополнения. Офицерские школы имели срок обучения не менее 19 месяцев (до 2 лет) с 3-месячной стажировкой на фронте. СССР такой линии не придерживался. Советские сержанты были на таком уровне, что не могли заменить младших офицеров. Кто подавал надежды, тех посылали на 3-месячные курсы.

С самого начала войны СССР превосходил Германию в количестве танков и артиллерии. Это преимущество еще более усиливалось тем, что типы вооружения были стандартными, что позволяло СССР производить оружие в достаточном количестве в течение всей войны. Советский Союз пользовался также поставками по ленд-лизу. Производство оружия все время увеличивалось, несмотря на временную потерю 2/3 промышленных мощностей. В некоторых видах вооружения русские имели и качественное преимущество ("Катюша", танки Т-34 и КВ). Поставки по ленд-лизу грузовиков из США позволили СССР большую часть сырья тратить на производство вооружения. В то же время в Германии разнотипность вооружения значительно ослабляла военную промышленность, пока Шпеер и Фромм не навели в ней порядок в конце 1942 г.

Несмотря на эвакуацию промышленности и потерю многих источников сырья, русские быстро сумели восстановить свои промышленные мощности (с.74).

Преимущество Советской Армии в живой силе могло бы и не остановить немцев, если бы не огромные пространства Рос-

сии. Советские войска, отступая, уступали пространство и теряли людей, но выигрывали время для формирования резервов и доставки их на фронт. В то же время отступавшие войска изматывали немцев. Трудными для вермахта были примитивные дороги и недостаточно развитая железнодорожная сеть (с.75).

Рассматривая систему военно-политического руководства СССР и Германии, авторы пишут, что Сталин оказался значительно лучшим руководителем, нежели Гитлер (с.75).

Перед войной Сталин совершил ряд ошибок, ослабивших шансы России на победу в войне, которую предстояло вести. Однако вскоре после начала войны Сталин обрел уверенность и стал твердым политическим руководителем. Он лично (за редким исключением) не принимал военных решений, однако подобрал себе талантливых помощников – военных специалистов, на решения которых опирался.

Гитлер взял на себя лично руководство военными операциями, не сумев понять, что должен был ограничить себя политическими решениями, предоставив ведение военных операций генералам. Но он навязывал свои безграмотные решения, о которых говорилось выше, и добивался проведения их в жизнь. "Больше, чем кто-либо другой, – даже больше, чем Черчилль или Сталин, – Гитлер ответствен за поражение Германии" (с.77). Если бы Гитлер привлек умной политикой массы в оккупированных районах на свою сторону, немцев встречали бы как освободителей и они пользовались бы поддержкой населения. Но его политика геноцида и угнетения населения завоеванных областей пробудила у русских чувство патриотизма, которое всячески культивировала сталинская пропаганда. Если бы немцы пришли как освободители, они одержали бы победу в 1941–1942 гг. (с.77).

Анализируя военное руководство сторон, авторы высоко оценивают немецкий генеральный штаб и считают ошибкой Гитлера реорганизацию этого органа управления в 1938 г. Уп-

раздлив военное министерство и приняв на себя функции Верховного Главнокомандующего, Гитлер создал ОКВ – общий генеральный штаб и ОКХ – генеральный штаб сухопутных войск. С началом войны на Востоке ОКХ стал играть ведущую роль в руководстве боевыми действиями на советско-германском фронте. Функции штабов разделились: ОКВ руководил военными действиями на Западе, ОКХ – на Востоке.

После начала войны Сталин принял ряд мер для усиления централизованного управления страной и армией. Важнейшей из них было создание Ставки – высшего органа управления Вооруженными Силами. Был создан также ГКО, ответственный за политику, экономику и вооруженную защиту СССР.

Ставка принимала стратегические решения только после тщательного обсуждения и (в отличие от Гитлера) никогда по интуиции или скороспелому мнению кого-либо. Централизация политической и военной власти в руках Ставки позволяла сделать более целеустремленным и эффективным управление вооруженными силами и проведение мобилизации. ГКО смог мобилизовать все силы и средства страны для войны, перестроить экономику и весь тыл на военный лад, несмотря на потери в первые месяцы территории, людей, производственных мощностей, провести эвакуацию промышленности на Восток. Советское командование на других уровнях ниже Ставки уступало немецкому (с.81). Прорвав оборону, советские войска, вместо того чтобы вырваться на оперативный простор, начинали распространяться во все стороны, опасаясь за открытие фланги, и теряли время, не углубляя прорыва. Пехота часто отставала от танков, и глубокие прорывы принимали форму танковых рейдов, которые нередко оканчивались неудачей из-за немецких засад (с.81). Глубина прорыва была ограничена из-за слабого управления и недостатков снабжения. Поэтому шансы на успех по мере отрыва прорвавшихся войск от основных сил уменьшались.

Несмотря на то что Советская Армия имела ряд важней-

ших преимуществ в ходе войны (значительные резервы, достаточное количество вооружения, огромное пространство для маневра), немцы имели шансы выиграть войну, если бы соответствующие политические решения Гитлера дополнялись грамотными военными решениями, которые предлагал германский генштаб.

Оценивая советское военное искусство, авторы отмечают его непрерывное совершенствование в ходе войны. Первые акции Ставки были направлены на упрощение структуры объединений и соединений, чтобы приспособить их к уровню подготовки командного состава. В середине июля 1941 г. стрелковые и механизированные корпуса были упразднены, армии сокращены до 5-6 дивизий, стрелковые дивизии с 12 тыс. до 5-6 тыс. человек. Танковые дивизии заменены мелкими танковыми подразделениями и частями, распределенными внутри армий.

Однако после событий лета 1941 г. неподготовленные военачальники были устранены, их место заняли более опытные командиры, которые проявили себя в битве под Москвой (Жуков, Конев, Рокоссовский). Кроме того, улучшилось техническое оснащение армии. Устаревшее оружие было либо потеряно на поле боя, либо заменено новым, более совершенным, поступившим из США и заводов на Востоке (с.84). С весны 1942 г. уже действовали танковые дивизии и танковые бригады, показавшие себя в зимних боях 1941-1942 гг. Поскольку производство танков выросло в четыре раза, начали формироваться танковые корпуса и армии. Были проведены реформы: укрепилась дисциплина, введена новая форма, новые ордена, возрождены традиции Суворова, отменен институт военных комиссаров.

После Курской битвы, когда инициатива окончательно перешла к русским, и они от обороны, где главную роль играли в основном стойкость и личное мужество, перешли к наступательным действиям, требовавшим инициативы и высокой профессиональной подготовки, русские генералы быстро приспособили

немецкое оперативное искусство к особенностям своей армии. Высшее руководство Советской Армии научилось гибкости в планировании и проведении операций большого масштаба.

Гибкость при проведении Советской Армией операций в значительной степени достигалась за счет умелого использования соединений кавалерии. Высокая мобильность кавалерии, ее независимость от мороза и грязи, высокая проходимость, возможность бороться с пехотой и использование артиллерии на конной тяге, способность рассредоточиваться и маскироваться давали Советской Армии мощное средство удара в любое время года и на любой местности, особенно при развитии успеха после прорыва обороны.

Другим важным фактором русского военного искусства была разветвленная система разведки, снабжавшая информацией Ставку ("Красная капелла", "Зорге", "Люси" и др.) о немецких планах и приготовлениях, которые в Москву поступали раньше, чем о них узнавали немецкие военачальники на фронте (с.85).

С осени 1941 г. в тылу немецких войск стали активно действовать партизаны. Зимой 1941-1942 гг. Ставка начала организовывать и развертывать партизанское движение. Были созданы региональные командования, укреплена дисциплина. К лету 1942 г. в партизанских отрядах насчитывалось 150-200 тыс. человек. Почти все кампании Советской Армии после 1942 г. проводились во взаимодействии с партизанами. При генштабе существовал Центральный штаб партизанского движения. Партизаны были способны сковывать большое количество дивизий противника и, отвлекая их на себя, помогать фронту.

Россия имела 35 млн. человек, пригодных к военной службе. 25 млн., вероятно, было призвано в армию, 13,7 млн. из них убито. Кроме того, 7 млн. гражданских лиц погибли на оккупированной территории и в концлагерях. Немцы якобы потеряли на Востоке 2 млн. военнослужащих убитыми и 2,2 млн. человек погибли в ходе эвакуации при наступлении Советской Армии. Судя по этим цифрам, победу должны были одержать

немцы, но этого не случилось. Именно поэтому история войны на Востоке столь важна. Без эффективной организации своей армии русские проиграли бы войну, как французы годом раньше. Но они сумели найти правильный способ действий в сложившейся обстановке. Они делали все возможное и стойко держались до конца. Обе стороны делали ошибки и были моменты в 1941 и 1942 гг., когда немцы были близки к победе, но русские сумели наилучшим образом мобилизовать и организовать свои силы и выиграла войну (с.96).

Три вывода вытекают из русско-германской войны:

- людские и природные ресурсы нации не являются залогом победы на поле боя. Индустриально развитая нация с более высоким уровнем технического развития может, если она сумеет, мобилизовать все для сосредоточения своих усилий, создать военную машину более высокого качества, чем та, которой располагает менее развитое общество, и, используя это высокое качество своих вооруженных сил, одержать победу над противником, обладающим большими людскими резервами и природными богатствами (этот урок недавно был повторен на Ближнем Востоке);

- нация, имеющая сравнительно низкий уровень индустриального развития или по ряду причин имеющая армию, уступающую по качеству противнику, может умелой мобилизацией всех своих ресурсов достичь численного превосходства (в людях или оружии) над врагом на поле боя и таким путем победить более высококачественную армию. (это тоже, или хотя бы частично, мы наблюдали на Ближнем Востоке в недавние годы);

- наконец, политические лидеры нации, обязанные по своему положению держать под контролем военно-политические и стратегические решения в ходе войны, подобрав талантливых военачальников, не должны сами вмешиваться в вопросы военного искусства и оперативные решения этих военачальников в ходе выполнения ими стратегических задач (с.86)

А.С.Орлов

КЕННАН ДЖ.Ф.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ,
1917-1976

KENNAN G.F.

The United States and the Soviet Union, 1917-1976. -
In : Two hundred years of American foreign policy/
Ed. by Bundy W.P. - N.Y., 1977, p. 143-180.

В статье американского профессора, бывшего посла США в СССР (1952) и Югославии (1961-1962) Джорджа Ф.Кеннана освещаются американско-советские отношения в 1917-1976 гг. Один из разделов посвящен периоду второй мировой войны.

Рассматривая "новую эру" в истории американско-советских отношений, вновь отмеченную фактом участия США в войне, автор пишет, что "врожденный субъективизм американского восприятия мира" никогда не проявлялся более поразительно, чем в изменении отношения американцев к России, последовавшем после Пёрл-Харбора и объявления Германией войны Соединенным Штатам Америки в декабре 1941 г. Были забыты русские "чистки" и размышления о том, что люди, руководившие военными действиями и дипломатией России, ранее осуществляли "крова-

вые репрессии", а также жестокости по отношению к невинному населению восточной Польши и Прибалтийских государств. Забылся и тот факт, что вступление России в войну не отвечало интересам ее руководителей, наоборот, они предпринимали "отчаянные усилия, чтобы остаться в стороне от нее", всячески стремясь стать просто "наблюдателями" развития событий в войне. При этом они рассчитывали, что военные сражения будут достаточно кровопролитными и продолжительными, чтобы истощить военный потенциал Германии и ее западных противников. В значительной степени игнорировался и тот факт, что требования, которые Сталин выдвигал перед своими западными союзниками даже в конце 1941 г., по сути дела, были такими же, которые он ранее предъявлял Гитлеру в качестве цены за первоначальный нейтралитет (с.158).

Вместо всего этого в Вашингтоне был создан и систематически подкреплялся образ великого советского народа, воодушевляемого теми же благородными импульсами гуманного негодования и стремления к будущему, свободному от всякой тирании, которыми вдохновлялись сами американцы и их союзники в своей борьбе с противником. Однако в сложившихся обстоятельствах, пишет автор, важным было не то, чем вдохновляется в своей борьбе советский народ, а то, в чем были заинтересованы их руководители, какую пользу они рассчитывали извлечь из победы. А это, как показало дальнейшее развитие событий, было совсем другое дело (с.159).

Необходимость идеализации советского союзника и поддержания веры в возможности послевоенного сотрудничества с ним, продолжает автор, в США обосновывалась целым рядом аргументов. Идея послевоенного сотрудничества с Россией лежала в основе политики Ф.Рузвельта в военные годы. Без веры американской общественности в то, что русские и американцы сражаются за общее дело, было бы невозможно, подчеркивалось тогда, сохранить американский энтузиазм в войне и готовность оказать помощь России для продолжения ее

военных действий. "Без американской помощи, моральной поддержки и выражений американского доверия к России, — пишет автор, — Сталин, возможно, попытался бы заключить компромиссный мир с нацистами, что позволило бы Гитлеру сконцентрировать все его огромные силы против Запада" (с.159). Таким образом, в сложившейся обстановке американская политика предопределялась как "опасениями полного поражения России в войне", так и "сепаратного русско-германского мира" (в зависимости от поворота событий, с.159).

Для Сталина, заявляет автор, было бы предпочтительней последнее, однако до тех пор, пока немцы не будут изгнаны, по крайней мере с территории Советского Союза в границах до 1939 г. Когда Германия стала терпеть поражения, его "аппетиты" начали расти.

Опасения такого развития событий соединились в американских руководящих кругах с чувством их собственной неспособности (до 1944 г.) взять на себя более значительную часть военного бремени. Эти факторы воздействовали на американское военное руководство на протяжении всей войны и склоняли их на оказание моральной поддержки и материальной помощи советскому союзнику всевозможными путями.

Однако мечта о близком и счастливом послевоенном сотрудничестве с Россией, которая вынашивалась и широко разделялась большей частью американской общественности во время войны, оказалась нереальной.

События последних недель войны и непосредственного послевоенного периода быстро разрушили эту мечту. Поведение советских войск на территории той части Европы, где они оказались, растущие доказательства того, что советские власти не имеют намерения позволить "свободную игру" демократических сил в странах этого большого региона, нежелание сотрудничать в деле восстановления экономической жизни и стабильности на территориях, которые они не контролировали, скрытность советской политики, отсутствие стремления

провести сколько-нибудь широкую демобилизацию советских вооруженных сил - все это тяжелым грузом обрушилось на американскую общественность, совершенно неподготовленную к такому повороту событий (с.161).

В.Н.Дунин

ХЕРТЛЕ Х.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЗА ВОЙНУ

HÄRTLE H.

Die Kriegsschuld der Sieger. Churchills, Roosevelts und Stalins Verbrechen gegen den Weltfrieden. - /2.Aufl./ - Preuss Oldendorf: Schütz, 1971. - 341 S., 7 bl. ill. - Bibliogr.: S.332-336. Personen - Verz: S.337-341.

Западногерманский буржуазный историк Х.Хертле является автором нескольких публикаций по истории второй мировой войны, в которых он выступает с позиций ярого антикоммунизма и отражает воззрения реваншистских кругов ФРГ.

В реферируемой книге, также написанной в откровенно антисоветском духе, автор пытается переложить вину за развязывание второй мировой войны с фашистской Германии на страны антигитлеровской коалиции. Свою задачу Хертле видит в том, чтобы доказать несправедливость приговора, вынесенного Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1946 г., и убедить читателей в том, что вовсе не Германия, а Англия, Франция, США и Советский Союз стремились и усиленно готовились к войне.

В книге, состоящей из десяти глав, автор тенденциозно рассматривая международные отношения, "оправдывает" внешнюю

политику гитлеровской Германии накануне и в начальный период второй мировой войны. В реферате нашли отражение главным образом те разделы книги, в которых Хертле касается внешнеполитической деятельности Советского правительства в эти годы.

В качестве источников автор использует выдержки из протоколов Международного военного трибунала, сборники документов внешней политики Германии, материалы прессы ряда стран, дневники и мемуары современников описываемых событий, в том числе У.Черчилля, Ж.Бонна, Э.Бенеша, И.Риббентропа. В книге много ссылок на работы других реакционных историков и публицистов — В.Нестле, У.Валенди, Г.Лутца и др. Хертле широко пользуется их домыслами в отношении целей внешней политики СССР. В то же время, останавливаясь на исследованиях советских ученых, автор всячески пытается показать их "антинаучность" и "несостоятельность".

Вопрос об ответственности за развязывание второй мировой войны, пишет Хертле, является не только историческим, это — одна из самых злободневных политических проблем. "Ложь о виновности в развязывании войны уже давно направлена не только против "прусского милитаризма" прошлого, но и против оборонной мощи Федеративной республики, против германского бундесвера", — заявляет автор (с.49—50). Несправедливости Версала явились одной из главных причин второй мировой войны; в несправедливости Нюрнберга кроются причины последующих конфликтов, международной напряженности и угрозы третьей мировой войны. Утверждения Советского правительства о "гитлеровской фашистской агрессии" и о "вероломстве рейха" используются им для юридического и политического оправдания новых границ на Востоке Европы и раскола Германии.

Свое исследование о "миролюбивой" внешней политике Германии в предвоенные годы автор начинает с оправдания отказа правительства рейха от военных статей Версальского до-

говора и разрыва Локарнских соглашений. Одну из главных причин того, что Германия была вынуждена "укрепить свою обороноспособность" и "защищать свои границы", вступив в Рейнскую демилитаризованную зону, Хертле усматривает в подписании договоров о взаимной помощи между СССР и Францией и между СССР и Чехословакией в 1935 г. Оккупация Германии Рейнской области была, мол, в первую очередь направлена против опасности на Востоке, возникшей в результате объединения Франции с СССР (с.117). Вооруженный инцидент на германо-французской границе мог привести, в соответствии с франко-советским пактом, к нападению СССР на Германию, утверждает автор. При этом Франция могла оказать русским немедленную помощь, беспрепятственно вступив в Рейнскую область. Германо-русский конфликт дал бы Франции повод поддерживать своего партнера также путем введения войск в Рейнскую зону. Кроме того, рост влияния коммунистов во Франции, получивший новый импульс в результате заключения советско-французского пакта, представлял собой усиление "большевистской угрозы" и для Германии.

Заклучив аналогичный договор с Чехословакией, Советский Союз, который по причине значительной отдаленности от Германии был для нее совершенно неуязвимым, "вышел непосредственно к германской границе" (с.122). Хертле приводит слова Гитлера о том, что в результате франко-чехословацко-советской системы договоров Чехословакия превратилась в "русский авианосец в центре Германии" (с.182). На чехословацких аэродромах якобы действовали русские летчики и советские военные миссии.

После присоединения к Германии Рейнской области и Австрии Гитлер начал готовиться к отторжению от Чехословакии ряда районов, "неселенных немцами". В марте 1938 г. нарком иностранных дел СССР М.Литвинов обратился к правительствам Англии и Франции с предложением принять коллективные меры борьбы против агрессора. Однако в 1938 г. меры коллективной

безопасности, а в действительности "коллективного окружения" Германии едва ли могли быть применены, так как соседние с Чехословакией страны относились к ней или враждебно (Польша, Венгрия, Югославия), или с полным безразличием. Румыния запретила Красной Армии проход через свою территорию. Тем временем Чехословакия усиленно готовилась к войне. Англия и Франция на переговорах с Германией о судьбе Судет в сентябре 1938г. тянули время.

Советские правительство следило за обострением "чехословацкого вопроса". С мая 1938 г. Сталин стал особенно настойчиво предлагать Чехословакии свою помощь. Советский Союз заявил о готовности оказать ей военную помощь даже в том случае, если Франция откажется это сделать, а Польша и Румыния не согласятся пропустить советские войска. Целью советской дипломатии, согласно автору, было подтолкнуть Чехословакию к вооруженному конфликту с Германией с тем, чтобы потом развязать войну в Европе и использовать ее в интересах Советского Союза и мировой революции (с.227). Понятие "Чехословакия - советский авианосец" уже давно было более чем пропагандистским, пишет Хертле. Россия якобы поставила Чехословакии 300 военных самолетов, и несколько эскадрилий советских самолетов находилось на чехословацких аэродромах (с.229).

Остановливаясь на мюнхенском соглашении, автор заявляет, что такой сложный вопрос, как судьба Судет, не мог быть решен без применения жестких мер. Сравнивая Мюнхенскую конференцию с Ялтинской и Потсдамской, Хертле заявляет, что в Ялте и Потсдаме "было продано, по крайней мере, семь государств и цинично предана половина двух континентов" (с.249-250).

С заключением "мюнхенского мира", пишет далее Хертле, "холодная война против Германии" не закончилась. Чехословакия в качестве "воздушной базы Советов" и военного партнера

Красной Армии продолжала бы представлять скрытую опасность для Германии. Поэтому, заявляет автор, Гитлер был вынужден ввести войска в Чехию и Моравию. Важнейшим результатом этого, помимо "внутриполитического умиротворения", было, мол, "изъятие этих земель из зоны советской экспансии" (с.274). Однако тесные контакты чехословацких и советских офицеров продолжались и после образования "протектората Чехия и Моравия", и даже после заключения советско-германского договора о ненападении. Э.Бенеш, находясь в эмиграции, всячески подталкивал Англию, Францию и Советский Союз к войне с Германией, возлагая при этом особые надежды на СССР.

16 июля 1941 г. Чехословакия заключила с СССР первое соглашение. В 1943 г. Бенеш договорился со Сталиным и Молотовым о вступлении Красной Армии в Чехию и Моравию. И хотя, утверждает Хертле, не сталинские красноармейцы, а американские войска "освободили Чехию", освободителем был объявлен не Рузвельт, а Сталин.

Одной из причин второй мировой войны является, по утверждению Хертле, "неразумное" отношение к Советской власти со стороны Англии, Франции и США, не понимавших, что "лишь могущественная Великая Германия могла бы быть достаточно сильной, чтобы защищать Европу от большевистской экспансии" (с.320).

При характеристике советско-германского пакта о ненападении 1939 г. Хертле повторяет версию ряда других буржуазных авторов о том, что с помощью этого договора СССР надеялся не только обеспечить свою безопасность, но и реализовать "открывшуюся возможность" сделать территориальные приобретения. В качестве аргумента Хертле приводит слова Сталина, будто бы произнесенные им на заседании Политбюро за четыре дня до подписания советско-германского пакта, о том, что Советский Союз заинтересован в войне между рейхом и англо-французским блоком. Вся эта лож понадобилась автору для

того, чтобы сделать следующий вывод: "Советское правительство не имеет никакого права обвинять Германию в развязывании войны" (с.322). Используя союз с Германией для реализации своих "захватнических" планов, Сталин, по словам автора, снова стал искать сближения с Черчиллем и Рузвельтом. Таким образом, "вражеское кольцо вокруг Германии" снова замкнулось, к тому же на этот раз к противникам рейха примкнули США. "Советская власть, — пишет Хертле, — доказала свою "дружбу" тем, что придвинула свою военную границу как можно ближе к рейху" (с.323). Тем не менее, во время визита советского министра иностранных дел в Берлин в ноябре 1940 г. Гитлер выступил с предложением об усилении внешнеполитического союза между СССР и Германией, рассчитанного на длительный срок. Речь шла по существу об отношении Советского Союза к войне против Англии и к вопросу о разделе "английского наследства". На предложение немцев Молотов якобы ответил "вымогательским" требованием признать сферой советского влияния Болгарию, Румынию, Финляндию и Турцию (с.323). Посещение Молотовым Берлина, делает вывод автор, являлось подготовкой Сталина к тайному сговору с Черчиллем. В этих условиях Гитлер решил прорвать англо-американо-советское окружение в наиболее слабом месте. Слабым местом он считал Восток. Так же как американский и английский генеральные штабы, немецкий генштаб рассчитывал на то, что русские смогут сопротивляться лишь в течение нескольких месяцев. Последствия известны.

Пытаясь оправдать вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР, Хертле приводит слова Фридриха Барбароссы о том, что "захватчиком является тот, кто вынуждает своего противника взяться за оружие" (с.324). Суть утверждений, содержащихся в книге, состоит в том, чтобы доказать, что Советский Союз "не был жертвой германской агрессии, а с самого начала активно участвовал в войне, в ее подготовке, продолжении и расширении" (с.324).

Таким образом, Хертле выступает в качестве яркого защитника старой нацистской легенды о том, что война против СССР была "превентивной" и лишь предваряла заранее подготовленное нападение Советского Союза на Германию.

Е. Л. Валева

КАТАЛАНО Ф.
ОТ КРИЗИСА К ЯЛТЕ: ИЗУЧЕНИЕ ЕВРОПЫ
С 1929 Г. ДО 1945 Г.

CATALANO F.

Dalla grande crisi a Yalta: Studia d'Europa
dal 1929 al 1945. - Roma: Nueve ed. operaie,
1978. - 353 p. - (Quad. sapere; 24).

Автор книги - доцент истории университета г.Урбино. Он является также автором ряда книг по истории периода "холодной войны", экономической истории фашизма и т.д.

В реферате отражены те разделы книги, в которых Каталано касается проблем внешней политики СССР в годы Великой Отечественной войны.

К концу 1942 г. военная ситуация на фронтах начала складываться не в пользу стран оси. Союзникам удалось достигнуть решительного превосходства в воздухе на Средиземном море, что создало критическую обстановку в деле снабжения горючим и боеприпасами итало-немецких группировок, орававшихся в Северной Африке.

Одновременно с этим русским удалось добиться великой победы под Сталинградом. Эта победа, по словам Черчилля, была

тем более "внушительной", что командующий немецкими войсками под Сталинградом фельдмаршал Паулс получил от Гитлера приказ сражаться до последнего человека. Победа нанесла чувствительный удар немецким усилиям по дальнейшему продвижению в глубь России и явилась решающим поворотным моментом во всей войне.

Немецкие вооруженные силы откатывались назад от Волги, в то время как национал-фашистская пропаганда называла такое отступление "выравниванием линии фронта". Победа под Сталинградом позволила Советской Армии перейти в общее наступление на огромном фронте от Ленинграда до Кавказа. Вскоре были освобождены Ворошиловград, Ростов, Харьков; опасность разгрома на Дону и на Кавказе неминуемо нависла над оккупантами. Штурмующие колонны советских танков Т-34 нельзя было остановить.

Еще с конца июля 1941 г. Сталин настаивал, чтобы союзники открыли фронт против Гитлера в Северной Франции. Высадка англо-американских войск в Северной Африке, по мнению Сталина, не являлась достаточной, высадка же в районе Палестины могла бы определенным образом ослабить напряжение на русском фронте.

Западные союзники, исходя из мер предосторожности, на конференции в Касабланке (9 января 1943 г.) решили предпринять высадку в Сицилии, показав тем самым СССР свое желание помочь ему.

Вскоре после этой конференции американский президент и английский премьер-министр поставили в известность Сталина о результатах своей встречи. Они подчеркивали, что намерены "отвлечь значительное количество сухопутных и воздушных немецких войск от русского фронта и обеспечить Россию массивными поставками. Наша главная цель состоит во введении против Германии и Италии на суше, на море и в воздухе возможно большего количества вооруженных сил" (с.304). В то же время, как отмечает автор, в этом письме "не упоминается о втором

фронте», хотя Сталин запрашивал, было ли на конференции принято решение об открытии второго фронта в Европе в 1943 г.

Тот факт, что Черчилль согласился на переброску войск из бассейна Средиземного моря на Балканы, автор объясняет имперской политикой Великобритании и страхом за судьбу Балканских государств перед лицом надвигающегося коммунизма. В то же время Сталин, без сомнения, разгадавший эти намерения, продолжал настаивать на открытии второго фронта (в какой-то момент даже ультимативно) для ослабления англо-американского влияния в регионе, который должен попасть в сферу советского влияния.

В отличие от позиций Черчилля и Сталина, Рузвельт занял промежуточную позицию. На встрече с Черчиллем в Вашингтоне (так называемая конференция Трайдект, май 1943 г.) президент подтвердил, что после высадки в Сицилии необходимо создать для большей эффективности экспедиционный корпус для вторжения на территорию Северной Франции. Он был убежден, что такая акция поможет ситуации на русском фронте.

Однако военные руководители США и Англии, поддерживаемые Черчиллем, пытались доказать, что такое вторжение может иметь место не раньше мая 1944 г., т.е. через год.

Такое решение вызвало бурную реакцию со стороны Сталина, как это видно из его переписки с Рузвельтом. Сталин протестовал против таких постоянных оторочек: сначала с 1942 г. по август 1943 г., затем с сентября 1943 г. и, наконец, с мая 1944 г., указывая на те исключительные трудности, которые создают эти отсрочки для Советского Союза, и на те серьезные последствия, которые могут иметь для заключительного этапа войны. В послании Черчиллю Сталин писал о своем глубоком разочаровании по поводу сроков открытия второго фронта и о том, что Советское правительство не намерено мириться с такими серьезными покушениями на жизненные интересы СССР в ходе войны против общего врага (с.305).

В доказательство того, насколько важным было открытие

второго фронта, автор указывает, что 10 июня был распущен Коминтерн для успокоения своих западных союзников и для рассеивания слухов о якобы готовящемся сепаратном мире между Россией и Германией.

Что же касается реакции Черчилля и Рузвельта, то они тем не менее подтвердили еще раз свою твердую решимость открыть второй фронт в мае 1944 г. и обязывались также произвести высадку на юге Франции (эти две военные акции получили название "Оверлорд" и "Энвил").

Далее автор переходит к оценке Тегеранской конференции (ноябрь—декабрь 1943 г.). На этой конференции решались проблемы открытия второго фронта и реорганизации будущего Европы после поражения Германии, которое теперь было, по всей видимости, неизбежно. В работе конференции принял участие и Сталин, который вместе с Рузвельтом был против планов британского премьер-министра по высадке союзных войск на Балканах.

Представлялось необходимым продвижение союзников к сердцу Германии, а Балканы не могли заменить высадки на французском побережье. На этой конференции "западные союзники подтвердили свое обязательство об открытии второго фронта в мае 1944 г." (с.311).

Что же касается будущего Европы, то переговоры в основном велись о судьбе послевоенной Германии, все три политических лидера сошлись в одном: расчленив Германию, так как в случае сохранения единой Германии существовала бы угроза восстановления немецкой военной мощи через 15—20 лет. Однако имелись расхождения насчет числа немецких государств. В то время как Рузвельт предложил разделить Германию на автономные немецкие государства, Черчилль не желал свести это число до трех. В случае, если удастся достичь единогласия по этому вопросу, участники конференции решили передать его на обсуждение Европейской консультативной комиссии.

В повестку дня конференции великих держав входил вопрос

об Организации Объединенных Наций. Рузвельт выступил с предложением создания ООН, состоящего из трех структурных подразделений: Генеральной Ассамблеи, Исполнительного комитета, в который должны были входить представители Китая, Великобритании, США, СССР, два представителя европейских держав, по одному от Южной Америки, Дальнего Востока, Ближнего Востока, доминионов. И, наконец, чтобы четыре государства (Китай, Великобритания, США и СССР) "были наделены полномочиями предпринять военные меры против тех, кто нарушил бы мировое спокойствие" (с.312).

Проблемы, затрагивающие будущее послевоенной Европы, обсуждались и на встрече в Ялте (4-11 февраля 1945 г.). На этой встрече, согласно утверждению некоторых западных историков, смертельно больной Рузвельт, незадолго до своей смерти в апреле, согласился на уступки в пользу Советского Союза, сделавшие его великой державой мира (с.318).

Наряду с этим другая группа историков придерживается противоположного мнения. В действительности к этому времени Советская Армия уже занимала линию, простиравшуюся от Штеттина и Одера в Силезии до озера Балатон в Венгрии и вскоре заняла Румынию, Болгарию и почти всю Югославию. Автор реферируемой книги справедливо указывает на тот факт, что таких успехов "Советский Союз добился на полях сражений, потеряв миллионы убитыми, и справедливость требует признать, что СССР завоевал право быть великой державой", поэтому об эффективности тех или иных уступок в его пользу не может быть и речи (с.318).

Проблемы, обсуждавшиеся на этой встрече, можно свести, в частности, к следующему: вопрос об ООН, об оккупации Германии, польский вопрос и, наконец, вступление СССР в войну против Японии.

По первому вопросу имела место, как утверждают западные наблюдатели, уступка со стороны Рузвельта, поскольку он согласился признать (на конференции в Думбартон-Оксе,

сентябрь—октябрь 1944 г.), что ООН должна состоять из Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, секретариата, международного правового суда, экономического и социального комитетов. Что же касается права на вето, то здесь Рузвельт опасался впасть в ошибку.

Исходя из этих соображений и возникло его предложение, поддержанное Черчиллем. Последний желал гарантии для своих доминионов, однако было смягчено основное условие, согласно которому ни одна великая держава не сможет препятствовать обсуждению вопроса, поднятого против нее какой-либо страной: право вето может применяться лишь в момент голосования.

По вопросу об оккупации Германии Черчилль и Иден, по словам автора, дрались "как львы" так как и Франция претендовала на оккупационную зону и место в комиссии по контролю. Сталин выступил в защиту французской позиции, демонстрируя, таким образом, симпатии и давние связи с Францией, которая в лице де Голля, премьер-министра Франции после ее освобождения (27 августа 1944 г.) поспешила восстановить связи с Москвой (2—9 декабря 1944 г.). Стремление Франции объяснялось ее желанием обеспечить себе место в числе стран-арбитров, участвующих в формировании европейской политики и порядка.

Дискуссии по вопросу о Польше приняли острый характер. Согласно договоренности в Москве (октябрь 1944 г.) Черчилль и Сталин пришли к решению, что влияние на Польшу должно быть уравновешанным со стороны союзников. Однако Сталин теперь настаивал на создании дружественного по отношению к СССР польского правительства, так как за последние тридцать лет Польша служила плацдармом для нападения немцев на Советский Союз. Именно по этой причине Сталин возражал против прибытия некоторых членов польского правительства в эмиграции, настроенных к тому же антикоммунистически, для участия в образовании польского правительства национального единства.

Предложение Сталина встретило отпор со стороны британ-

ского премьер-министра. Черчилль заявил, что британское правительство никогда не примет решение, которое не обеспечивало бы Польше свободу и суверенитет, но в конце концов Черчилль согласился на компромиссное решение: просоветское правительство в Люблине должно быть расширено за счет включения в него некоторых новых членов, предложенных Рузвельтом.

По вопросу о территориальных границах Польши также было достигнуто компромиссное решение, после того как западные державы согласились в принципе, что Польша должна получить "существенную" компенсацию на севере и западе, вплоть до Одера-Нейсе.

Наконец, проблема вступления СССР в войну против Японии подвергается некоторыми историками критике в адрес Рузвельта, так как они считают, что к этому времени Япония была уже обессилена войной и не могла долго сопротивляться. Однако Дрозель вспоминает, что атомная бомба была готова лишь к 9 мая, кроме того, американские военные эксперты в Ялте считали, что капитуляция Германии возможна между июлем и декабрем, а Японии — в течение 18 месяцев.

Сталин согласился на вступление СССР в войну против Японии, но потребовал признания независимой Внешней Монголии, передачи ему Курильских островов и северного Сахалина, Порт-Артура и Дайрена.

Характеризуя поведение Рузвельта на Ялтинской встрече, автор ссылается на историка Дезибера. Этот историк пишет, что вполне уместно предположить, что "в президенте Рузвельте коренилось сильное недоверие к старой английской империалистической политике, которая вовсе не объяснялась советскими намерениями в послевоенный период" (с.319). Как бы там ни было, отмечает автор, союзников объединяла необходимость продолжения войны до полной капитуляции врагов.

Одновременно Германия, убедившись в невозможности выиграть войну, предпринимает попытки по налаживанию переговоров с союзниками о сепаратном мире.

В апреле 1945 г., когда советские войска предприняли решительное наступление на Берлин, а англо-американские войска дошли до Эльбы, немцы попытались всерьез заключить сепаратный мир с западными союзниками через посредничество графа Бернадота. В связи с этим Сталин не окрывал своего недовольства поведением Черчилля и Трумэна. Он понимал, что национал-социалисты пытались закрыть фронт на Западе и продолжать вести войну с СССР. Именно этого добивался Гиммлер. Однако, пишет автор, ни американцы, ни англичане не собирались поддерживать эту игру, так как, помимо всего прочего, наступил бы новый период горя и разрушений для всех стран (с.322).

В целом, между великими державами к 1945 г. установились дружеские и добросердечные отношения. В определенном смысле Потсдамская конференция (17 июня - 2 августа 1945 г.) явилась как бы продолжением Ялтинской конференции.

Центральное место в работе конференции занимал вопрос о Германии и дискуссия о зонах влияния. Несмотря на имевшиеся разногласия о будущем Германии, союзники все же достигли согласия по вопросу об основных направлениях общей политики в отношении Германии. Участники конференции признали необходимость уничтожения национал-социалистической партии и ее филиалов. Союзники обязались принять также и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не была в состоянии угрожать миру и спокойствию во всем мире. Было подписано специальное оглашение о репарациях.

Этим соглашением была определена и новая польско-германская граница: по линии Одер-Нейсе. Конференция подтвердила передачу Советскому Союзу Кенигсберга и прилегающих к нему районов. Участники конференции подтвердили также свою решимость предать главных военных преступников суду Международного военного трибунала и т.д.

Анализируя соглашения, заключенные в Ялте, Москве и

Потсдаме, автор приходит к выводу, что они являлись первоосновой будущего Европы. Благодаря этим соглашениям "в последующие годы мир, которым наслаждалась Европа, в то время как в других частях света вспыхивали войны локального характера, обязан прежде всего тому, что Европа была поделена союзниками на зоны влияния, и союзники в дальнейшем придерживались этого принципа" (с.324).

Таким образом, заключает автор, в Европе создалась такая ситуация, при которой исключалась возможность какого-либо военного конфликта из-за национальных или социальных разногласий. По мнению автора, за такое спокойствие "Европа заплатила своей колонизацией и ущемлением свободы распоряжаться собой" (с.324).

В.Ф.Щербakov

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ:
ДОКУМЕНТЫ И ЭССЕ**

**Major problems in American foreign policy:
Documents and essays. - Lexington (Mass.),
Toronto: Heath, 1978. Vol.2: Since 1914/ Ed.
by Paterson Th.G. /9/, 525 p., map.**

Реферлируемая книга представляет собой сборник документов и эссе по основным проблемам американской внешней политики, охватывающий период с 1914 г. и до настоящего времени. Сборник подготовлен и отредактирован профессором университета в Коннектикуте Т.Патерсоном.

Седьмая глава "Ялтинская конференция" содержит протоколы Ялтинской конференции, а также две статьи, авторами которых являются Ч.Уилмот и Ф.Погью. Прежде чем перейти к анализу документов Ялтинской конференции, авторы отмечают, что многие компромиссы и соглашения сохранялись в тайне, и лишь после 1945 г., во время наступления эры "холодной войны", ялтинские соглашения стали мишенью для критиков, особенно правого крыла, так как они были уверены, что президент Ф.Рузвельт пошел на ненужные уступки СССР.

Статья "Сталинская победа" Ч.Уилмота - англичанина, автора книги "Борьба за Европу" представляет собой типичный образец критики политики Ф.Рузвельта на Ялтинской конферен-

ции. Уилмот находит, что американский президент был наивен и чрезмерно уступчив по отношению к Сталину, в особенности когда речь шла о проблемах, касающихся Азии.

Анализируя позицию, занятую президентом накануне и во время Ялтинской конференции, Уилмот пишет, что, по мнению президента, "не существовало каких-либо серьезных расхождений в национальных интересах между СССР и США" (с.213). Советский и американский народы имеют много общего и готовы сотрудничать для достижения мира и свободы.

Как пишет автор статьи, вера в Сталина и убеждение Рузвельта в том, что он сможет в конце концов решить положительно неудачно сложившиеся советско-польские отношения, все еще доминировали в его подходе к переговорам со Сталиным, несмотря на то что прошедший год мог дать ему основание сомневаться как в его личном влиянии на Сталина, так и в советских послевоенных намерениях. Со времени Тегеранской конференции Рузвельт предпринял три попытки убедить Сталина в необходимости достижения разумного соглашения с польским правительством в Лондоне, и каждый раз эти попытки отвергались Сталиным.

Однако Рузвельт был не единственным политическим деятелем, который надеялся "дипломатией дружбы" достичь желаемого сотрудничества со Сталиным; такую точку зрения разделяли его военные и политические советники. Убеждение в том, что они смогут "поладить" с русскими, возникло у американских лидеров раньше, чем у английских, так как США, считает автор, представляли собой "большой плавильный котел" и американский народ показал беспрецедентную способность интеграции в свое общество множества национальностей. Такую же точку зрения разделял и Эйзенхауэр, отмечавший много общих черт у русских и американцев, свободных от "колониального прошлого" (с.214).

Это убеждение укоренилось и в подходе Рузвельта к

ялтинским переговорам. В глазах Рузвельта Британия в отличие от России являлась колониальной империей, носящей "колониальное клеймо".

Все это в значительной степени, как отмечает автор, стало решающим фактором в готовности Рузвельта пойти на уступки СССР как в Европе, та и в Азии о том, чтобы обеспечить вступление СССР в войну против Японии. За вступление СССР в войну на Тихом океане стояли и американские военные круги. Так, например, государственный секретарь США Стеттиниус в своем докладе писал: "... без России поражение Японии обойдется США в I млн. человек" (с.214).

Фактически все британские и вспомогательные колониальные войска на Дальнем Востоке находились под командованием адмирала Маунтбаттена в Бирме и готовились к военным операциям в Малайе и на Суматре. Такая дислокация вооруженных сил диктовалась скорее географическими, чем политическими факторами, однако в Вашингтоне предполагали, что Черчилль был скорее заинтересован в возвращении потерянных британских колоний, чем в скорейшем поражении Японии. Впоследствии к великому удивлению начальников штабов Англии и США в сентябре 1944 г. в Квебеке Черчилль вдруг предложил послать значительную часть британских королевских военно-воздушных сил, а также военно-морской флот в центральный бассейн Тихого океана. Это предложение было принято Рузвельтом немедленно, но, когда оно начало обсуждаться на объединенном совещании начальников штабов, то натолкнулось на оппозицию.

Командующие американскими штабами советовали президенту "в интересах национальной безопасности, добиться передачи островов, находившихся под мандатом Японии и захваченных нашими войсками, под суверенитет США, а не под опеку ООН" (с.215).

Верный своим принципам, Рузвельт отверг это предложение, однако, исходя из тех же принципов, он подозрительно относился к намерениям англичан и французов в Юго-Восточной

Азии. Рузвельт решительно придерживался того мнения, что Индокитай не должен быть возвращен Франции, и отказался санкционировать пребывание французской военной миссии в этом районе. Однако он был готов разрешить Дании вновь вернуть свои колонии, поскольку королева Вильгельмина обещала этим колониям предоставить самоуправление. Причем он считал необходимым освобождение этих колоний американскими войсками, чтобы впоследствии он был в состоянии проследить за выполнением данных обещаний. Более того, начальники американских штабов решили не допускать англичан к военному контролю над некоторыми районами Юго-Восточной Азии после того, как они будут отняты у японцев.

В подтверждение своего тезиса об антиколониальных настроениях американского президента автор приводит слова Рузвельта: "... англичане не прочь занять любой клочок земли на земном шаре, будь это даже скалы или отмель" (с.216).

Рассчитывая получить советскую помощь в войне против Японии Рузвельт исходил в основном из желания избежать ненужных человеческих жертв. В то же время вступление СССР в войну против Японии позволило бы США нанести по ней решающий удар, принудить к капитуляции задолго до того, как англичане и французы смогли бы вновь вернуть свои колонии. Таким образом, подчеркивает автор, Соединенные Штаты смогли бы потребовать, чтобы колонии, освобожденные от японцев, теперь были бы освобождены от их прежних хозяев. В свое время, как это и произошло, американцы были в состоянии достичь этой цели и без вмешательства СССР, хотя эта американская противоколониальная манифестация проявила себя лишь спустя шесть месяцев после Ялтинской конференции.

Переходя к событиям, имевшим место во время Ялтинской конференции, автор отмечает, что Сталин предпринял жест, имевший тактическое значение: предложил Рузвельту председательское кресло, что позволило "перетянуть президента на полпути на свою сторону" (с.216).

В Ялте "большая тройка" подтвердила свою решимость требовать полной капитуляции Германии, и впервые объединенными усилиями начальников советских, американских и английских штабов были детально разработаны планы по совместным военным операциям для окончательного разгрома Германии. Однако в вопросе о послевоенной Германии не было такого единодушия, и вскоре выяснилось, что по этому поводу существовали весьма значительные расхождения между СССР и Англией, в особенности это касалось принципа раздела Германии, размера репараций и права Франции на участие в оккупации.

Некоторые критики политики Рузвельта на этой конференции, считают, что право вето в Совете Безопасности явилось уступкой Сталину с тем, чтобы склонить СССР к вступлению в ООН. Однако, как пишет автор, это не так. Основной принцип вето никогда не вызывал споров. "Ни одна великая держава, - пишет он, - не была готова принести себя и свои интересы к неограниченной какими-либо условиями юрисдикции международной организации по безопасности" (с.220). Все державы были согласны с тем, что должно существовать безоговорочное согласие постоянных членов Совета по всем важным решениям, касающимся сохранения мира, включая все экономические и военные принудительные меры.

Далее автор переходит к анализу решения польской проблемы. По этому вопросу первым выступил Рузвельт, заявив свою готовность принять линию Керзона, и предложил Сталину отдать Польше Львов и близлежащие нефтеносные районы. И хотя советники президента указывали ему на чрезвычайную необходимость для польской экономики этих нефтеносных районов, все же Рузвельт не настаивал на своем предложении. Кроме того, Рузвельт проявил уступчивость и в вопросах об определении польских границ и образовании нового польского правительства. Такое поведение американского президента автор объясняет желанием последнего "сохранить роль посредника" (с.220). Сталин предложил увеличить территорию Польши к запа-

ду, вплоть до реки Нейсе, что вызвало недовольство Черчилля. Последний заявил, что Англия не может признать Люблинский комитет, так как он не представляет даже 1/3 нации, точно так же, как он не может согласиться на расширение территории Польши за счет западных земель, что означало бы включение в состав Польши Силезии.

Автор упрекает Рузвельта в том, что тот посылает в этот же день примирительное письмо Сталину, в котором он вновь подтверждает "негативное отношение США к Люблинскому комитету, но уверяет, что США никогда не поддержат никоим образом любое временное правительство в Польше", которое может быть враждебно интересам СССР (с.220). Этим письмом, уверяет автор, США в лице президента дали понять о своей уступчивости СССР в вопросе о Польше.

Подводя итог дискуссиям на конференции касательно районов Дальнего Востока, автор ставит в упрек Рузвельту то, что он "уступил" Курильские острова, Внутреннюю Монголию и Дайрен. Он пишет, что согласно принятым соглашениям "Россия с англо-американского согласия становилась политической наследницей Японии в Маньчжурии и, следовательно, в Северном Китае" (с.224).

Из всех соглашений, достигнутых в Ялте, отмечает автор, последние явились наиболее спорными и наименее обоснованными. "И все же было бы преувеличением предполагать, что все уступки в пользу Сталина были исторгнуты у сопротивляющегося Рузвельта" (с.224).

По мнению автора, реальным значением для мира и для будущего явилось не то, что Сталин мог или смог взять, а то, что ему предоставили право взять. Эти соглашения дали Сталину моральное право на претворение его планов в Азии и, что самое главное, почти законное право нажима во время мирной конференции с требованием территорий. Капитуляция Рузвельта в этом вопросе представляется наиболее значительной, учитывая принесение в жертву тех самых принципов, которым

он сам следовал, имея дело с Черчиллем и Сталиным. Это приобретало еще большее значение, если иметь в виду, что Рузвельт ранее всегда подчеркивал, что он никогда не заключит каких-либо соглашений, которые после войны могут нанести ущерб мирным договорам, что он никогда не признает сфер влияния или территориальных изменений кроме достигнутых по взаимному соглашению. Кроме того, он не согласится на передачу каких-либо колониальных территорий без опеки со стороны международной организации.

Заклучая подобное соглашение о военных действиях против Японии, Рузвельт ослабил свои позиции посредника, а тем самым и свою способность вести твердые переговоры по проблемам войны с Германией. Он уже был не в состоянии каким-то образом эффективно выступить против советской политики создания сфер влияния на Балканах. Отказавшись от своих принципов в Азии, он не был в состоянии следовать им и в Европе, имея такого соперника и реалиста, как Сталин. Постепенно Рузвельт оказался в менее благоприятном положении, чем это имело место в начале конференции (с.225).

Таким образом, Сталин, добившись уступок, продолжал консолидировать свою политику, в то время, как его армии обеспечивали ему стратегические преимущества в Европе. И когда вновь возобновились дискуссии о будущем Польши, то русским удалось настоять почти на всех своих требованиях. О предложении президента Рузвельта передать Польше район Львова никто уже более не говорил.

До самого последнего дня в Ялте ни американцы, ни англичане не подозревали о том, что совместное коммюнике и секретный протокол, столь торжественно подписанные и утвержденные, будут вскоре нарушены и что этот процесс начнется еще до того, как президент и премьер-министр доложат своим правительствам о том, что великие державы на этой конференции "были настолько близки, как никогда" (с.229).

Этой же теме посвящена и вторая статья "Политические

реальности Ялты", автором которой является Ф.Погью. Прежде всего автор статьи обращает внимание на тот факт, что госдепартамент и военные советники, составлявшие докладные записки и меморандумы для президента Рузвельта в Ялте, равно как и сопровождавшие его в Ялту лица, никоим образом не влияли на те неправомерные уступки, которые были сделаны в пользу русских. Далее он указывает, что в отношении уступок русским советники и госдепартамент проявили себя более неговорчивыми, чем Рузвельт и Черчилль. Наиболее яростными противниками уступок в пользу СССР выступали гоосекретарь Стеттиниус и посол Гарриман.

Среди всех прочих уступок СССР наиболее значительными и далеко идущими по своим целям явились уступки на Дальнем Востоке. В силу ряда причин эти дальневосточные уступки вызвали наиболее резкое и шумное осуждение Ялтинской конференции. Автор кратко суммирует мотивы такого осуждения: 1) нападки на Ялтинскую конференцию сторонников Чан Кайши, оппонентов Рузвельта и Маршалла, защитников Макартура; 2) необоснованное предположение о том, что именно Ялтинская конференция способствовала падению Чан Кайши; 3) всеобщее предубеждение американского народа по отношению к "тайной дипломатии" и к тому факту, что соглашения были достигнуты в частном порядке между Рузвельтом и Сталиным; 4) ослабление американской и японской обороны вследствие уступок; 5) убеждение, что у Рузвельта не было морального права передавать китайские территории русским (с.230).

В стратегическом отношении, пишет автор, передача Курильских островов и Южного Сахалина потенциальному противнику Соединенных Штатов Америки являлась необоснованной, так как американские позиции в этом районе определенным образом были ослаблены. Однако немногие американцы думали так в 1945 г.

Моральные аспекты уступок, сделанных президентом Рузвельтом, беспокоили либеральных сторонников президента и вызыва-

ли гнев его оппонентов. У тех, кто занимался изучением распространения в конце XIX – начале XX в. империализма, уступки в пользу СССР за счет Китая вызвали чувство компаративности. Дайрен, Порт-Артур и Южно-Маньчжурская железная дорога напомнили Западу о договоре в Симоносеки, русско-японскую борьбу за право влияния в Корее, Маньчжурии в 1904–1905 гг. и энергичные усилия японцев, добивающихся контроля на Дальнем Востоке.

В период разочарования, который наступил после 1946 г. многие забыли о том, что территории, отошедшие к России в 1945 г., не находились под контролем Китая с 1905 г. И все же, несмотря на эти оправдывающие аргументы, отмечает автор, и вышеизложенные объяснения, с моральной точки зрения нельзя оправдать уступки в пользу СССР на Дальнем Востоке.

Неомотря на то что ранее западные лидеры осуждали заключения такого рода соглашений, Рузвельт все же пошел на это, так как "основы морали и реальность находились в конфликте; реальность одержала верх" (с.231). Автор приводит доводы сторонников уступок, сделанных на Дальнем Востоке, которые вкратце сводились к следующему. Необходимость русской помощи в войне против Японии для сокращения сроков войны и спасения жизни американским солдатам; необходимость сохранить военное сотрудничество с СССР и продолжить сотрудничество в послевоенный период.

Многие критики Ялтинской конференции настаивали на том, что вступление в войну СССР не было необходимым. Некоторые из них утверждали, что атомная бомба и превосходство над противником в воздухе и на море в начале февраля 1945 г. позволило бы США разгромить Японию без какого-либо союзника. Другая группа критиков заявляла, что специалисты в военно-морской разведке знали, что Япония проиграла. Если бы их представители присутствовали на Ялтинской встрече, то смогли бы отговорить президента Рузвельта от ненужных территориальных уступок в пользу Советского Союза. Такие заяв-

ления, пишет автор, позволяют предполагать, что предпринимаемые массированные воздушные операции дали бы возможность быстро закончить войну на Тихом океане без какого-либо участия наземных войск.

В феврале 1945 г. военные специалисты рассчитали, что возможные потери в войне с японцами составят, по крайней мере, 500 тыс. человек, а возможно, и I млн. Военные кампании в первые месяцы 1945 г. сопровождались постоянным увеличением числа убитых и раненых американцев.

Весной 1945 г. генерал Макартур выступил за участие советских войск в войне против Японии. Этот факт, указывает автор статьи, не помешал генералу Макартуру заявить в октябре 1955 г. о том, что ему было неизвестно об уступках в пользу России и что, зная это, он не настаивал бы на вступлении России в войну. Однако этот аргумент не относится к делу, так как заключение политических соглашений находится вне компетенции военных. "Надежда быстро попасть домой живыми была всеобщим желанием американских солдат, сражавшихся на Тихом океане, и это желание следует рассматривать как одну из политических реальностей, которая воплотилась на Ялтинской конференции" (с.233).

В отличие от автора предыдущей статьи, Ф.Погью оправдывает позицию Рузвельта на Ялтинской встрече. Он пишет: "Принимая во внимание возможности русских в 1945 г. взять то, что они хотели без соглашения с союзниками, принимая во внимание дополнительную помощь, в которой нуждались союзники в Европе и на Тихом океане... можно заключить, что уступки, сделанные в пользу СССР на Дальнем Востоке не казались чрезмерными" (с.234). Даже сегодня представляется невозможным избежать того предположения, что если бы Сталин не получил эти уступки от Рузвельта и Черчилля, он бы получил (а может и гораздо больше) от кого-нибудь еще или же взял бы сам без союзников и без согласия Китая.

Условия Ялтинских соглашений, касающихся Дальнего Восто-

ка, вытекали из самой сущности союза, заключенного между Рузвельтом и Сталиным, содержащего не только уступки, но также и сдерживающие ограничения. Оправдывая позицию Рузвельта, автор пишет, что "тому была не вина Рузвельта, что Сталин нарушил поздние условия контракта" (с.234).

Для концентрации военных усилий американского и английского народов против германских и японских агрессоров Рузвельт и Черчилль часто следовали принципам, вытекающим из соображений политической необходимости в ведении переговоров с Советским Союзом и другими союзническими странами. Очевидно, оба политических деятеля еще помнили нападки критиков на идеалистическую политику Вильсона во время первой мировой войны и руководствовались доводами о самосохранении.

Совершенно невозможно уяснить себе, пишет автор, значения ялтинских переговоров без учета тех условий, при которых велись эти переговоры. В феврале 1945 г. союзники в основном согласились наказать должным образом Германию и Японию и обезопасить себя от последующих агрессивных тенденций в этих странах. Западные державы признали, что наиболее пострадавшей в этой войне страной являлся Советский Союз и, следовательно, он должен был получить компенсации от общих врагов.

Президент Рузвельт определенным образом надеялся и, возможно, верил вплоть до самой смерти, что ему удастся сесть за стол переговоров вместе со Сталиным и Черчиллем для выработки решений по проблемам мира. "Президент искренно верил, что советские экспансионистские тенденции будут умерены, как только СССР будет уверен в безопасности своих границ в Европе и Азии" (с.235).

Существовали и другие соображения, пишет автор, повлиявшие на переоценку Рузвельтом возможности послевоенного сотрудничества с СССР, однако они не приводятся.

Автор указывает, что на Ялтинской конференции обнару-

жилаась и еще одна нерешенная проблема. Раздел Германии означал, что в Центральной Европе со сцены сошла сила, доминировавшая там с 1938 г., и ее место, таким образом, будет занято Советским Союзом. Разоруженная Италия и ослабленная Франция не представляли собой какой-либо нейтрализующей силы перед мощью Красной Армии. Что же касается Великобритании, то она, серьезно истощенная тяжелыми военными налогами и нуждающаяся в людских резервах, не могла представлять противовеса русской мощи в Европе, как это было на протяжении двух столетий.

Американцы же рассматривали свое военное присутствие в Европе как временное и надеялись в скором времени покинуть ее; психологически они были не в состоянии играть традиционную роль Великобритании. Приближающееся военное поражение Японии угрожало созданием военного вакуума на Дальнем Востоке, точно так же, как поражение Гитлера в Европе.

Таким образом, заключает автор, уступки в Ялте "неизбежно отражали мощную позицию СССР в Европе и его потенциальную силу на Дальнем Востоке. Личная дипломатия в Ялте пыталась разрешить проблему основных реальностей нового баланса сил в мировом масштабе; личная свобода действий политического деятеля была сильно ограничена этими объективными силами" (с.236). Именно в этом и заключается не принимаемый во внимание факт оценки этой конференции, а без понимания его ускользает и само значение встречи в Ялте.

В.Ф.Щербаков

ВУДВОРД Л.
АНГЛИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

WOODWARD L.

British foreign policy in the Second World
War. Vol.2-3. L.: H.M. Stat.off., 1971. -
(History of the Second World War).

Реферлируемое исследование представляет собой официальную британскую историю внешней политики Англии в годы второй мировой войны. Книга написана членом Королевской Академии наук Л.Вудвордом на материалах архивов военного кабинета, Форин-оффиса и других британских ведомств. В пяти томах этой фундаментальной работы подробно прослеживаются вопросы формирования и реализации внешнеполитического курса Англии в годы войны. Автор широко освещает как процесс подготовки и принятия тех или иных внешнеполитических решений, обмен мнениями между различными службами, экспертами и руководителями, так и сами действия Англии на международной арене - характер ее инициатив, ход переговоров и их результаты. Впервые работа увидела свет в сокращенном варианте в 1962 г.¹⁾, а в 70-х годах, когда по истечении тридцатилетнего срока давности исследователям были открыты архивы Фо-

1) Woodward L. British foreign policy in the Second World War. L., 1962.

рин-офиса военного времени, были опубликованы все пять томов труда.

Внешняя политика Советского Союза специально не рассматривается Д. Вудвордом, а освещается им во втором и третьем томах в главах, посвященных англо-советским отношениям, а также в тех главах, где анализируется политика Англии в польском вопросе и в отношении Югославии.

Отношения между Англией и Советским Союзом, указывает Вудворд, с самого начала развивались весьма нелегко. Вступление Советского Союза в войну было продиктовано отнюдь не чувствами симпатии к западным державам. "Русские сражались только потому, что на них напали, но факт этого нападения не изменил их глубокой и принципиальной враждебности к Великобритании и США, как ведущим державам капиталистического мира" (т. 2, с. 4). Различными были и цели, которые преследовали в войне СССР и западные страны. Поэтому "история англо-советских политических отношений в первый период войны - это история возрастающих трений и разногласий" (т. 2, с. 5).

Вскоре после нападения Германии на СССР советские руководители стали требовать помощи Великобритании. Указывая на тяжелое положение, которое сложилось на советско-германском фронте, они настаивали на усилении бомбардировок Германии, высадке английских войск во Франции, на Балканах или на севере Советского Союза. 8 июля 1941 г. Сталин в беседе с английским послом в Москве Криппсом "очень искренне и серьезно" говорил о трудности положения СССР (т. 2, с. 12). Он предложил заключить советско-английское политическое соглашение о совместных действиях в войне и настаивал на том, чтобы оно было заключено как можно быстрее.

Подписание такого соглашения 12 июля 1941 г. создавало базу для развития сотрудничества, но отнюдь не решило всех проблем англо-советских отношений. Находившаяся в Москве британская военная миссия по-прежнему с огромным трудом по-

лучала доступ к любой информации, касавшейся СССР. Советские руководители требовали поставок оружия и военных материалов, а отсутствие их поступления в желаемых размерах объясняли скрытыми намерениями своего британского союзника. "Они опасались, что Великобритания повторит то, что делали они сами до нападения на них Германии: останется в стороне и предоставит другим право нести основное бремя сопротивления Гитлеру" (т.2, с.29).

На Московской конференции представителей трех держав в сентябре-октябре 1941 г. была достигнута договоренность о поставках США и Англией военных материалов и вооружения в СССР. Однако "англо-советские отношения, несмотря на решения конференции, в октябре - первой половине ноября обострились" (т.2, с.40). Положение на советско-германском фронте становилось все более тяжелым, и Молотов продолжал спрашивать Криппса, почему англичане не отвечают на советское предложение послать на Восточный фронт 25-30 своих дивизий. В то же время советские руководители подозрительно встретили британское предложение сменить английскими войсками советские дивизии в Северном Иране, которые можно было бы отправить на фронт, а также направить несколько британских дивизий в район Кавказа. Они опасались, что Англия хочет сыграть на трудностях СССР и расширить свое влияние в этих районах.

По мере развития гитлеровского наступления на Москву "требования русских становились все более настойчивыми и относились ко все большему числу вопросов" (т.2, с.47). Сталин в своей речи 6 ноября выразил открытое неудовольствие политикой союзников, подчеркнув, что отсутствие второго фронта облегчает положение Гитлера. В послании Черчиллю от 8 ноября он в весьма резкой форме поставил вопрос о неясности взаимоотношений, существующих между Англией и СССР, как следствия отсутствия договоренности между ними

о целях войны и послевоенного урегулирования и отсутствия договора о взаимопомощи в борьбе против Гитлера.

Эти проблемы обсуждались во время визита Идена в Москву в декабре 1941 г. Однако обстановка в этот момент уже была иной. Немецкое наступление было остановлено, и "вопрос о посылке британских войск уже не был таким актуальным, как раньше" (т.2, с.221). В то же время вступление в войну США "увеличивало политическое значение англо-американского сотрудничества" (т.2, с.222).

На переговорах в Москве Сталин выдвинул программу советско-английского сотрудничества в годы войны и послевоенного устройства, предусматривавшую признание советских границ 1941 г. Этот вопрос был одним из главных условий дальнейшего развития сотрудничества. Сталин подчеркивал, что независимо от тех соображений, по которым Англия отказывается признать границы СССР 1941 г., "русский народ не поймет, почему должна идти какая-нибудь торговля по вопросу восстановления наших законных границ" (т.2, с.233).

Советские руководители поднимали на встрече и вопрос о втором фронте. После того как правительство Англии решило принять в принципе советские предложения о границах, было устранено главное препятствие на пути к подписанию советско-английского договора. Однако переговоры о нем проходили весьма тяжело. Советский проект договора не соответствовал отношению Англии к проблемам Восточной Европы. Прибывший в Лондон Молотов подчеркивал в беседе с Черчиллем 21 мая 1942 г., что Советский Союз "настаивает на восстановлении своих территорий, захваченных Гитлером, и не пойдет в этом вопросе ни на какие уступки" (т.2, с.249). Вскоре, правда, он неожиданно согласился на компромиссный вариант договора.

Подписание 26 мая англо-советского договора означало начало нового этапа в отношениях между двумя странами. "От-

ныне существовал письменный договор, содержащий формальное согласие английского правительства по вопросу, в котором опасения русских были наиболее значительными", и удовлетворявший большинству их требований (т.2, с.255).

Однако вскоре отношения между СССР и Англией вновь обострились. Наступление гитлеровцев летом 1942 г. имело следствием усиление требований Советского правительства к западным союзникам – отвлечь силы Гитлера, открыв второй фронт в Европе. Во время своей поездки в Лондон и в Вашингтон в мае-июне 1942 г. Молотов стремился добиться окончательного решения вопроса о втором фронте. В коммюнике о советско-американских переговорах в Вашингтоне говорилось о достижении полной договоренности в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г. Хотя эта формулировка была повторена и в советско-английском коммюнике, британское правительство ясно указало, что открытие второго фронта в 1942 г. сопряжено с большими сложностями, которые могут сделать невозможным его создание в ближайшее время. Советские руководители, однако, продолжали считать, что союзники взяли на себя твердые обязательства и настаивали на немедленном открытии второго фронта. 23 июля Сталин "в очень резкой и недружелюбной форме" выразил свое несогласие с тем, что Англия откладывает открытие второго фронта на 1943 г. (т.2, с.264).

Чтобы разрешить вопросы, осложнявшие развитие англо-советских отношений, Черчилль в августе 1942 г. отправился в Москву. В ходе переговоров Сталин продолжал требовать скорейшей высадки союзников во Франции, не принимая доводов Черчилля о том, что существующие условия делают невозможным проведение такой операции. Он указывал, что военные планы Советского Союза на 1942 г. строились в расчете на то, что будет открыт второй фронт в Европе. В конце переговоров Сталин, казалось, был готов изменить свое мнение по поводу предложенных Черчиллем операций в Северной Африке в лучшую

сторону и подчеркнул, что "Великобритания и Советский Союз не имеют антагонистических интересов" (т.2, с.272).

Советская печать в это время продолжала широкую кампанию в пользу открытия второго фронта, а посол СССР в Англии Майский вел активную агитацию по этому поводу среди английской общественности. Эти действия зашли так далеко, что британское правительство "было вынуждено предупредить Майского и поставить перед советским руководством вопрос о недопустимости обвинений западных союзников в невыполнении взятых на себя обязательств" (т.2, с.274).

Вопрос о втором фронте продолжал оставаться одним из главных вопросов англо-советских отношений и в 1943 г. В посланиях Сталина Черчиллю в конце зимы - весной 1943 г. выражались резкие протесты Советского правительства по поводу принятых на конференции в Касабланке англо-американских решений перенести открытие второго фронта на август-сентябрь 1943 г. Сталин подчеркивал, что операции в Сицилии не могут заменить высадки во Франции, а "дальнейшая отсрочка открытия второго фронта во Франции будет иметь опасные последствия для общего дела союзников" (т.2, с.564). Советская печать писала весной и летом 1943 г. о благоприятных возможностях, создавшихся в Европе для высадки войск западных союзников, а Майский "повторял обычные обвинения русских о том, что их потери намного больше, чем наши, и что они не видят с нашей стороны готовности способствовать скорейшему окончанию войны" (т.2, с.564).

Проблема второго фронта была главной и на Московской конференции министров иностранных дел "большой тройки" в 1943 г. Уже до ее начала было ясно, что основные усилия советской дипломатии будут направлены на то, чтобы добиться твердого обещания западных союзников произвести высадку во Франции весной 1944 г., а также вовлечения в войну Турции и Швеции, что, по мнению Советского правительства, способствовало бы быстрейшему разгрому Гитлера.

Конференция, главной задачей которой было подготовить условия для встречи руководителей трех держав, завершилась успешно. Этому способствовало отчасти то, что на ней не обсуждались наиболее острые вопросы послевоенного урегулирования и, в частности, особо волновавшие Советский Союз вопросы границ. Советский Союз был доволен итогами конференции и оценивал их как свой успех. "Русские видели, что они свободно и на основе полного равенства допущены в англо-американский совет, из которого до этого момента они были почти полностью исключены" (т.2, с.594).

Удовлетворявшее Советский Союз решение по вопросу об открытии второго фронта было принято на Тегеранской конференции. Советские руководители поддержали в Тегеране американские военные планы о высадке во Франции, а не предложения Черчилля об операциях в районе Средиземноморья. Конференция "завершилась в атмосфере сердечности. Однако остается открытым вопрос: не была ли эта сердечность куплена слишком дорогой ценой?" (т.2, с.603). Русские могли рассматривать решения конференции как свой несомненный успех. "Они достигли своих главных целей: окончательного обещания высадки во Франции и назначения ее точной даты, а также концентрации на этом всех англо-американских ресурсов. В ответ они не сделали никаких уступок своим союзникам за исключением обещания принять после поражения Германии участие в войне против Японии, что, в сущности, было больше в их собственных интересах" (т.3, с.104).

В речи 6 ноября 1943 г. Сталин сказал, что разногласия между союзниками имеют незначительный характер, и такого рода разногласия существуют и между членами одной партии. Эти слова толковались британскими экспертами как свидетельство того, что в Советском Союзе есть разные точки зрения на будущее антигитлеровской коалиции и не все советники Сталина уверены в преимуществах сотрудничества СССР с западными державами. Форин-офис пытался определить действительные

намерения советского руководства и его планы на будущее. Иден отмечал 3 апреля 1944 г., что стратегические цели России могут предусматривать установление господства в Восточной Европе и даже в Средиземноморье. В меморандуме Форин-оффиса от 7 июня 1944 г. о политике СССР на Балканах отмечалось, что "русские стремятся к господствующему положению в Юго-Восточной Европе и используют руководимые коммунистами движения в Югославии, Албании и Греции для достижения этой цели" (т.3, с.119). "Советское правительство, - говорилось далее в меморандуме, - всегда было против господства на Балканах любой другой великой державы, считая это угрозой безопасности СССР" (т.3, с.120).

В другом британском меморандуме, датированном августом 1944 г., анализировались политика и планы СССР в других районах Европы. "Советское правительство, - говорилось в нем, - будет требовать приведения Германии в состояние постоянной безвредности и настаивать на максимально возможной контрибуции с нее в виде репараций трудом и товарами для компенсации ущерба, нанесенного Германией России" (т.3, с.125). В отношении Франции "интересы СССР будут состоять в усилении ее как противовеса Германии. Для этого русские, вероятно, будут желать не только сильной Франции, но и образования дружественного СССР французского правительства, не расположенного участвовать в антисоветских комбинациях" (т.3, с.126). В Центральной Европе интересы Советского Союза требуют освобождения Польши, Чехословакии, Венгрии и Австрии из-под контроля Германии и установления тесных связей, по крайней мере, трех первых из этих стран с советской системой безопасности. Наиболее сложные проблемы возникают в связи с позицией СССР в польском вопросе. Советский Союз не хочет возрождения довоенной польской политики, когда Польша питала амбициозные намерения играть роль великой державы и пыталась быть балансом между Германией и Россией, а

в союзе с Западом — барьером на пути установления тесных связей между СССР и Европой. "Советское правительство поэтому противится возвращению к власти любого довоенного польского правящего класса и хотело бы раз и навсегда разрешить территориальные споры между Польшей и СССР" (т.3, с.127).

Развитие военных действий в Европе ставило вопрос о выходе из войны государств-сателлитов Германии.

Из-за того что американские руководители отказались принять стратегические планы Черчилля, западные державы потеряли возможность участвовать в контроле над Юго-Восточной Европой. Советский Союз теперь контролировал фактически все территории, на которых находились его армии.

Рассматривая далее политику СССР в отношении Польши, автор указывает, что в начале 1944 г. была определенная возможность для нормализации отношений между Советским Союзом и польским эмигрантским правительством в Лондоне. Действия СССР "хотя и показывали, что большие уступки с его стороны маловероятны, но не говорили, что дверь к соглашению окончательно закрыта" (т.3, с.157). В декларации Советского правительства от 11 января 1944 г. подчеркивалось, что СССР и Польша одинаково заинтересованы в установлении дружественных отношений и что народы двух стран должны объединиться в борьбе против общего врага. Передавая эту декларацию, Молотов сказал, что "Советское правительство впервые сообщило о готовности пойти на уступки по вопросу своих законных границ" (т.3, с.158).

Вскоре, однако, советские руководители обвинили польское правительство, отказывавшееся принять советско-польскую границу по линии Керзона, в нежелании установить хорошие отношения с СССР, и Форин-офис стал полагать, что действительная цель Советского Союза состоит в том, чтобы добиться образования такого польского правительства, которое бы предоставило СССР контроль над всей польской территорией. 2 февраля 1944 г. Сталин сказал английскому послу в Москве,

что он хочет, чтобы "польское правительство заявило о своем окончательном признании линии Керзона. Он склонен был бы возобновить отношения с польским эмигрантским правительством, если бы не боялся, что будет снова вынужден порвать с ними вследствие их постоянных нападков на СССР" (т.3, с.166).

В марте в Лондоне начались переговоры между советским и польским представителями о возможностях и условиях возобновления отношений. Они протекали весьма обнадеживающе и на последней встрече "переговоры шли в дружественном и даже сердечном тоне" (т.3, с.193). Однако советский представитель вдруг резко изменил свою позицию и заявил, что условием восстановления отношений является реорганизация польского правительства путем вывода ряда его членов и включения в него демократических элементов, осуждение новым правительством политики прежнего правительства в связи с Катынским делом, а также признание советско-польской границы по линии Керзона.

На состоявшихся в Москве переговорах между премьер-министром польского правительства и советскими руководителями Сталин говорил о том, что Советский Союз хочет сильной и независимой Польши и не намерен устанавливать в ней коммунистический строй.

Правительство Великобритании предпринимало активные действия, стремясь убедить лондонских поляков согласиться на линию Керзона и вместе с тем удержать Советский Союз от признания ПКНО законным польским правительством. Однако достичь этого не удалось. 31 декабря 1944 г. Советское правительство сообщило о преобразовании ПКНО во временное правительство и о признании его Советским Союзом.

Польский вопрос занимал одно из главных мест на повестке дня Ялтинской конференции и обсуждался на семи из восьми ее пленарных заседаний. В результате западным державам удалось добиться некоторых уступок со стороны Советского

Союза, и конференция приняла "очень хорошее решение" по польскому вопросу (т.3, с.271). Но нерешенными оставались вопросы о проведении выборов в Польше и получении объективной информации о положении дел в этой стране.

В двух последующих главах книги рассмотрена политика Англии в отношении Югославии. В этой связи затронуты и вопросы отношения СССР к югославским партизанам и четникам Михайловича.

В октябре 1941 г. Советское правительство обратилось к правительству Англии с предложением поддержать восставших в Югославии и скоординировать советскую и британскую политику в отношении этой страны. "Трудности такой координации заключались в том, что четники и партизаны уже начали борьбу друг с другом... Было ясно, что если русским придется выбирать, они будут поддерживать коммунистов, а не четников... С точки зрения долгосрочной политики поддержка коммунистов также отвечала интересам СССР после войны. Поэтому советская идея "координации" британской и советской политики означала бы разрешение партизанам подавлять четников" (т.3, с.282).

Нежелание СССР сотрудничать с Англией в деле примирения партизан и четников наглядно проявилось уже весной 1942 г. Когда британское правительство обратилось к советскому руководству с просьбой оказать давление на партизан и побудить их к сотрудничеству с четниками, Советское правительство отклонило эту просьбу под предлогом того, что оно не хочет вмешиваться во внутренние югославские дела, а в июле 1942 г. заявило, что генерал Михайлович - коллаборационист и СССР поэтому не расположен присоединяться к требованиям сдерживать действия партизан против четников.

В 1943 г. Советский Союз по-прежнему отрицательно отвечал на все предложения Англии о сотрудничестве в деле примирения партизан и четников и обвинял Михайловича

в коллаборационизме. На Московской конференции Молотов заявил о намерении Советского правительства послать к партизанам свою военную миссию и отклонил предложение Идена о направлении аналогичной советской миссии в штаб Михайловича.

В ноябре 1943 г. Антифашистское Вече Народного Освобождения Югославии приняло решения об образовании народного правительства во главе с маршалом Тито и о лишении эмигрантского правительства всех его прав. "Советское правительство, хотя и поддерживало отношения с королевским эмигрантским правительством, свело эти отношения к минимуму, а симпатии русских были явно на стороне партизан" (т.3, с.348).

Весной 1944 г. правительство Англии попыталось заручиться поддержкой Советского правительства в деле примирения враждующих группировок в Югославии путем достижения соглашения между Тито и эмигрантским правительством. В советском ответе на это обращение указывалось, что Советский Союз приветствовал бы такое объединение, но оно, на его взгляд, возможно лишь на основе соглашения с маршалом Тито, который имеет реальные силы в стране. Одобрив заключение соглашения между Тито и новым эмигрантским премьером Шубашичем, советские руководители в то же время отказались принять Шубашича в Москве и не назначали своего посла при эмигрантском правительстве. В сентябре 1944 г. Советский Союз заключил соглашение с НКЮ о вступлении Красной Армии на территорию Югославии, оставляя без ответа сделанные Англией предложения о дальнейшем сотрудничестве в югославском вопросе.

На переговорах в Москве в октябре 1944 г. Черчилль добивался того, чтобы Советское правительство взяло на себя обязательство воздерживаться от односторонних действий в Югославии, которые бы игнорировали интересы западных держав, и предложил разделить влияние между Великобританией и СССР в этой стране 50 на 50 в процентном отношении. Ста-

лин принял—де это предложение (т.3, с.349). На последующих встречах в ходе московских переговоров Молотов пытался добиться согласия Идена на предоставление Советскому Союзу 75 процентов влияния в Югославии, однако вынужден был в итоге согласиться на равное влияние Англии и СССР.

Советский Союз одобрил действия Тито и Шубашича по заключению между ними соглашения об образовании единого югославского правительства и требовал скорейшего проведения соглашения в жизнь. Он настаивал на этом и на Ялтинской конференции, но согласился на британское предложение рекомендовать Тито и Шубашичу дополнить соглашение двумя поправками: о расширении АВНОЮ депутатами довоенной скупщины, не скомпрометировавшими себя сотрудничеством с оккупантами, и о последующем утверждении решений АВНОЮ Учредительной скупщиной. После окончания Ялтинской конференции, рекомендовавшей Тито и Шубашичу безотлагательно провести соглашение в жизнь (с учетом двух поправок), было образовано единое правительство, признанное всеми великими державами. Вскоре, однако, стало очевидно, что влияние Англии и Советского Союза в Югославии отнюдь не равнозначно и что Тито стремится к установлению тесных связей с СССР. В апреле 1945 г. он "в свойственной ему манере, ничего не сообщив английскому послу, неожиданно покинул Белград" и отправился в Москву, где заключил 11 апреля договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с СССР (т.3, с.366).

В заключительной главе тома рассмотрены англо-советские отношения в период между Ялтинской и Потсдамской конференциями. Главным вопросом, который занимал в тот момент британское правительство, был вопрос о том, "намереваются ли русские придерживаться после войны политики сотрудничества на базе англо-советского договора... или же они намерены решать проблемы безопасности своих европейских границ сами,

своими средствами и без учета взглядов западных держав" (т.3, с.560).

Форин-офис, анализируя действия Советского Союза, хотя и не игнорировал совсем, но не выдвигал на первый план главного вопроса: не могли ли советские руководители прийти к выводу о том, что мощь и решимость Англии защищать свои интересы - недостаточны, а нежелание США оставлять надолго свои войска в Европе приведет вскоре к изменению баланса сил в этом районе в пользу СССР. "В таком случае русские могли полагать, что им удастся собственными силами ниспровергнуть Германию и нет особой необходимости для них в том, чтобы учитывать интересы Англии или сотрудничать с ней в экономическом и социальном восстановлении Европы, которое бы соответствовало интересам западных держав и не обязательно было бы выгодно советскому коммунизму" (т.3, с.571).

В.Е.Романов

II. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

ЛЕВЕРИНГ Р.Б.
АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
И РУССКИЙ СОЮЗНИК, 1939-1945

LEVERING R.B.

American opinion and the Russian alliance,
1939-1945. - Chapel Hill; Univ. of North
Carolina press, 1976. - XV, 262 p. with
diagr.; 6 l. ill. - Bibliogr.: p.233-254.

Ind.: p.255-262.

Монография Ральфа Б.Леверинга (Western Maryland College) посвящена исследованию общественного мнения США в годы второй мировой войны. В центре внимания автора - формирование антигитлеровской коалиции и развитие союзнических отношений между США и СССР. Автор пытается проследить внутренний контекст американской внешней политики по отношению к Советскому Союзу, который характеризуется, по мнению автора, быстрым нарастанием движения за поддержку СССР во второй мировой войне, а затем таким же внезапным поворотом к "холодной войне" после победы над фашистской Германией. В монографии рассматриваются различные точки зрения по проблеме послевоенного устройства мира, начавшие формироваться уже в годы войны, что, как полагает Леверинг, поможет объяснить причины возникновения "холодной войны" между бывшими союзниками.

Хронологические рамки исследования – сентябрь 1939 г. – май 1945 г. Автор расширяет рамки монографии за пределы советско-американского военного сотрудничества с тем, чтобы проследить условия и предпосылки формирования антигитлеровской коалиции.

В работе использованы визуальные источники – кинохроника, художественный кинематограф 40-х годов, а также материалы прессы, радиопередачи, в особенности сводки новостей; анализируются документальные и мемуарные источники.

Автор выделяет три аспекта исследования: 1) внешнюю политику США по отношению к СССР; 2) механизм (т.е. средства информации), с помощью которого создавалось общественное мнение о Советском Союзе; 3) роль политических лидеров США, в особенности президента, в формировании общественного мнения.

Характеризуя период накануне начала второй мировой войны, автор отмечает, что летом 1939 г. отношение американцев к советской идеологии и внешней политике в общем было отрицательно. Для многих американцев альтернатива "нацисты либо коммунисты" не существовала, так как подчас различия между ними не делалось. Советский Союз критиковался в американских политических кругах как с правых позиций, так и с левых. Так "социалист" Норман Томас охарактеризовал Советский Союз как "одну из основных сил консерватизма в современном мире" (с.18). Позиция американских коммунистов, как считает автор, была ослаблена тем, что даже их политические лидеры мало знали о подлинном развитии советской внешней политики.

После первой мировой войны не только Россия, но также Германия, Италия в Европе и некоторые страны в Латинской Америке считались "тоталитарными режимами". Специфический интерес к событиям в Европе в конце 30-40-х годов был обусловлен прежде всего страхом перед распространением "тота-

литаризма" на Американский континент. Вместе с тем, как показал опрос, большинство американцев (82% против 18%) считали Германию более опасным врагом и потому желали бы победы Советскому Союзу в случае войны между ними (с.17).

Негативное отношение к Советскому Союзу усилилось после заключения советско-германского пакта о ненападении. Американская пресса высказывала самые различные оценки советской внешней политики, которые все, однако, сводились к тому, что Россия капитулировала—де под давлением Германии.

Аналогичные оценки были даны советской позиции в советско-финской войне. Не представляя, что за последние годы у многих политических деятелей Финляндии развились профашистские тенденции, пишет Леверинг, американцы продолжали считать Финляндию аванпостом демократии в Европе. "Они также не знали, что действительной целью России было не подчинение финского народа или свержение его правительства, а обеспечение стратегической позиции для защиты Ленинграда в случае нападения Германии, позиции, которую финское правительство не желало полностью признать посредством переговоров" (с.32).

Позиция политических лидеров США, и прежде всего бывшего президента Гувера и президента Рузвельта, сводилась к тому, что цивилизация в лице Финляндии претерпела новую "коммунистическую атаку" (с.34).

Исследование общественного мнения показало, как пишет автор, что, по мнению 21% опрошенных американцев, Рузвельт выразил симпатии американцев к Финляндии (с.34).

После финской войны 33% высказало опасение, что Сталин представляет большую опасность, чем Гитлер, так как несет "коммунистическую опасность" западным цивилизациям" (с.34).

Такая предстория советско-американских отношений, предшествовавших превращению их в военных союзников, имела

результатом то, что, несмотря на сближение СССР и США перед лицом мировой угрозы фашизма, многие американцы продолжали настороженно относиться к Советскому Союзу.

Климат взаимоотношений СССР и США стал резко меняться вскоре после нападения фашистской Германии на Советский Союз. Общественное мнение, и прежде всего конгрессмены, постепенно склонялось в сторону оказания помощи Советскому Союзу. Смысл выступлений президента Рузвельта и помощника госсекретаря Уэллса сводился к тому, что отпор гитлеровской агрессии служит средством обуздания агрессии, откуда бы она ни исходила, а потому способствует делу обеспечения безопасности самих американцев (с.48).

Однако конгрессмены-республиканцы продолжали настаивать, что любая материальная или моральная помощь Советскому Союзу "сделает Америку союзником международного коммунизма". Тем не менее сторонники президента в конгрессе указывали на исключительность случая, когда Россия является единственной страной, способной оказать отпор фашистской агрессии. Используя свое влияние на средства информации, они попытались донести свои аргументы до широких слоев американцев.

С другой стороны, события, последовавшие за нападением Германии на СССР, вынудили сторонников невмешательства США в войну признать, что коммунизм и фашизм несовместимы. Вместе с тем, хотя "питаемая годами ненависть к коммунизму" не могла пройти за короткий срок со дня развязывания войны против СССР, изменение позиции политических лидеров США, а также комментарии американских корреспондентов и непосредственных свидетелей событий из Советского Союза, являвшиеся источником объективной информации о борьбе СССР, склонили симпатии американцев на его сторону. Союзнические отношения между СССР и США складывались иначе, чем с Великобританией. Они проистекали главным образом из понимания того, что без советской помощи успешное наступление на Германию с запада невысказано.

Вскоре за переменной в американо-советских отношениях стали раздаваться требования открыть второй фронт на Западе Европы. Они усилились, когда американцы осознали, что война для США неизбежна.

Однако выдвинутое СССР перед Великобританией требование об открытии второго фронта не могло быть удовлетворено, как считает Леверинг, вследствие неподготовленности общественного мнения Великобритании. Происшедшая переоценка отношений между США и СССР также оставалась недостаточной для поддержания этого требования со стороны США.

Кампания за открытие второго фронта прошла в США между маем и ноябрем 1942 г. Однако соглашение об открытии второго фронта в этом году не было достигнуто, хотя уже ни у кого не осталось сомнения, что он необходим в самое ближайшее время. Если армия Гитлера будет действовать так же успешно, резюмирует автор американский взгляд на положение в Европе, и если Красная Армия не перейдет в наступление, союзники упустят их лучший шанс нанести поражение Германии и выиграть вторую мировую войну.

Требования открыть второй фронт поддерживались различными группами населения США, но в течение нескольких недель от конца июля до начала августа 1942 г. они исходили в основном от "левых" элементов - литераторов, профессоров некоторых университетов. Помимо интеллигенции их поддерживал также Конгресс производственных профсоюзов, который включал в себя много коммунистов и не объединился тогда еще с более консервативной Американской федерацией труда.

Консервативная часть американцев - конгрессмены-республиканцы, некоторые конгрессмены-демократы, а также католики не изменили своей позиции и считали, что изоляция России поможет ослабить позиции как СССР, так и Германии в их противоборстве.

В общем по вопросу внешней политики США определились

три позиции: 1) требование левых открыть второй фронт; 2) требование правых направить американские военные силы к берегам Тихого океана против Японии; 3) позиция администрации - оставить решение об открытии второго фронта на усмотрение президента Рузвельта, который может принять единственно правильное решение о времени военной готовности США к вступлению в военные действия в Европе.

Подводя итоги борьбы за второй фронт, автор указывает, что "второй фронт откладывался при конечном рассмотрении не потому, что этого хотел Рузвельт, но главным образом потому, что на этом настаивал Черчилль" (с.95).

Отношения между США и СССР в 1943 г. продолжали развиваться в русле сотрудничества. Тем не менее 8 марта 1943 г. посол США в СССР Стэндли публично обвинил советское руководство в замалчивании перед советским народом истинных целей США в войне (с.107). Никто в политических кругах США не мог предвидеть такого заявления посла. Оно шло вразрез не только с дипломатической этикой, но и с позицией американского правительства.

Демонстрацией доброй воли СССР к сотрудничеству автор считает роспуск Коминтерна, позиции которого "стали препятствием единству союзников" (с.III). С другой стороны, увеличение поставок США по ленд-лизу не оставляло сомнений в дружественном отношении США.

Высшим периодом развития американско-советских отношений в годы второй мировой войны автор считает Московскую конференцию министров иностранных дел, по сравнению с которой Тегеранская конференция не внесла ничего нового. Последнее было замечено многими наблюдателями, которые предположили, что между союзниками наметились серьезные противоречия.

Развитию американско-советских отношений в немалой степени способствовала пропагандистская кампания в кинематографе и деятельность Национального Совета Американской дружбы.

Даже те, кто сомневался в целесообразности помощи России по ленд-лизу, соглашались о добровольной помощи России одеждой, товарами, медикаментами (с.126).

К началу 1944 г. пошла на спад волна фильмов и хроники о войне СССР против гитлеровской Германии, что явилось показателем спада в американско-советских отношениях.

Наряду с вопросом об открытии второго фронта предметом острых дискуссий стал вопрос о послевоенном устройстве мира и роли в нем СССР. Несмотря на то, что Московская и Тегеранская конференции, казалось, рассеяли пессимистические взгляды на послевоенное сотрудничество с СССР, происшедшие почти одновременно другие события свидетельствовали об обратном: во-первых, разрыв Советским Союзом дипломатических отношений с польским правительством в эмиграции; во-вторых, отзыв послов Майского и Литвинова из Лондона и Вашингтона; в-третьих, создание Советским Союзом комитета Свободная Германия, что послужило поводом для предположения, будто СССР ищет сепаратного мира.

"Антиамериканская кампания" началась в "Правде" и "Известиях" зимой 1944 г. о нападках на У.Уилки, который поднял вопрос о небольших государствах по границе СССР - Финляндии, Польше, Прибалтийских и Балканских странах. Официальная позиция СССР, выраженная в советской центральной прессе, сводилась к тому, считает Лаверинг, что взаимоотношения с другими странами являются делом Советского Союза.

Полемика, возникшая по поводу послевоенного устройства Польши, окончательно прояснила для США внешнеполитическую позицию СССР. Американская сторона надеялась на то, что советское руководство и польское правительство в Лондоне придут к соглашению до конца войны; однако после разрыва отношений с Польшей возникла необходимость конкретизации позиции Советского Союза по проблеме Польши. Ответ Сталина американским корреспондентам показал, что он не желает признавать какое-либо антисоветское правительство в Варшаве.

Вопрос о послевоенном устройстве мира и дальнейших советско-американских отношениях безусловно связывался с возможностями их экономического сотрудничества. Хотя американские бизнесмены не принимали "советскую форму социализма", они готовы были после окончания поставок по ленд-лизу расширить масштабы сотрудничества с Советским Союзом и продолжить его после войны. Это было главной причиной их благожелательного отношения к СССР. Если в 1941 г. американские бизнесмены воздерживались от экономического сотрудничества с Советским Союзом, то уже в 1942 г., по заключению Томаса А. Моргана, США имели все условия для укрепления торговых отношений с СССР. В 1943 г., когда мечта о мировом господстве американского капитала была близка к осуществлению, планы американских бизнесменов включали также Советский Союз. Однако экономисты и бизнесмены, которые рассчитывали на высокие прибыли в торговле с СССР, замечает Леверинг, не учли ту возможность, что советское руководство предпочтет медленное, но независимое развитие своей экономики (с.159).

В целом в 1943 г. проблема американо-советских отношений после войны занимала многих. "Ключом к действенному миру, - предсказывали реалисты, - будет уважение каждой из двух появившихся "супердержав" - России и США, коренных национальных интересов другой стороны" (с.164). Леверинг отмечает, что уже тогда реалисты "предсказывали не только возможные предпосылки дружественных отношений между двумя нациями, но также и модель мира, в котором военные союзники могли стать жестокими врагами" (с.164).

Характеризуя внешнеполитическую позицию СССР, Даллин, признанный среди журналистов эксперт по советскому вопросу, писал в своей книге, что Советское правительство видит гарантию безопасности в распространении влияния на территории к западу от своих границ. Он первым, по мнению автора,

выразил предположение о возможности "холодной войны". В то же время Липшман выразил мнение, что война между союзниками станет реальной, если кто-либо из них попытается проникнуть в сферу влияния другого или включить Германию либо Японию в свою стратегическую систему.

Выборы нового президента в 1944 г. могли изменить ход дальнейших американско-советских отношений, если бы Рузвельта на посту в Белом доме сменил другой кандидат. Однако одной из причин переизбрания Рузвельта на новый срок была популярность его внешней политики и в том числе его курс на американско-советское сближение.

Вопрос о послевоенном устройстве мира оставался нерешенным среди военных союзников. Однако в то время как Рузвельт еще не пытался на него ответить, Черчилль и Сталин уже предприняли конкретные шаги. Черчилль послал в Грецию войска на борьбу с левыми элементами, а Сталин признал "прокоммунистическое правительство" в Люблине как законное правительство Польши.

Вопрос о послевоенном устройстве мира был центральным на Крымской конференции. В коммюнике сообщалось, что союзники пришли к единому мнению по вопросам об устройстве Организации Объединенных Наций, будущем Германии, Восточной Европы и Азии. Комментаторы сообщали, что разногласия между союзниками преодолены. Тем не менее, полагает Леверинг, было уже тогда ясно, что различия во мнениях, которые продолжали углубляться в течение последних трех лет, не исчезли, что Великобритания и США делают все возможное, чтобы предопределить дальнейшую судьбу Европы и большей части мира, и что Россия, со своей стороны, также попытается направить развитие Восточной Европы по благоприятному для нее пути.

В американской прессе стали появляться скептические высказывания по поводу совместных действий союзников. Так,

сенатор Б.К.Уиллер выразил мнение, что между Россией и Великобританией уже ведется борьба за европейские страны, по отношению к которой США не могут оставаться нейтральными.

Однако президент Рузвельт продолжал настаивать, что изменений в советско-американских отношениях не произошло. В конце февраля 1945 г. только очень немногие наблюдатели предсказывали разрыв между военными союзниками. В начале апреля к такому выводу пришло большинство. Что случилось за эти несколько недель, ставит вопрос Леверинг, которые привели к кардинальной перемене взглядов?

Центральным вопросом в разногласиях союзников оставался польский вопрос. Его решение зашло в тупик, как отмечает автор, вследствие бескомпромиссной позиции Советского Союза. Последовавшие события также предопределили поворот во мнениях американской стороны: изменение ситуации в Румынии после падения правительства Радеску 28 февраля; критика секретной статьи ялтинского соглашения о системе голосования для Советского Союза и Генеральной Ассамблеи; наметившаяся тенденция рассматривать конференцию в Сан-Франциско как борьбу за власть между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР – с другой.

"Принимая во внимание незаконченность и двусмысленность ялтинского соглашения по Польше, позицию Красной Армии в Польше и тот факт, что соглашение, конечно, не означало, что реальная власть люблинской группы должна быть передана "демократическим лидерам", едва ли можно было критиковать Сталина за несогласие с буквой заявления по Польше" (с.198).

Анализируя причины обострения американско-советских отношений, автор указывает, что американцы были не подготовлены к реальной ситуации, сложившейся после окончания войны в Европе, и потому рассматривали позицию СССР как нарушение ялтинского соглашения.

"Нет сомнений, – пишет Леверинг, – что Рузвельт сделал много в течение своего пребывания в Белом доме, чтобы улуч-

нить отношения между СССР и США. Он признал Советский Союз вскоре после избрания его президентом и защищал свои решения так умело, как это действительно никогда не случалось в вопросах политики в США" (с.206). Он способствовал развитию торговых и иных связей между США и СССР, "помогал поддерживать эффективное партнерство с Россией в течение войны, несмотря на сохранение в значительной степени антикоммунизма в Америке и несмотря на большую обиду России вследствие откладывания открытия второго фронта и помощи по ленд-лизу. В этом отношении, как и во многих других, трудно винить дипломатию президента" (с.206).

Американский народ и его правительство весной 1945 г. имели перед собой два пути. "Они могли признать преобладание России на территориях между Россией и Германией и большую вероятность урегулирования между великими державами, или они могли оспаривать фактически каждый шаг России за пределы ее границ и оказаться в состоянии "холодной войны" (с.209). Если бы новый президент, пришедший на смену Рузвельту, и большинство американцев, заключает Леверинг, были лучше информированы о реальности международной политики и пределах американских возможностей, США, возможно, избежали бы конфронтации.

М. А. Михайлов

СТОЛЕР М.А.

ПОЛИТИКА ВТОРОГО ФРОНТА: АМЕРИКАНСКОЕ ВОЕННОЕ
ПЛАНИРОВАНИЕ И ДИПЛОМАТИЯ В ВОЕННОЙ КОАЛИЦИИ,
1941-1943 ГГ.

STOLER M.A.

The politics of the second front: American military
planning and diplomacy in coalition warfare, 1941-1943. -
Westport (Conn.); London: Greenwood press, 1977. -
XIII, 245 p. - (Contributions in military history;
N 12). - Bibliogr.: p.213-229.

Реферируемая книга американского историка, сотрудника Вермонтского университета Марка Столера, посвящена одной из проблем второго фронта — американскому военному планированию и дипломатии 1941-1943 гг. Монография, написанная на основе архивных и опубликованных источников, состоит из введения и одиннадцати глав, снабжена научно-справочным аппаратом — библиографией, предметно-именным указателем.

Во введении автор пишет о распространенном на Западе мнении, согласно которому американское военное командование не имело политических целей в войне. Сторонники этого мнения утверждают, что высадка войск союзников в Нормандии в

1944 г. была сделана по настоянию американского командования и "гарантировала решающую победу над Германией" (с. XI), но политической ценой такого курса было "опасное распространение советской мощи" — американцы выиграли войну, но проиграли мир. Столер в связи с этим отмечает, что, хотя такое объяснение событий, на первый взгляд, кажется правильным, оно фактически больше вызывает вопросы, чем отвечает на них (с. XII). С самого начала вопрос о втором фронте был политическим, пишет автор, и это было признано руководством в Вашингтоне. Соединенные Штаты развили и обосновали это понятие как средство выиграть войну как можно быстрее и решительнее, учитывая прежде всего свои интересы. Поэтому американское военное командование не действовало в политическом вакууме. Оно обращалось в учреждения, занимающиеся вопросами политики, и получало от них советы, работало во все более тесном контакте с президентом и в течение войны политизировалось в беспрецедентной степени (с. XII).

В первой главе "Прелюдия к спорам (январь 1941 — январь 1942)" рассказывается о прелюдии открытия второго фронта. Автор пишет о различном подходе США и Великобритании к вопросу о стратегии борьбы с гитлеровской Германией. Существо полемики между ними состояло в том, что если Британия выдвигала аргументы в пользу "окружения" Германии, ведения "периферийной" войны, то США настаивали на "прямом" сокрушении ее путем высадки десанта на Северо-Западе Франции. Оба подхода не были чисто военной стратегией. Они отражали различные интересы двух стран. Рассказывая о "русском союзнике", автор отмечает, что для американцев и англичан был неожиданностью отпор, полученный гитлеровской Германией на Востоке. В июне 1941 г. после нападения Германии на СССР военные круги в США и Великобритании были уверены, что немецкая армия пройдет через советские вооруженные силы "как горячий нож сквозь масло" (с. 13). Но уже в

августе 1941 г. способность СССР противостоять агрессии привела к пересмотру этой оценки и к пониманию, что Восточный фронт благодаря отвлечению на себя и уничтожению там больших контингентов гитлеровских войск может стать кузницей победы над Германией. Кроме того, эти круги констатировали, что поражение России одело бы Германию практически неуязвимой даже для жесткой морской блокады. В это время среди американских военных раздавались голоса о недостаточности только материальной помощи России, чтобы удержать ее в войне, голоса о необходимости открыть фронт в Европе, чтобы облегчить положение Красной Армии. Пока эти мнения изучались в США и Великобритании, СССР настаивал на немедленном открытии союзниками таких боевых действий.

Автор показывает взаимоотношения между СССР и Великобританией в первые месяцы войны, отмечает, что нападение гитлеровской Германии на Советский Союз оказало большое влияние на Британию и дало ей в лице России союзника, в котором она так нуждалась в 1941 г. Поэтому Черчилль на время затаил свою постоянную и глубокую враждебность к коммунизму. Он приветствовал Сталина как союзника и предложил ему свою помощь. К 12 июля 1941 г. оба государства пришли к соглашению о взаимной помощи и незаключении сепаратного мира с Германией. Однако, считает автор, это соглашение можно назвать "клочком бумаги" (с.14). Вынужденные вступить в союз вследствие войны Великобритания и Россия испытывали враждебность и недоверие друг к другу, которые прежде определяли их взаимоотношения. Даже серьезная обстановка летом 1941 г. не способствовала преодолению этих застарелых чувств. Русские, рассматривая нападение Германии на свою страну как возможный результат секретного англо-германского соглашения, достигнутого в результате полета Рудольфа Гесса в Англию, опасались, что Лондон может использовать ситуацию, поддерживая обе страны, чтобы довести их до краха. Лондон же опасался, что СССР может быстро заключить сепаратный мир, как было в 1918 и в

1939 г., что позволило бы Германии бросить все ее силы против Великобритании. Черчилль надеялся, что его обещание экономической помощи рассеет подозрения русских. Советский Союз, вероятно, понимая это предложение не более чем попытку продлить взаимное кровопролитие в интересах Лондона, потребовал от Англии еще двух шагов: признания советских действий в Восточной Европе и новых границ Советского Союза, возникших в Европе в 1939–1940 гг., а также немедленного открытия второго фронта. Признание этих границ уничтожило бы главную причину споров между двумя державами. Это уменьшило бы возможность заключения сепаратного мира или распада союза после войны. Второй же фронт в Западной Европе сразу бы облегчил тяжелое положение русских армий.

В течение первой недели июля 1941 г. советские послы в Лондоне и Вашингтоне выдвинули требования о том, чтобы были признаны восточноевропейские границы СССР. Бывший нарком иностранных дел М. Литвинов, назначенный послом в США, выступал за беспромедлительное открытие второго фронта.

Коммунистические партии в Великобритании и в США проводили ту же линию. 18 июля Сталин ответил на два послания Черчилля, требуя открыть второй фронт против гитлеровской Германии в Северной Франции и в Арктике. Оба советских требования вызвали в Англии сильное противодействие, причем второе даже больше, чем первое. Признание западных границ Советского Союза задевало важное направление английской внешней политики. Форин-оффис до 22 июня 1941 г. рассчитывал вывести Москву из ее нейтралитета по отношению к Германии. Что касается немедленного открытия второго фронта, то это требование нарушало британскую стратегическую доктрину и представляло для Лондона риск в условиях, когда он еще не верил в то, что Восточный фронт продержится еще хотя бы месяц. "С таким же успехом Сталин может потребовать и луну" (с.15), — считали в Лондоне. Черчилль писал Сталину о невозможности открыть второй фронт, но обещал больше послать са-

молетов. В то же время А.Иден оставил открытым вопрос о будущем признании советских границ на Западе по состоянию их на 22 июня 1941 г. Он информировал палату общин, что одобрение им недавно подписанного договора между Москвой и польским эмиграционным правительством не означает гарантии европейских границ СССР правительством Англии. Позиция Вашингтона на советские требования была еще более жесткой. Частично из-за изменений западных границ СССР в 1939-1940 гг. официальная политика по отношению к России была холодной или даже враждебной. В 1940-1941 гг. администрация постоянно отказывалась считать признание этих границ средством улучшения отношений и предостерегала Лондон о своей оппозиции любому шагу Великобритании в этом направлении. За день до гитлеровского нападения на СССР госдепартамент заявлял о том, что война СССР против Германии не будет означать, что Советский Союз будет привержен "принципам международных отношений, которые защищаем мы" (с.15), и поэтому Соединенным Штатам не следует обещать помощь Москве и даже в будущем делать заявления о признании Советского правительства, если оно окажется в эмиграции. Гитлеровское нападение на СССР, пишет автор, "мало изменило эти взгляды" (с.16). Эксперты по России настаивали, что за ней, "хотя он сейчас союзник, необходимо тщательно следить потому, что ее конечные цели расходятся с конечными целями Соединенных Штатов" (с.16). Сходными с этими взглядами были взгляды американских кругов, которые считали, что основная цель внешней политики Москвы - распространить коммунизм. Автор приводит высказывания некоторых высших американских чинов США, в том числе и генерала А.К.Вейдемейера, близкого к Маршаллу, о том, что коммунизм большая угроза, чем фашизм (с.16). Помощник госсекретаря А.Берли рассматривал улучшение отношений с СССР как временное явление и предостерегал Гопкинса и других официальных лиц от передачи русским военных секретов США. В равной степени важной для госдепарта-

мента была необходимость блокировать британское признание западных границ СССР, пишет автор. Уэллес ясно показал Лондону, что американское одобрение американцами англо-советского договора от 12 июля основывается на мотивах, ничего общего не имеющих с вопросом о границах. 1 августа группа высокопоставленных чиновников госдепартамента пришла к выводу о том, что Соединенным Штатам следует решительно принять участие в восстановлении Европы в конце войны. Автор останавливается на позиции Рузвельта в этом вопросе. Несмотря на его обещание оказать помощь СССР, президент разделял многие страхи его советников, особенно в отношении договоров о границах. Но к августу из-за тяжелого положения России Сталин временно снял вопрос о границах и настаивал на расширении военной помощи со стороны союзников СССР. Когда Гопкинс посетил в конце июля Москву, советский руководитель не упоминал о Восточной Европе, а поднял вопрос об оказании долговременной помощи и вел разговор о направлении на Восточный фронт американских войск. Автор утверждает, что Майский, посол СССР в Лондоне, спустя несколько дней после этого заявил: пока Соединенные Штаты не вступят в войну и не создадут второй фронт, русские не смогут и не будут продолжать войну. Рузвельт проигнорировал просьбу Сталина о направлении американских войск на Восточный фронт, но обещал ускорить материальную помощь России. Автор утверждает, что поскольку Запад отвергал и второй фронт, и договор о признании восточных границ СССР, то "такая помощь была единственным эффективным путем удержать Россию в войне" (с.17). Сталин особенно настаивал на немедленной помощи в сентябре в связи с развитием немецкого наступления на Восточном фронте. Черчилль отвечал, что начинать операции на Западе или на Балканах - невозможно. В ответ на просьбу Сталина прислать 25 или 30 дивизий, например, на Север, в район Архангельска, Черчилль заявил о невозможности выполнить и эту просьбу. Он считал, что такие идеи Сталина о по-

мощи нереальны. Сталин интерпретировал это как отказ в помощи сражающемуся союзнику. Касаясь вопроса о возможности операций английских войск на Севере, Сталин с иронией заметил, что этот театр военных действий "по крайней мере, имеет то преимущество, что Черчилль знает дорогу туда и обратно" — напоминание об участии Черчилля в интервенции (1918). Недовольство Сталина возросло, когда Черчилль 12 октября предложил заменить британскими войсками русские в Северо-Западном Иране, чтобы 5 или 6 советских дивизий можно было послать на Восточный фронт. Британский посол в Москве предупреждал о росте недовольства и подозрительности русских в отношении Англии. Они были за сотрудничество, но при условии, что союзники внесут реальный вклад для того, чтобы ослабить гитлеровцев. К сентябрю 1941 г. 17% англичан высказались как за самую важную проблему для правительства — операции в Европе. Спустя месяц 49% англичан считали, что Черчилль не использует всех возможностей, сложившихся в результате вступления в войну России. Сталин писал Черчиллю, что военное снаряжение не решает вопроса об отношениях двух государств. Отсутствие ясности и взаимного доверия, считал он, — это результат отсутствия соглашения о военной помощи, а также о целях войны и планах послевоенного устройства. После колебаний Черчилль решился на визит А.Идена в Москву для обсуждения вопросов, поднятых Сталиным. Остается неясным, пишет автор, что точно следовало делать в Москве британскому министру иностранных дел, так как соглашение о послевоенных отношениях вызвало бы бурный протест в Вашингтоне. Кроме того, у Идена не было никаких полномочий на подписание какого-либо договора без предварительного одобрения Вашингтона и Лондона. Черчилль, признавая, что главным фактом войны являются поражения и потери гитлеровской Германии на Восточном фронте, тем не менее отказывался идти на какую-либо другую помощь России, кроме как военным снаряжением. Таким путем он стремился и удержать влияние на Сталина, и

быть в состоянии перенести основную тяжесть войны на Россию (с.22).

Во второй главе "Американская инициатива (январь 1941-апрель 1942 гг.)" автор, анализируя причины, побудившие американское командование к открытию второго фронта, пишет, что советская пропаганда за второй фронт на Западе оказалась очень эффективной. В конце марта Объединенный комитет по психологической войне предупреждал, что если не удовлетворить требования общественности провести операцию по форсированию Ла-Манша, то это "может отрицательно повлиять на общественное мнение" (с.31). Требования русских открыть второй фронт усложнялись усилиями военного командования на этом направлении, которое считало, что в противном случае Россия может заключить сепаратный мир с Германией. В Вашингтоне учитывали недовольство в СССР союзниками и той незначительной помощью по ленд-лизу, которую они оказывали Советскому Союзу. Американцы и англичане учитывали и другой фактор. К февралю, например, Форин-оффис информировал Вашингтон, что русские могут нанести поражение гитлеровской Германии, прежде чем США и Великобритания полностью используют свой военный потенциал. В этой ситуации "Москва могла установить коммунистические правительства в Европе", восстановить свою экономику и стать независимой от "западной помощи и влияния" (с.37). Эта возможность была сама по себе важной причиной для установления тесных отношений с Россией для того, чтобы оказать насколько возможно сильное влияние на ее будущую политику. Военное командование и Рузвельт обсуждали планы форсирования Ла-Манша уже в 1942 г., а затем и в 1943 г. По мнению автора, высадка десанта в 1942 г. была весьма проблематична в силу внутривосточных и внешнеполитических причин, и одна из важнейших - позиция англичан, опасавшихся нового Дюнкерка.

В третьей главе "Второй фронт. Дипломатия. Апрель-июнь 1942 г." автор пишет, что требования России открыть второй

фронт были тем настоятельнее, чем сложнее складывалось ее положение на фронтах. Автор описывает переговоры В.М.Молотова с Черчиллем и затем с послом США в Лондоне о возможностях открытия второго фронта в 1942 г. и о переговорах Молотова с Рузвельтом, в ходе которых США обещали открыть второй фронт в 1942 г., что было записано в коммюнике от 11 июня. В ретроспективе ясно, что коммюнике не было плодом взаимного непонимания союзников. На деле каждый из них соглашался на это коммюнике, чтобы достичь именно своих ближайших целей (с.51). Опасаясь общественного мнения и направления стратегии американцев в район Тихого океана, британские лидеры соглашались на открытие фронта, чего в действительности они делать и не собирались. Сознывая нежелание Лондона открыть фронт в 1942 г. и невозможность осуществить это без поддержки Великобритании, русские все же склоняли Рузвельта к обещанию, которое, как они знали, президент не мог сдержать. Но они пошли на такую меру, чтобы хоть что-то предложить своему сражающемуся народу. Рузвельт обещал СССР открыть второй фронт, чтобы успокоить общественное мнение, заблокировать договор о границах и получить инициативу в отношениях с союзниками. Кроме того, обещание дало ему возможность сократить помощь Советскому Союзу по ленд-лизу. Союзники казались удовлетворенными результатами этой серии хитростей. Однако долговременные результаты этого периода "дипломатии второго фронта" оказались губительными для единства союзников (с.51).

В четвертой главе "Политика в операции "Горч". Июль-сентябрь 1942 г." рассказывается о замене Западом второго фронта операциями в Африке и других регионах, о негативной реакции Сталина в переговорах с Черчиллем на эти изменения. По мнению автора, победа Черчилля была полная. Менее чем за три месяца он успешно изменил стратегию союзников и убедил русских согласиться на эти изменения. Однако успех Черчилля оставил много неразрешенных противоречий. Вызванные в боль-

шой степени политическими факторами, эти противоречия проявились уже через несколько месяцев (с.63).

Глава пятая - "Последствия операции "Торч." Сентябрь 1942 - январь 1943 г." Автор рассказывает о "дилемме победы" - об обсуждении в руководящих кругах Англии и США результатов будущей победы над Германией. В книге отмечается страх многих представителей этих кругов перед усилением влияния СССР в Европе в результате поражения Германии. Освещая вопрос о конференции в Касабланке, М.Столер показывает, что в решениях ее отразились попытки Рузвельта и Черчилля расположить к себе Сталина, не давая ему твердого обязательства открыть второй фронт в 1943 г. Решения конференции по вопросам войны были насквозь политическими и отражали попытки ее участников удовлетворить всех союзников. Однако решения, записанные на бумаге, имели мало общего с реальностью, так как конференция планировала много операций, имея для этого слишком мало ресурсов.

В главе шестой "Слияние старых и новых разногласий. Декабрь-май 1943 г." автор подчеркивает, что, как и в 1942 г., позиция Рузвельта и его военных советников может полностью объяснена лишь при рассмотрении дипломатических отношений США с Россией. Позиция Сталина оказывала огромное влияние на стратегическое планирование США, хотя и в очень отличающейся от 1942 г. форме (с.85). Сталин писал союзникам, что отсутствие второго фронта означает, что Красная Армия фактически одна сражается с противником. На решение Рузвельта открыть второй фронт в 1943 г. воздействовал ход борьбы на советско-германском фронте. Различие между решениями Рузвельта о втором фронте в 1942-1943 гг. заключалось в том, что в 1943 г. "страх перед русскими успехами был столь же сильным мотивом, как и страх поражения или сепаратного мира" в 1942 г. (с.91).

В главе седьмой "Летний кризис. Май-август 1943 г." автор пишет о "дипломатии кризиса". В то время, когда гит-

леровцы готовили наступление под Курском, Маршалл и Черчилль готовились известить Москву о том, что и в 1943 г. второго фронта не будет. Сталин отвечал, что это находится в противоречии с решениями, принятыми в Касабланке, создает чрезвычайные трудности для СССР и серьезно повлияет на последующий ход войны. Он перечислял оттяжки союзников с открытием второго фронта.

Между тем успехи Красной Армии были очевидны, а это означало, что в послевоенной Европе сможет доминировать победившая Россия. Это побуждало руководителей США и Великобритании серьезнее относиться к вопросу об открытии второго фронта, к операции "Оверлорд" – высадке войск союзников на побережье Франции.

В главе восьмой "Тень над Квебеком. Август 1943 г." автор подчеркивает, что вопрос о России и ее действиях в ходе войны и после нее "определял все мысли союзников" (с.116). Фактически будущее военное и политическое сотрудничество со стороны СССР зависело от открытия второго фронта – факт, который хорошо осознавали собравшиеся на конференцию в Квебеке западные союзники. Американские военные считали, что единственное место, где можно было бы десантировать достаточно войск, чтобы разгромить Германию и помешать русскому господству в Европе, было форсирование Ла-Манша (с.120).

Соединенные Штаты не могли себе позволить поддерживать Лондон, стремившийся оттянуть открытие второго фронта ценой враждебности к себе со стороны СССР. В дополнении к войне в Европе, Вашингтону приходилось учитывать и войну на Тихом океане, которая была "самым важным фактором" в его отношениях с Россией. Так как Россия была решающим фактором в обеих войнах и доминировала бы в конце военных действий в Европе, для Вашингтона было необходимо развивать и сохранять самые дружеские с ней отношения. Очевидно, что такие отношения предполагали создание постоянно требуемого СССР вто-

рого фронта. Но и при наличии его это не вело бы к гармонии интересов двух стран, если бы Москва решила проводить одностороннюю военную политику. Операция по форсированию Ла-Манша рассматривалась военными как средство, чтобы предотвратить советское господство на континенте (с.121). Военная стратегия была неразрывно связана с политикой. Но стремясь предотвратить распространение влияния России в Европе, подчеркивает автор, "Соединенные Штаты, к сожалению, просто не имели сил, чтобы предотвратить такое господство" (с.121). Для Соединенных Штатов были открыты только два пути: или компромисс с Россией, построенный на общих с ней интересах, или независимая стратегия, рассчитанная на быструю победу и достижение хороших позиций после войны (с.121). Лидеры США склонялись к тому, чтобы открыть второй фронт.

В девятой главе рассматриваются события сентября-ноября 1943 г. и прежде всего вопрос об операции "Оверлорд". В сентябре, несмотря на улучшение отношений между союзниками, многие вопросы еще разделяли их. Встреча министров иностранных дел казалась необходимой. США и Великобритания стремились определить, насколько русские действительно хотят послевоенного сотрудничества. Советские руководители указывали, что второй фронт — это предпосылка для будущего сотрудничества, и настаивали, чтобы первым вопросом в повестке дня Московской конференции был вопрос о мерах, которые бы приблизили крах Германии. Конференция открылась под председательством В.М.Молотова. На Московской встрече Советский Союз высказался за операцию "Оверлорд". Он потребовал также вступления в войну Турции, немедленных мер союзников, чтобы облегчить положение на Восточном фронте. Автор считает, что окончательное решение об этой операции зависело теперь от СССР (с.134).

В десятой главе "Последние аргументы и решения. Ноябрь-декабрь 1943 г.", рассматривая ход Тегеранской конфе-

ренции, автор пишет, что заявление Сталина о вступлении России в войну против Японии, как только будет повержена Германия, потрясло участников конференции. Американцы сразу достигли одну из своих главных целей. Сталин же дальше говорил, что военные действия в Средиземноморье, в Италии, бомбардировки Германии и вступление Турции в войну не приводят к краху Германии. Наиболее действенным вкладом союзников было бы форсирование Ла-Манша. Фактически, на конференции решался вопрос о будущей стратегии союзников в Европе. В ходе нее Рузвельт поддерживал Сталина, который порицал Черчилля за мягкость по отношению к немцам. Соглашения, принятые в Тегеране, полагал автор, реально касались только военной области (с.154).

Одиннадцатая глава представляет, по сути, пространное заключение. Автор считает, что вопрос о втором фронте был решен не высадкой союзнических войск в Нормандии в июне 1944 г., а тегеранскими соглашениями.

Необходимость помочь России открыть второй фронт основывалась не только на военной ситуации, но также на факте, что Москва сделала его политическим условием своего участия в войне. Это участие было для союзников очень важным фактором. Соединенным Штатам русская помощь была необходима прежде всего на Тихом океане, и Сталин оказал бы такую помощь, если бы ему была оказана равная помощь в борьбе против Германии. Рузвельт выступил за второй фронт потому, что хотел успокоить общественное мнение в США и проводить свою политическую линию. Это также позволило ему захватить лидерство в союзнической дипломатии и определять союз исходя из интересов Америки, предложив Сталину второй фронт в обмен на прекращение требований СССР о признании его границ в Европе. Такой подход к внутривнутриполитическим и внешнеполитическим проблемам, считает автор, страдал многочисленными недостатками. Военная мощь США в 1942 г. была еще недостаточна и открытие второго фронта было бы слишком рискованным,

чтобы гарантировать победу, необходимую Рузвельту для внутривнутриполитических целей. Более того, создание второго фронта зависело от Лондона, который, опасаясь нового Дюнкерка, тоже не шел на риск. Большинство этих фактов было известно всем трем участникам союза. Однако каждый из них игнорировал эти факты, надеясь достичь своих целей. Лондон согласился на открытие второго фронта в 1942 г. для того, чтобы предотвратить полный поворот США к военным действиям на Тихом океане. В действительности Лондон отнюдь не имел намерений начинать операцию. Несмотря на позицию Англии, Рузвельт обещал открыть второй фронт в 1942 г. и вести там военные действия, масштабы которых были, считает автор, просто невозможны. В обмен Рузвельт получил договор с СССР о границах. Советский Союз добивался обещания открыть второй фронт, хотя знал, что Англия не пойдет на это. Западные союзники и прежде всего Черчилль заменили высадку войск во Франции действиями войск в Северной Африке. Этот поворот фактически устранил возможность открытия второго фронта до 1944 г. Политическая необходимость открытия второго фронта наряду с отказом Англии сделать это привели к двухлетней задержке с открытием фронта и уменьшению помощи Советскому Союзу. Вместе с договором о границах СССР это означало, что Сталину отказали во всем, что он требовал от союзников в самый критический период войны. Его подозрения в отношении Запада "дипломатия второго фронта" скорее увеличила, чем уменьшила, что повлияло и на дипломатический кризис внутри союзников. Раны, нанесенные этим конфликтом, полностью так и не зарубцевались (с.163). Вместе с тем план "Оверлорд" привел к улучшению отношений между СССР и его союзниками, что отразилось на Московской встрече министров иностранных дел и на договоренности о встрече большой тройки. Она состоялась в Тегеране. Советский Союз считал, что будущее сотрудничество союзников зависит от успеха "Оверлорда". Лондон попытался отложить форсирование Ла-Манша

еще раз, мотивируя необходимостью проведения дальнейших операций в Средиземноморье.

В Тегеране было принято окончательное решение об открытии второго фронта. Рузвельт в своем отношении ко второму фронту рассматривал соглашение как основу для будущего сотрудничества. Он не понял ни изменений ситуации за два года задержки с открытием второго фронта, ни того, что этот фронт в 1944 г. не мог быть тем всеохватывающим фактором политического воздействия, на которое и в 1942 и в 1944 гг. надеялся Рузвельт.

В.Н.Поляков

КЕРР У.
СЕКРЕТ СТАЛИНГРАДА

KERR W.

The secret of Stalingrad. - Garden City
(N.Y.): Doubleday, 1978. - X, 274 p.
with map., 4 l.ill. - Bibliogr.: P.249-254.
Ind.: p.263-274.

Уолтер Керр, автор книги "Русская армия в сражениях: личный состав, командование"¹⁾, находился в Москве в качестве корреспондента американской газеты "Нью-Йорк геральд трибюн". В своей новой книге он пытается рассмотреть Сталинградскую битву в общем контексте второй мировой войны и определить ее роль в дальнейшем развитии взаимоотношений между союзниками по антигитлеровской коалиции.

В предисловии автор называет свое исследование "рассказом о неизвестной главе в истории войны в Европе" (с.IX). Автора, по его собственному признанию, интересуют не только оборона Сталинграда, но и такие вопросы, как внешнеполити-

¹⁾ Kerr W. The Russian army, its men, its leaders and its battles. - L., 1944.

ческий курс США и Англии, которые в этот поворотный момент в войне на Восточном фронте осуществили высадку своих войск в Северной Африке вместо предполагаемого вторжения на западное побережье Франции.

Одна из причин, побудивших германское командование начать решительное наступление на Кавказ и в направлении Сталинграда, заключалась, по мнению У.Керра, в недооценке стратегических резервов Красной Армии. Сталинград возник в планах германского генерального штаба только в связи с тем, что предполагаемое наступление на Северный Кавказ могло сделать левый фланг немецких армий слишком уязвимым для контрудара Красной Армии.

Касаясь коммунике, которое явилось результатом визита Молотова в западные столицы, автор подчеркивает "хитрость" Сталина, решившего обыграть чисто "моральное" обещание союзников открыть второй фронт в своих интересах. В это время он прекрасно знал, что ставка должна была быть сделана на внезапное использование солидного стратегического резерва, состоящего из десяти полевых и двух танковых армий (с.27).

Советское руководство, утаивая информацию о наличии значительных стратегических резервов от своих союзников, рассчитывало на то, что признаки явной слабости СССР смогут побудить США и Англию пойти на скорейшее открытие второго фронта. Но, как полагает автор, такой курс возымел обратное действие, поскольку Черчилль выступал за нанесение удара на Западе в тот самый момент, когда немцы станут испытывать затруднение на Восточном фронте (с.29-30). Рузвельт, находясь под впечатлением майского визита советского министра иностранных дел Молотова, в этот период был готов выступить в пользу открытия второго фронта. Чтобы заставить американского президента изменить свое мнение, Черчиллю пришлось также совершить поездку в Вашингтон.

Какая же обстановка в это время складывалась на совет-

ско-германском фронте? К июлю 1942 г. давление со стороны германских армий достигло такой силы, что Сталин начал испытывать страх за исход кампании. В это же время им было получено послание от Черчилля, в котором меж строк ясно прочитывалось его основное содержание: открытие второго фронта в Европе в 1942 г. не состоится. Автор приводит ряд телефонных разговоров Сталина с генералами, руководившими обороной Сталинграда. Смысл его указаний сводился к тому, что Сталинград не должен быть сдан врагу ни при каких условиях. В этот момент, подчеркивает Керр, главной стратегической задачей Сталина стало определение момента своевременного ввода свежих сил резерва.

Однако, когда Черчилль в августе прибыл в Москву, Сталин вновь попытался продолжить свою дипломатическую игру, стремясь убедить английского премьер-министра в необходимости открытия второго фронта. Как отмечает автор, "два дня переговоров на высшем уровне не смогли ни рассеять подозрений русских о намерениях Англии, ни устранить английского недоверия к русским" (с.107). При этом Сталин, как и прежде, преуменьшал военную мощь страны, а его английские собеседники, напротив, воспринимали эти заниженные оценки как преувеличения.

Большое место отведено в книге описаниям тяжелых сражений, проходивших в районе Сталинграда. Автор подчеркивает, что даже ход боя местного значения непосредственно контролировался Ставкой советского верховного главнокомандования.

В союзных же столицах сведения о ходе Сталинградской битвы получали с большим опозданием, а в некоторых случаях от английской и американской разведок вообще не поступало никакой информации. Так, например, решительное наступление немецких войск, начавшееся в середине сентября, оставалось для лидеров союзников неизвестным фактом. Рузвельт в это время готовился к участию в предвыборной кампании. В Лондоне же все еще полагали, что СССР ждет разгром или его могут

принудить к сепаратному миру, а Черчилль продолжал агитировать за посылку авиационных подразделений союзников на Кавказ. 30 августа он направил Рузвельту предложение осуществить операцию подобного рода, которая потребовала бы 20 эскадрилий, 12 тыс. человек летного и технического персонала и 4 тыс. тонн различных боеприпасов и аммуниции. Скорого ответа из Белого дома не последовало. Тогда Черчилль 6 сентября телеграфирует Сталину о том, что он "жадет" послать в Москву своих штабных офицеров для обсуждения этого вопроса.

Советское руководство, как отмечает Керр, продолжало вести "психологическую войну против Соединенных Штатов и Великобритании" (с.193). 3 октября Сталин телеграфирует Черчиллю о том, что положение Красной Армии под Сталинградом с начала сентября ухудшилось. Аналогичное сообщение было направлено и американскому президенту. При этом подчеркивалась острая нехватка вооружения, в первую очередь самолетов и боеприпасов. На этот раз и Рузвельт поддерживал вынашиваемую Черчиллем идею об отправке союзных авиационных подразделений на Кавказ. Но из Кремля вновь не последовало ответа. Сталин, отказавшись обсуждать этот неприятный для него вопрос, продолжал хранить молчание в течение всего того времени, пока проводилась подготовка к ноябрьскому контрнаступлению. Автор подчеркивает, что верховный главнокомандующий вникал во все вопросы подготовки, находясь в курсе как оперативных, так и тактических новостей. Контрнаступление советских войск вызвало у Сталина и политические опасения. Как его союзники отреагируют на столь неожиданную для них демонстрацию советской мощи? Не будут ли они считать, что их просто обманули? В Москве опасались, пишет Керр, что рассерженные союзники отложат еще на более длительное время открытие второго фронта. Как подчеркивает автор, у Сталина были реальные основания для подобного беспокойства. Основываясь на анализе опубликованной переписки Черчилля и

Рузвельта, он приходит к выводу, что "еще до того, как они осознали, что происходит в России, они уже вырабатывали новую стратегию, фундаментом для которой должны были бы служить действия их войск в Средиземноморье. Вторжение во Францию до 1944 г., по их мнению, могло иметь место только в случае разгрома Германии" (с.226-227).

Как полагает автор, именно события этого периода послужили предлогом к долговременному ухудшению взаимоотношений между СССР и его западными союзниками в послевоенные годы.

По мнению Керра, в правительственных кругах США и Англии своевременно не могли осознать полного значения Сталинградской битвы, ставшей поворотным моментом в войне на Восточном фронте. Так, в это время в американской правительственной администрации высказывалось предположение, что следующими этапами стратегического наступления держав "оси" будут: оккупация Испании, захват Кавказа и попытка вторжения в Англию. Рузвельт склонялся к идее проведения с союзниками военной конференции по стратегическим вопросам. Черчилль со своей стороны выдвинул другой план: провести встречу в верхах со Сталиным. Рузвельт с энтузиазмом воспринял это предложение и направил в Москву соответствующее приглашение. Дата встречи была назначена на 15 января. Но Сталин, еще не завершив операцию по разгрому немецких войск под Сталинградом, не собирался вступать в какие-либо переговоры, на которых союзники могли лишь выторговать себе отсрочку открытия второго фронта в Европе. В своем ответе, отказываясь от встречи из-за перегруженности делами, он вновь напомнил об обещании союзников открыть второй фронт в 1943 г.

В заключение автор снова останавливается на вопросе, как отразилась Сталинградская битва на взаимоотношениях СССР с союзниками. Как он считает, "после Сталинграда трудные взаимоотношения между Востоком и Западом резко ухудшились и в последующем не вернулись к прежнему уровню" (с.245).

Союзники продолжали настаивать на осуществлении своей средиземноморской стратегии, что дало возможность СССР обвинять их в нарушении союзнических обязательств об открытии второго фронта. Взаимное недоверие между обеими сторонами продолжало расти. И начало этому, считает автор, было положено нежеланием советского правительства раскрыть все свои карты в период Сталинградской битвы (с.246). Одно из возможных объяснений такой позиции Сталина состоит в том, что он, возможно, боялся того, что в задачу союзников входит стремление "обескровить" и Германию, и СССР. Керр высказывает предположение, что западные союзники боялись, что Советский Союз оставит их сражаться один на один с Германией в случае их вторжения во Францию в 1943 г., остановив свои войска на своей государственной границе.

Но исчерпывающие ответы на эти вопросы, считает автор, содержатся в тех архивах, которые пока недоступны исследователю.

Одним из уроков Сталинградской битвы, говорится далее в книге, стала наглядная демонстрация неэффективности военной разведки, что, несомненно, сказалось отрицательным образом на принятии внешнеполитических решений. Керр в этой связи приводит и примеры, относящиеся к началу войны на Восточном фронте. В Лондоне были уверены, что немецкие войска через шесть недель дойдут до Москвы. Вашингтон же считал, что это произойдет за два месяца.

В заключение автор призывает в рамках проведения Международного года историков осуществить совместными силами историков США, Англии и СССР исследование тех спорных и неясных проблем взаимоотношения союзников по антигитлеровской коалиции в годы войны, которые до сих пор мешают росту международного взаимопонимания.

Н.А.Листикова

СССР И СРАЖАЮЩАЯСЯ ФРАНЦИЯ В АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ
КОАЛИЦИИ
(научно-аналитический обзор)

Исторически сложилось так, что союз между Россией и Францией возник в связи с появлением в Центральной Европе сильного германского государства во главе с юнкерской Пруссией. Именно он способствовал тому, что Франция, побежденная Пруссией в 1871 г., принудила в 1918 г. кайзеровскую Германию к капитуляции. О необходимости и важности этого союза писал еще К.Маркс (I, с.278).

Победа в России социалистической революции и провозглашение миролюбивой внешней политики открыли новые перспективы в развитии межгосударственных отношений на Европейском континенте. Указывая на возможность мирного сосуществования капиталистических государств и молодой Страны Советов, В.И.Ленин отмечал, что оно имеет под собой и необходимую экономическую основу (2, с.304-305).

Ни участие Франции в интервенции против Советской России, ни призывы реакции к новым походам не смогли заглушить настоятельные требования французских трудящихся и некоторых дальновидных политических деятелей прекратить всякое вмешательство и развивать взаимовыгодное сотрудничество между

двумя странами. Советское государство было также заинтересовано в развитии дружественных отношений с "этой сильнейшей континентальной державой" (3, с.237).

Установление 28 октября 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Францией, а также подписание пакта о ненападении (1932) и договора о взаимопомощи (1935) создали условия для окончательного оформления принципиально нового союза в истории межгосударственных отношений. По своим потенциальным возможностям советско-французский договор 1935 г. мог сыграть важнейшую роль в деле обеспечения безопасности Франции и дать конструктивное решение проблемы европейской безопасности. Реакционные тенденции в политике Франции привели, однако, к тому, что в ее правящих кругах стало преобладать стремление к сговору с фашистской Германией. Тем не менее ряд французских историков необоснованно пытается обвинить в таком развитии событий и Советский Союз (36, с.244). Р.Жиро утверждает, что обе страны действовали эгоистически, заботясь лишь о своих собственных интересах, что не могло способствовать возникновению в конце 30-х годов настоящего союза между ними (26, с.428).

В дни Мюнхена и в предвоенные месяцы французские правящие круги окончательно предали забвению уроки истории. Некоторые авторы доказывают, что Франция "ошиблась в определении противника", считая таковым Советский Союз (35, с.8; 25, с.39). Мало того что она проявляла открытую враждебность по отношению к СССР (35, с.8), в конце 1939 - начале 1940 г., она, как известно, даже разрабатывала совместно с Англией планы нападения на СССР (25, с.39-40; 36, с.249-250). Анти-советская политика явилась одной из главных причин, которые привели Францию летом 1940 г. к национальной катастрофе.

Несмотря на яростную антибольшевистскую пропаганду, развязанную правительством Виши после нападения Германии на Советский Союз, пишет французский историк М.Бодо, СССР "стал единственной надеждой для рабочих и патриотов", а ге-

роическое сопротивление советских людей способствовало "вос-
созданию единства французского народа" (14, с.73). Большин-
ство французских буржуазных историков вынуждены признать,
что вступление СССР в войну оказало большое влияние на дви-
жение Сопротивления и, в частности, на деятельность ФКП, ко-
торая с 22 июня 1941 г. переходит к решительной борьбе с
гитлеровскими захватчиками (21, с.62; 24, с.338; 32, с.83;
40, с.160). Однако некоторые из них грубо искажают факты,
пытаясь доказать, что французские коммунисты действовали
"по приказу Кремля", что другие партии рассматривались Ком-
мунистической партией Советского Союза как вспомогательная
сила, как "сила нажима на союзников" (19, с.32).

Героическая борьба французских патриотов в рядах Со-
противления, активное сотрудничество движения Свободная
Франция (с июня 1942 г. - Сражающаяся Франция, с июня
1943 г. - Французский комитет национального освобождения,
с июня 1944 г. - Временное правительство Французской респуб-
лики) с Советским Союзом, позволили Франции восстановить
свою национальную независимость и суверенитет. СССР оказы-
вал движению, которое возглавлял де Голль, не только широкую
дипломатическую поддержку, но и развивал военное сотрудни-
чество (участие французских летчиков в борьбе против фашист-
ской Германии на советско-германском фронте). Советские граж-
дане, бежавшие из концентрационных лагерей, становились ак-
тивными участниками французского движения Сопротивления.
Таковы основные аспекты советско-французских отношений. Они
получили объективное освещение в советской исторической нау-
ке. В данном обзоре дается анализ взглядов современных фран-
цузских буржуазных авторов на историю советско-французского
сотрудничества в годы Великой Отечественной войны, на основе
советских источников разоблачается фальсификация роли и зна-
чения этого сотрудничества для обеих стран.

I. Советский Союз и Свободная Франция

Поражение Франции и установление режима во главе с Петэном не означало, что война для французского народа окончена. Политические партии, прежде всего коммунисты, ушедшие в подполье, создавали боевые группы и партизанские отряды по всей территории страны, готовясь к борьбе с оккупантами. За пределами Франции, в частности в Лондоне, ряд французских политических и военных деятелей провозгласили движение Свободная Франция, которое возглавил тогда еще мало кому известный генерал де Голль. 18 июня 1940 г. де Голль обратился по лондонскому радио с призывом объединиться вокруг этого движения. В первые недели после призыва к движению Свободная Франция примкнуло лишь незначительное количество офицеров (12, с.331-332). Руководящие английские и особенно американские круги (последние поддерживали дипломатические отношения с правительством Виши) не желали видеть во главе Свободной Франции такую незначимую, но самолюбивую фигуру, как де Голль, пишет американский историк М.Блукменсон (16, с.195).

После вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз генерал де Голль без промедления объявил о поддержке его справедливой борьбы (12, с.252) и выразил уверенность в том, что теперь победа непременно будет на стороне союзников, а решающую роль в этой борьбе сыграет Советская Россия. Советское правительство понимало, что движение Свободная Франция не представляло всех антифашистских сил, что оно было еще довольно слабым, малочисленным и почти оторванным от французских территорий и нуждалось в дипломатической поддержке. Англия, оказывавшая материальное содействие движению, не спешила с признанием Свободной Франции и пыталась оказать соответствующее давление на Советский Союз. Об этом свидетельствует памятная записка от 7 июля 1941 г. посла Великобритании С.Криппса народному комиссару иностранных

дел СССР, в которой говорилось, что правительство Англии "еще не признало организацию де Голля в качестве правительства и оказалось бы в стеснительном положении, если бы Советское правительство пошло в отношении де Голля на большую степень признания, чем та, на которую пошло правительство его величества" (9, с.511-512). Несмотря на это, 26 сентября 1941 г. в результате обмена письмами между послом СССР в Англии И.М.Майским и генералом де Голлем Советский Союз признал де Голля "как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились" (9, с.47). Советское правительство проявило готовность "оказать свободным французам все-стороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками", выразило решимость "после достижения нашей совместной победы над общим врагом обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции" (9, с.47). Рассуждения американского историка М.Блументона, связывающего признание Советским Союзом движения Свободная Франция с необходимостью "поиска поддержки" (16, с.195), в которой нуждалась наша страна после нападения гитлеровской Германии, не может не ассоциироваться с утверждениями французских авторов о том, что СССР стал союзником Англии и Франции, "хотел он этого или нет" (28, с.224; 36, с.260). Положительно оценивая советскую формулу признания, М.Мурэн утверждает, что она не отличалась от английской, упрекает советскую сторону за невключение в ноту пункта о "целостности Франции" (36, с.261). По-иному оценивают ее Р.Массигли и Ш.-Л.Фулон, указывая, что СССР являлся одним из трех союзников, который "занял наиболее благоприятную позицию по отношению к Сражающейся Франции" (34, с.974) и пошел дальше в признании ее различных юридических форм (22, с.47).

Установление официальных отношений с Советским Союзом позволило генералу де Голлю занять более решительную позицию в отношениях с Великобританией и США, более уверенно отстаивать интересы Франции в антигитлеровской коалиции.

Это в какой-то мере подтверждает и представитель правительства Виши Л.Ружье, возглавлявший миссию Петэна в Лондон в октябре 1940 г. и проводивший неофициальные переговоры с Черчиллем. Ни Лондон, ни Вашингтон не хотели, подчеркивает он, признать де Голля как "руководителя государства", который "с марта 1942 г. (имеется в виду дата прибытия в Москву представителей Свободной Франции. - Авт.) осуществляет поворот к Москве, затем - сближение с коммунистами" (37, с.216).

1942 год характеризовался усилением противоречий между Национальным комитетом Свободной Франции, с одной стороны, и правительствами Англии и США - с другой. Прежде всего возник спор об островах Сен-Пьер и Микелон, где по инициативе де Голля был проведен плебисцит, давший 98% голосов в пользу Свободной Франции. Однако госдепартамент США уже на следующий день после плебисцита опубликовал заявление, в котором выразил недовольство фактом присоединения этих островов к движению Свободная Франция (9, с.53-54). В своем заявлении Англия, США и Канада согласились "не возвращать правительству Виши эти острова и объявить их свободной французской территорией, но при условии их демилитаризации и нейтрализации" (9, с.56). В апреле 1942 г. представитель Свободной Франции Р.Гарро сообщил Советскому правительству, что Национальный комитет поставил перед Англией и США вопрос о признании его временным правительством и желает также знать мнение правительства СССР по этому вопросу. Национальный комитет к этому времени возглавлял движение "свободных французов" за границей и на территории Франции, кроме того, он имел под своим контролем значительную часть французских колониальных владений: Французскую Экваториальную Африку, Новую Каледонию, остров Гаити, острова Сен-Пьер и Микелон, Сирию и Ливан - также аргументы приводил Р.Гарро в обоснование постановки перед Советским правительством вопроса о признании Французского национального комитета в качестве временного правительства (9, с.74).

Англия и США воячески затягивали переговоры по этому вопросу. Советское правительство в свою очередь не могло в одностороннем порядке осуществить это без согласия правительств Англии и США. Однако следует подчеркнуть, что, как свидетельствуют документы МИД СССР, Советское правительство считало необходимым в подходящий момент пойти на признание Национального комитета временным правительством (II, с.302). На это указывает и бывший представитель временного правительства Франции в комитете радиостанции Би-Би-Си А.Жилуа (24, с.306). В начале июня 1942 г. разногласия между Национальным комитетом и западными союзниками едва ли не привели к разрыву отношений. Так, в беседе с А.Богомоловым генерал де Голль сказал, что американцы собираются занять Дакар, а англичане – Нигер без всякого участия в этом "свободных французов", что могло привести к окончательному разрыву отношений. На этот случай де Голль попросил убежища для себя и для своих войск у Советского правительства (9, с.82; 36, с.262). Причиной последовавшей нормализации отношений между Французским национальным комитетом и западными союзниками явилась, как отмечали сами французские представители, поддержка Национального комитета Советским правительством (9, с.88).

СССР не был заинтересован в расколе лагеря союзников. Да и сам де Голль понимал, что это намного бы усложнило борьбу против гитлеровской Германии. С другой стороны, он должен был наладить связь и сотрудничество с движением Сопротивления в самой Франции для того, чтобы получить признание и поддержку французского народа. И, наконец, ему необходимо было заручиться дипломатической поддержкой Советского Союза, чтобы суметь противостоять в своей внешней политике англо-американскому нажиму и в глазах своего народа придать движению "свободных французов" демократический характер.

Коммюнике, опубликованное в результате беседы, состоявшейся в Лондоне между народным комиссаром иностранных дел

СССР В.М.Молотовым и генералом де Голлем, в котором подтверждалось "желание советского правительства видеть Францию свободной и способной вновь занять в Европе и в мире свое место великой демократической антигитлеровской державы", было встречено в Англии "без особого удовольствия" (9, с.85-86). Тем не менее, по признанию французских представителей, оно оказало "свое положительное влияние". Об этом свидетельствует обещание, данное де Голлю, согласно которому "Дакар не будет занят без предварительного соглашения с ним этого вопроса", и решение США улучшить отношения с Национальным комитетом и, "пока еще неофициально, признать де Голля" (9, с.86).

2. СССР и Сражающаяся Франция

Не добившись от западных союзников признания Национального комитета Свободной Франции в качестве временного правительства, де Голль изменил статус Комитета и предложил правительствам Англии, США и СССР согласиться с двумя формулировками:

1. "Франс комбатант" (Сражающаяся Франция) - это совокупность французских территорий и граждан, которые не признают капитуляции и которые, где бы они ни находились, способствуют имеющимся в их распоряжении средствами освобождению Франции в результате общей победы союзников".

2. "Французский национальный комитет - руководящий орган Сражающейся Франции, который лишь один имеет право организовывать участие французов в войне и представлять при союзниках французские интересы, особенно в той мере, в какой эти интересы затрагиваются ведением войны" (9, с.82-83).

Советское правительство полностью приняло формулировки, предложенные Национальным комитетом (9, с.97). Это подтверждается французскими источниками (29, т.2, с.224) и другими

материалами (36, с.263). Правительства Англии и США уклонились от признания за Сражающейся Францией политических и юридических прав. Так, в английской формулировке (США поддерживали полностью в этом вопросе Англию) определения Французского национального комитета опускаются слова "лишь один". Это было использовано для различных политических комбинаций, одной из которых явилось подписание соглашения между представителем главного командования союзных войск в Северной Африке генералом Кларком и главой французской администрации в Северной Африке адмиралом Дарланом (ставленником Петэна) после высадки там войск западных союзников в ноябре 1942 г. США не только игнорировали Национальный комитет, но и пытались фактически прибрать к своим рукам Французскую Северную Африку. По этому соглашению территория Северной Африки рассматривалась по существу не как территория союзника, а как территория побежденной страны (9, с.470—475). Кроме того, США пытались создать здесь новый руководящий орган во главе с генералом Жиро. В трудное для Национального комитета время Советский Союз оказал ему поддержку, о важности которой свидетельствует следующий документ: "Французский национальный комитет весьма признателен Советскому правительству, в позиции которого он черпает для себя чувство ободрения. Без этого ободрения Сражающаяся Франция не пережила бы трудных ноябрьских дней, когда в Африке делались попытки создать другое правительство с силами, более значительными, чем силы Национального комитета" (9, с.118). Это подтверждается не только советскими документами, но и в некоторых французских исследованиях (36, с.263).

Советское правительство, находясь в курсе всех событий, происходивших в отношениях Национального комитета с английскими и американскими правящими кругами, постоянно оказывало содействие и поддержку Сражающейся Франции. Об этом, в частности, свидетельствует позиция Советского Союза на происходившем в США в мае 1943 г. совещании представителей

СССР, США, Англии и Китая. На совещании обсуждался проект соглашения о создании администрации помощи и восстановления Объединенных наций (ЮНРРА). Подписание этого соглашения намечалось осуществить на конференции. Американский представитель Ачесон при поддержке своего английского коллеги Галлифакса выдвинул предложение о том, чтобы послать приглашение на конференцию "единой французской делегации" — от Национального комитета Сражающейся Франции и северо-африканской администрации во главе с Жиро, которым США пытались заменить де Голля (10, с.107).

Советский представитель М.Литвинов выступил против этого предложения, обосновывая свою позицию тем, что Советское правительство признает только де Голля и что оно откажется участвовать в совещании, где делегация одного де Голля считается недостаточной и ему навязывается в этом отношении соглашение с Жиро. В протоколе совещания по настоянию советской делегации записали, что "никакие власти не будут приглашены к подписанию соглашения или к участию в конференции, если они будут неприемлемы хотя бы для одной из четырех держав" (9, с.130). Этот факт активной поддержки Советским Союзом Национального комитета Сражающейся Франции не получил пока должного освещения в работах буржуазных французских историков.

В то время, когда Черчилль и Рузвельт утешали себя неопределенностью "свадьбы между де Голлем и Жиро" (10, с.106), которую они устроили в Касабланке, фашистская Германия, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, готовила крупное наступление на лето 1943 г. На советско-германском фронте было сосредоточено 232 дивизии противника, часть из которых была переброшена с Западного фронта.

Советский Союз приложил все усилия к тому, чтобы сорвать летнюю кампанию гитлеровцев. Как известно, наступление немецких войск было не только остановлено, Советская Армия, разгромив противника в битве под Курском, перешла в контр-

наступление, обросив врага на несколько сот километров. После этого удара гитлеровская армия не могла уже оправиться, отступая под натиском советских войск.

3. Советский Союз и ФКНО

16 июня 1943 г. французский представитель Р.Гарро передал на рассмотрение Советскому правительству текст декларации о создании Французского комитета национального освобождения (ФКНО) с просьбой о признании его в качестве органа, способного обеспечить руководство французскими вооруженными силами, тесное сотрудничество с союзниками, а также руководство всеми интересами Франции и их защиту (9, с.158-159).

На следующий день посол Великобритании в СССР А.Керр в письме народному комиссару иностранных дел В.М.Молотову сообщил о том, что правительства Англии и США решили помедлить с признанием ФКНО до тех пор, пока члены Комитета не придут к согласию по основным спорным вопросам (9, с.160). Английский посол, в частности, выразил надежду, что Советское правительство не предпримет каких-либо действий, пока он не получит сообщения о том, пожелает ли его правительство "высказать еще какие-либо взгляды по этому вопросу" (9, с.164). В ответном письме народный комиссар иностранных дел СССР указывал английскому послу, что Советское правительство "не находит целесообразным откладывать признание Комитета, так как такое откладывание отнюдь не может служить облегчению дела сплочения антигитлеровских французских сил... и считает необходимым признание Комитета, согласно выраженного им пожелания" (9, с.164). Узнав об этом решении Советского правительства, У.Черчилль в послании Председателю Совета Народных Комиссаров И.В.Сталину просил отсрочить решение этого вопроса (8, с.134-135).

Английское и особенно американское правительства стремились воспрепятствовать тому, чтобы де Голль освободился от Жиро и других вишистских элементов как в административном аппарате, так и в офицерском корпусе французской армии. Генерал Эйзенхауэр от имени союзного командования рекомендовал де Голлю передать верховное командование французской армией, а также пост руководителя французской администрации генералу Жиро. Это был по существу ультиматум де Голлю, который отказался его принять, квалифицировав это как иностранное вмешательство, и заявил о своей готовности уйти в отставку, если Комитет примет этот ультиматум (9, с.165). Беспокойство американского правительства в связи с усилением позиций генерала де Голля в Комитете высказал также государственный секретарь США Хэлл в беседе с советским послом в Вашингтоне А.А.Громыко (9, с.180). Немного позднее американский посол Гарриман говорил А.Я.Вышинскому, что в Национальном комитете есть люди "более сильные и приемлемые, чем де Голль" (9, с.232). Убедившись в неудаче своих акций против де Голля, позиции которого поддерживали СССР и широкие круги французской общественности, английские и американские правящие круги вынуждены были пойти на признание ФКНО.

Как и в 1942 г., различие между советской формулой признания и англо-американской было очевидно. В советской формуле было указано, что правительство СССР приняло решение "признать Французский комитет национального освобождения как представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании, и обменяться с ним полномочными представительствами" (9, с.195). В сущности это было признание ФКНО временным правительством.

В почти идентично составленных американской и английской формулах признания указывалось, что ФКНО не представляет собой правительство, а лишь орган, действующий в пределах определенных ограничений во время войны. В той и другой

формуле подчеркивалось, что Комитет мог управлять только теми территориями, которые признают его власть (9, с.190-191). В американской формуле к тому же было прямо указано, что "это заявление не представляет собой признания правительством Соединенных Штатов правительства Франции или Французской империи" (9, с.191).

Эти существенные оговорки позволяли правительствам Англии и США препятствовать в дальнейшем присоединению к ФКНО французских территорий, которые вызвали особую заинтересованность английского и американского монополистического капитала.

Анализируя формулы признания, генерал де Голль отметил глубокие различия, существовавшие между советской формулой, с одной стороны, и американской и английской - с другой (13, с.161). СССР выработал "для признания Алжирского комитета более широкую формулу, чем британская и тем более, чем американская формула", - подчеркивал сподвижник генерала де Голля Р.Массигли (34, с.974). Выражая благодарность Советскому правительству от имени ФКНО, французский представитель указал на "исключительно большое впечатление, которое произвело на французский народ это признание, сделанное в ясной и четкой формуле" (9, с.215). Касаясь советской формулы признания, М.Мурэн подчеркнул, что Советский Союз придал "больше полноты и точности своему решению" (36, с.264).

Однако следует сказать, что многие французские буржуазные историки не хотят видеть принципиальные различия в формулах признания СССР, США и Англии, ставят между ними знак равенства и зачастую утверждают, что "США, Великобритания и СССР признают, к тому же довольно ограниченно, новый орган" (23, с.151).

По настоянию Советского Союза на Московской конференции министров иностранных дел (19-30 октября 1943 г.) ФКНО был включен в число представителей Контрольного совета по вопросам Италии, а в результате поддержки и инициативы СССР

получил допуск в Контрольную комиссию по Италии и Европейскую консультативную комиссию (ЕКК). Советский Союз, как и прежде, последовательно поддерживал ФКНО, учитывая его заинтересованность в послевоенном урегулировании в Европе, а также в устранении опасности возрождения угрозы со стороны германского милитаризма. Большое значение для укрепления международного престижа Французского комитета имело предложение СССР пригласить Францию в качестве четвертого постоянного члена ЕКК. Известно, что на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии руководители американской и английской делегаций (Хэлл и Иден) выступили против расширения состава ЕКК и настояли на вхождении в ее состав только представителей трех держав (9, с.524-525). После этого представитель ФКНО в Лондоне Вьено заявил, что Комитет, вероятно, откажется от участия в Контрольной комиссии по Италии. Узнав об этом, Иден сообщал в телеграмме из Москвы своему постоянному заместителю Кадогану: "Я убежден, что французы ведут себя очень глупо, и надеюсь, что им об этом будет сказано в решительном тоне. Дело в том, что если они откажутся от участия в Средиземноморской комиссии, то это никого особенно не тронет, а американцы будут восхищены. Никогда не существовало возможности того, что конференция согласится с тем, чтобы Франция была полноправным членом Лондонской комиссии" (9, с.482).

В то же время сотрудники английского МИД всячески пытались убедить Вьено в том, что инициатива отстранения французского представителя от участия в ЕКК исходит от Советского правительства (9, с.225, 297). Из этого следует, что английское правительство, как и правительство США, стремилось нарушить дружественные отношения, сложившиеся между СССР и ФКНО. Дальнейшее сближение Французского комитета с Советским Союзом пугало английские и американские правящие круги, так как это мешало осуществлению их империалистических планов в отношении будущего Франции и Европы в целом. Они видели в

лице будущей сильной Франции своего конкурента на Европейском континенте.

В последующем правящие круги Великобритании утверждали, что якобы Советский Союз был против включения Франции в ЕКК (9, с.297), что, конечно, не соответствовало действительности. Правительство Англии сообщило 14 октября 1944 г. Советскому правительству о согласии допустить для присутствия на заседании ЕКК представителей Франции и других европейских союзных правительств (9, с.308-309). Американское же правительство было против этого, пытаясь "добиться от французов уступок в части получения баз во французских владениях", а также "сделать на де Голля нажим по испанскому вопросу", т.е. изменить позицию в отношении Франко (9, с.311). В это время американская газета "Чикаго сан" опубликовала сообщение своего корреспондента, в котором он утверждал, что СССР выступает против участия Франции в военной оккупации Германии и не желает ее рассматривать как великую державу. 21 октября 1944 г. ТАСС заявил, что эти утверждения "являются лживыми и совершенно не соответствуют позиции Советского правительства" (9, с.311).

Генерал де Голль хорошо понимал, что путь восстановления международного авторитета Франции проходит через Москву. Об этом свидетельствует его высказывание во время беседы с государственным секретарем США Халлом, направлявшимся в Москву через Алжир. Мы очень рады за вас, сказал де Голль, что вы, в интересах своей страны, установили "непосредственный контакт с Советской Россией. Я со своей стороны тоже предполагаю когда-нибудь отправиться в Москву - в интересах Франции" (13, с.225).

Создание в Алжире 3 ноября 1943 г. Временной консультативной ассамблеи послужило усилению представительного характера ФКНО, его авторитета среди французского народа и укреплению его позиций на международной арене.

Однако следует отметить, что уже с конца 1943 г.

де Голль отступает от прежней твердой политики борьбы против сторонников Виши. Французский представитель в СССР Гарро говорил, что когда де Голль был в Лондоне и когда еще существовала возможность создания правительства в Алжире во главе с Дарланом, а затем с Жиро, большинство перебежчиков из Виши прибывали не в Алжир, а в Лондон. Вишистские элементы проникали таким образом в органы Французского комитета и в дальнейшем оказывали свое влияние на политику де Голля. Одним из проявлений этого было сокрытие от Советского правительства факта заключения двух соглашений с Англией. Гарро с сожалением подтвердил эту тенденцию в политике ФКНО и указал, что в самом Французском комитете не все его члены придерживаются "одинаковых взглядов в отношении Советского Союза и что есть люди, которые не симпатизируют Советскому Союзу именно потому, что он советский" (9, с.239).

Тем не менее правительство СССР прилагало все усилия для того, чтобы оказать ФКНО всевозможную помощь и поддержку. Еще на Московской конференции правящие круги Англии и США внесли на обсуждение проект "Основной схемы управления освобожденной Францией", согласно которой верховная власть в освобожденной Франции должна была принадлежать главнокомандующему войсками союзников, а гражданская власть, по мере возможности, осуществлялась бы французскими гражданами, но под контролем главнокомандующего. При решении вопросов гражданского порядка главнокомандующий должен был лишь консультироваться с французской военной миссией при его штабе (9, с.222-224). Французский Комитет национального освобождения фактически отстранялся от управления освобожденной французской территорией. Естественно, что советская делегация не могла с этим согласиться и конференция передала этот документ на рассмотрение Европейской консультативной комиссии.

16 января 1944 г. американское правительство представило правительству СССР проект декларации, которую оно пред-

лагало опубликовать от имени трех держав: Англии, США и СССР (9, с.236). В этом проекте, как и в "Основной схеме", ФКНО устранился от формирования гражданской администрации на освобожденной территории Франции. Проект декларации также не был одобрен Советским правительством.

Следующей попыткой американских правящих кругов устранить ФКНО от участия в гражданской администрации на освобожденной французской территории был проект директивы генералу Эйзенхауэру от 11 апреля 1944 г. (9, с.257-259), который, как и предыдущие два документа, отражал основные принципы политики США и Англии в отношении будущего Франции. Вопрос об организации гражданской власти во Франции явился в то время наиболее острой политической проблемой, которая волновала французский народ. Намерения англичан и американцев представляли собой не только прямое нарушение суверенитета французской нации, но и задевали чувство национальной гордости французского народа. Французский представитель в Советском Союзе Гарро заявлял: "Национальный совет сопротивления и все французские патриоты, участвующие в движении Сопротивления, решительно требуют того, чтобы администрация территории освобожденной Франции была передана в руки французов... Трудно даже допустить, чтобы генерал Эйзенхауэр лучше, чем сами французские патриоты, знал, следует ли оставить на посту или сместить того или иного префекта, тех или иных административных лиц, которые оставались на своем посту во время немецкой оккупации Франции" (9, с.262-263).

ФКНО ранее внес на рассмотрение правительств США и Англии свое предложение о принципах управления освобожденной Францией, которое, однако, было игнорировано. 14 марта 1944 г. ФКНО издал Указ "Об организации гражданской и военной власти на территории Франции в период ее освобождения" (9, с.247-250).

В мае 1944 г. Временная консультативная ассамблея предложила изменить наименование ФКНО и называть его Временным

правительством Французской республики (9, с.262). 2 июня ФКНО принял наименование Временного правительства Французской республики, о чем было сообщено неделю спустя народному комиссариату иностранных дел СССР посредством вербальной ноты (9, с.277).

4. СССР и Временное правительство Французской республики

Стремительное наступление Советской Армии и ее нарастающие удары свидетельствовали о том, что она способна собственными силами полностью разгромить гитлеровскую Германию и освободить оккупированные страны Европы. Невыполнение западными союзниками обязательств об открытии второго фронта дорого обошлось как Советскому Союзу, так и народам Европы. "Каждый лишний день под кровавым игом немецко-фашистских бандитов означает новые жертвы и тяжкие потери для народа Франции, означает смерть для тысяч французов. Каждый лишний день, - писал М.Торез, - представляет еще один шаг к пропасти, в которую толкают Францию ее поработители и их пособники" (6, с.545).

6 июня 1944 г. в Нормандии началась высадка англо-американских войск. Следует отметить, что освобождение Франции началось при активном содействии Советской Армии, которая в результате грандиозного летнего наступления разгромила гитлеровцев на Карельском перешейке, у Петрозаводска, в Белоруссии, освободила часть территории Польши и вышла к границам Восточной Пруссии. В то время как СССР, по призыванию французского представителя Гарро, всецело способствовал освобождению французской территории, западные державы всячески выступали против широкого участия французских частей в военных операциях и стремились к ограничению суверенитета Франции (9, с.288).

Основные контингенты французских войск не были допуще-

ны к участию в десантных операциях в Нормандии, а были отправлены в Италию. На вопрос советского посла относительно участия французских войск в освобождении своей страны генерал де Голль ответил: "Об этом надо спросить Рузвельта", а затем после паузы добавил: "И Черчилля" (9, с.284).

Английские и американские правящие круги не желали равноправного боевого сотрудничества с французскими вооруженными силами. Противоположную позицию занимало Советское правительство. Оно поддерживало все предложения Национального комитета, имевшие целью оказать поддержку Советскому Союзу в его борьбе с гитлеровскими захватчиками.

Так, французская эскадрилья, преобразованная в августе 1943 г. в полк "Нормандия - Неман", героически сражалась на советско-германском фронте. На счету французской авиационной части 5240 вылетов, 869 воздушных боев, 273 сбитых самолета (18, с.123). За боевые заслуги Советское правительство наградило полк орденами Красного Знамени и "Александра Невского". 117 французских воинов были награждены орденами СССР. Четыре летчика были удостоены высокого звания Героев Советского Союза. Французский историк Э.Костантини пишет, что советское командование, привлекая французских летчиков к участию в крупнейших операциях второй мировой войны, оказывало им высокое доверие ишло всегда навстречу предложениям французской стороны (11, с.126).

В то время как французские летчики сражались против гитлеровцев в рядах Советской Армии, тысячи советских граждан боролись против оккупантов в рядах французского Сопротивления. Еще в 1942 г. фашисты начали создавать на территории Франции концентрационные лагеря для советских военнопленных и насильственно увезенных с временно оккупированной территории Советского Союза людей. К 1944 г. в них находилось 25 тыс. советских граждан (7, с.492). При малейшей возможности они бежали из лагерей и создавали партизанские отряды. К весне 1944 г. на территории Франции действовало 35 отря-

дов, созданных из советских граждан. В августе 1944 г. был сформирован первый советский партизанский полк, в который входило 2200 бойцов и офицеров – представителей 37 национальностей СССР. Французскими орденами и медалями были награждены 663 советских воина.

К сожалению, большинство французских буржуазных историков игнорируют эти данные. Освещая советско-французское сотрудничество в годы войны, они утверждают, что советско-французские отношения не достигли большого развития, а подвиги французских летчиков на Восточном фронте и советских граждан – участников французского Сопротивления якобы "явились пустяковыми" (28, с.224).

Большое значение для дальнейшего углубления советско-французского сотрудничества имел визит генерала де Голля в Москву и подписание договора о союзе и взаимной помощи. Уже в первой беседе с председателем Совета Народных Комиссаров СССР И.В.Сталиным генерал де Голль признавал, что "в сущности причиной несчастий, постигших Францию, было то, что Франция не была с Россией, не имела с ней соглашения, не имела эффективного договора" (9, с.340). Во время этой беседы де Голль поставил перед Советским правительством два основных вопроса: о заключении советско-французского пакта о взаимопомощи; о границе Франции на Рейне. Сталин уведомил главу Французского правительства, что Советский Союз не имеет права решать второй вопрос без согласия с правительствами Англии и США, войска которых уже ведут бои с гитлеровцами в Рейнской области.

На переговорах касались также вопроса о Германии. В беседе с председателем Совета Народных Комиссаров СССР де Голль подчеркивал: "Франция трижды подвергалась германскому вторжению. Во время первого вторжения французы были разбиты, потеряли свои провинции и престиж. Во второй раз после германского вторжения французы одержали победу, но лишь ценой громадных жертв. Во время третьего вторжения Франция была пол-

ностью занята врагом и едва не потеряла свою независимость (9, с.375). 10 декабря 1944 г. был подписан договор о союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Французской республикой. Он предусматривал общие военные усилия двух государств в продолжении войны до окончательной победы над фашистской Германией и отказ от сепаратных переговоров с ней. В статье 3 обе стороны брали обязательства " и по окончании нынешней войны с Германией совместно предпринимать все необходимые меры для устранения любой новой угрозы, исходящей от Германии, и препятствовать таким действиям, которые делали бы возможной любую новую попытку агрессии с ее стороны (9, с.384).

Статья 4 предусматривала всестороннюю помощь двух государств в случае вовлечения "в военные действия против Германии" (9, с.384), что гарантировало безопасность СССР и Франции.

В статье 5 особо оговаривалось, что Советский Союз и Франция "обязуются не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против одной из Высоких Договаривающихся Сторон" (9, с.385).

Современные французские буржуазные историки не всегда объективно подходят к оценке значения советско-французского договора 1944 г. Так, по мнению М.Мурэна, этот договор не мог обеспечить Франции необходимую безопасность, которую могла предложить лишь будущая Организация Объединенных Наций (36, с.275). Другие историки считают, что значение договора заключалось в том, что в нем были четко определены "границы франко-советского сотрудничества" (28, с.227), но он находился, подчеркивают они, в противоречии с проектом, принятым в Думбартон-Оксе (23, с.207-208). Совершенно необоснованным было заявление французского военного историка П.Ле Гойе, в котором он утверждал: "В советской стратегии Франция была лишь пешкой, которую Сталин перемещал в своих интересах" (33, с.237).

В действительности "договор между СССР и Францией был логическим завершением франко-советских отношений в трудные годы совместной борьбы против гитлеровских захватчиков" (30, с.220) и представлял "интересную основу для будущего" (20, с.197).

Подписанием советско-французского договора был ознаменован новый этап в развитии советско-французских отношений. Он имел огромное значение для повышения престижа и восстановления международных позиций Франции. Выступая на заседании Временной консультативной ассамблеи 21 декабря 1944 г., министр иностранных дел Франции Ж.Бидо подчеркивал, что франко-советский договор является "одной из опорных колонн здания, в строительство которого мы надеемся внести свой вклад и которое окончательно избавит Европу и (весь) мир от возобновления трагедии, конец которой еще не наступил" (9, с.392).

Дружественное отношение СССР к Франции отчетливо проявлялось и в вопросе об ее участии в Совете Безопасности ООН в качестве постоянного члена. В основу обсуждения вопроса о составе Совета Безопасности на конференции в Думбартон-Оксе был положен советский проект, где указывалось: "Совет состоит из представителей Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Соединенного королевства и Китая, а в будущем и Франции - в качестве постоянных членов..." (9, с.299). Затем по инициативе делегации СССР французский язык был признан одним из официальных языков конференции в Сан-Франциско, на которой была создана Организация Объединенных Наций.

В связи с тем, что был близок конец войны, государства антигитлеровской коалиции все чаще поднимали вопрос о послевоенном устройстве Европы и сохранении мира на планете. Значительное место занимал также германский вопрос, т.е. вопрос о будущем устройстве германского государства. Он имел непреходящее значение для СССР и Франции, так как их терри-

тории в течение 30 лет дважды подвергались агрессии со стороны Германии. Этому вопросу было уделено большое внимание и на Ялтинской конференции глав правительств СССР, США и Англии (4-11 февраля 1945 г.).

Обсуждение такого первостепенно важного вопроса для Франции без ее делегации на конференции вызвало недовольство французского правительства. Некоторые французские историки до настоящего времени утверждают, что Франция не была приглашена на Ялтинскую конференцию по настоянию Советского правительства (33, с.238) и что Сталин имел личную неприязнь к генералу де Голлю (36, с.277; 16, с.205). Характерно, что еще во время заседаний конференции поверенный в делах СССР в США сообщал в Народный комиссариат иностранных дел СССР: "В журналистских кругах подчеркивают, что причиной отсутствия де Голля на совещании является именно позиция США, а не какой-либо другой великой державы - участницы совещания" (9, с.399).

Хотя Франция была приглашена в Контрольный совет по Германии в качестве ее четвертого члена и для нее было намечено на конференции выделение оккупационной зоны в Германии, она не была удовлетворена решениями конференции и предшествующих совещаний, проходивших без ее представителей. В частности, правительство Франции беспокоил вопрос о территориальной опеке, а также вопрос, касающийся действительности советско-французского договора 1944 г.

Посол Франции в СССР Ж.Катру говорил народному комиссару иностранных дел СССР: "В то время как договор предусматривает автоматическое принятие мер предотвращения германской агрессии, план, разработанный в Думбартон-Оксе, ставит принятие этих мер в зависимость от решения Совета Безопасности" (9, с.410). Нарком уведомил посла Франции, что это только проект, а окончательное решение о международной организации еще не принято, и что этот момент будет учитываться при выработке решения (9, с.411).

Правительство Франции согласилось быть приглашающей страной на конференцию в Сан-Франциско по созданию международной организации для поддержания мира и безопасности только в том случае, если бы предложения о создании международной организации, принятые на Ялтинской конференции, рассматривались в Сан-Франциско не как основа для устава будущей организации, а лишь как основа для обсуждений. Естественно, что "Советское правительство не могло согласиться с французской формулой, так как оно не хотело ослаблять решения Крымской конференции" (9, с.425) и нарушать основные принципы межсоюзнических соглашений. Тогда французское правительство вовсе отказалось быть приглашающей державой и правительство США начало рассылать приглашения от имени четырех держав: США, СССР, Англии и Китая.

Кроме того, правительство Франции не прекращало ставить перед Советским правительством вопрос о соответствии положений о Совете Безопасности, принятых в Думбартон-Оксе, с условиями советско-французского договора 1944 г.

Таким образом, хотя и были некоторые разногласия, мнения Советского и французского правительств совпадали не только по вопросу об обеспечении безопасности обеих стран от угрозы новой германской агрессии, но и по вопросу об основных принципах деятельности Организации Объединенных Наций. Советско-французский договор о союзе и взаимной помощи явился новым шагом в развитии отношений между СССР и Францией, составил прочную базу для послевоенного плодотворного советско-французского сотрудничества.

В.Н.Бабенко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 17, с. 274-282.
2. Ленин В.И. IX Всероссийский съезд Советов 23-28 декабря 1921 г. - Полн. собр. соч., т.44, с.289-338.
3. Ленин В.И. Интервью корреспонденту "Обсервер" и "Манчестер Гардиан" М.Фарбману. - Полн.собр.соч., т.45, с.237-244.
4. Торез М. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1959.-Т.1, 754 с.
5. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. (Ред.комис.: Пospelов П.Н. (пред.) и др. - М.: Воениздат, 1962. - Т.4. Изгнание врага из пределов Советского Союза и начало освобождения народов Европы от фашистского ига (1944 г.) /Авт.: Альтговзен М.Л., Андрианов В.Н., Басов А.В. и др./ - 728 с.
6. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - М.: Госполитиздат, 1957. - Т.1. Переписка с У.Черчиллем и К.Эттли (июль 1941 г. - ноябрь 1945 г.). 407 с.
7. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Документы и материалы. - М.: Госполитиздат, 1959.- 551 с.
8. Иден А. Разногласия между союзниками по вопросу о руководстве французскими силами Сопротивления. - Междунар. жизнь, М., 1965,г. 12, № 8, с.102-107.
9. Земсков И.Н. Советский Союз и Сражающаяся Франция. - В кн.: Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции /Редкол.: Манфред А.З. (гл. ред.) и др.М., 1967, с.300-310.
10. Голль Ш.де. Военные мемуары. - М.: Изд-во иностр.лит., 1957.- Ч.1. Призыв. 1940-1942 годы. 822 с.
11. Голль Ш.де. Военные мемуары. - М.: Изд-во иностр.лит., 1960. - Ч.1. Единство. 1942-1944 годы. 864 с.
12. Baudot M. L'opinion publique devant la propagande allemande et l'invasion de l'URSS. - Rev. d'histoire de la deuxième guerre mondiale, P., 1966, a.16, N 64, p.63-80.
13. Baumont M. Les problèmes politiques de la libération. - In: La libération de la France: Actes du Colloque in-

tern. tenu à Paris du 28 au 31 oct. 1974. P., 1976, p.23-29.

14. Blumenson M. La place de la France dans la stratégie et dans la politique des Alliés. - Ibid., p.191-208.
15. Constantini A. Le groupe "Normandie" dans la bataille de Koursk. - Rev.hist. de l'Armée, P., 1973, a.29, N 3, p.119-130.
16. Constantini A. Le régiment "Normandie-Niemen" dans l'ultime phase de la campagne de Prusse Orientale (avril 1945). - Rev.hist. des armées, P., 1977, a.4, N 4, p.115-123.
17. Craipeau Y. La libération confisquée, - P.: Savelli; Syros, 1978. - 208 p.
18. Elleinstein J. Histoire de l'URSS. - P.: Ed.soc., 1974. - (Notre temps /histoire/ H.8). - T.3. L'URSS en guerre (1939-1945). 238 p.
19. Ferro M. De Gaulle et l'Amérique, une amitié tumultueuse. - P.: Plon, 1973. - 449 p.
20. Foulon Ch.-L. Le général de Gaulle et la libération de la France. - In: La libération de la France: Actes du Colloque intern. tenu à Paris; du 28 au 31 oct. 1974. P., 1976, p.31-54.
21. Ghebali V.-Y. La France en guerre et les organisations internationales. 1939-1945. - Paris: La Haye: Mouton, 1969. - XV, 273 p.
22. Gillois A. Histoire secrète des Français à Londres de 1940 à 1944. - P.: Hachette-litt., 1973. - 399 p.
23. Girault R. Les relations franco-soviétiques après septembre 1939, - Cah. du monde russe et sov., P., 1976, vol.17, N 1, p.24-42.
24. Girault R. Les relations franco-soviétiques à la veille de la seconde guerre mondiale. - Rev. des études slaves, P., 1977, t.50, N 1-4, p.417-428.
25. Grosser A. Les Occidentaux: Les pays d'Europe et les Etats-Unis depuis la guerre. - P.: Fayard, 1978. - /3/, 438 p.
26. Hoop J.-M. de. L'U.R.S.S. et la libération de la France. - In: La libération de la France: Actes du Colloque

- intern. tenu à Paris du 28 au 31 oct. 1974. P., 1976, p.223-227.
27. "Ici Londres... Les voix de la liberté". 1940-1944 / Ed. établie sous la dir. de Cremieux-Brilhac J.-L. - P.: Doc.franc., 1975. - T.2. Le monde en feu.8 dec.1941-7 nov.1942 / Avant-propos de Bidault G. XII, 267 p.
 28. Jiline. La coopération franco-soviétique durant la seconde guerre mondiale. - In: La libération de la France: Actes du Colloque intern. tenu à Paris du 28 au 31 oct. 1974. P., 1976, p.209-221.
 29. Jiline. Réponse à M.d'Hoop et colonel le Goyet. - Ibid., p.241.
 30. La Gorce P.-M. de. L'après-guerre 1944-1952: Naissance de la France moderne. - P.: Grasset, 1978. - 527 p.
 31. Le Goyet P. Réponse aux communications du général Jiline et de M.Blumenson. - In: La libération de la France: Actes du Colloque intern.tenu à Paris du 28 au 31 oct. 1974. P., 1976, p.235-238.
 32. Massigli R. Intervention. - Ibid., p.971-975.
 33. Michel H. L'opinion publique en France et la guerre d'hiver de Finlande. - Helsinki, 1978. - 28 p.
 34. Mourin M. Les relations franco-soviétiques (1917-1967).- P.: Payot, 1967. - 371 p.
 35. Rougier L. Mission secrète à Londres: Les accords Pétain-Churchill. - P.: Bruges, 1946. - 352 p.
 36. Smouts M.-Cl. La France à L'ONU: Premiers rôles et second rang. - P.: Presses de la Fond. nat. des sciences polit., 1979. - 392 p.
 37. Touchard J. Le gaullisme 1940-1969. - P.: Ed. du Seuil, 1978. - 381 p.
 38. Willard C. Socialisme et communisme français. - P.: Colin, 1978. - 200 p.

**III. БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ СТРАН,
ПОРАБОЩЕННЫХ ГЕРМАНСКИМ ФАШИЗМОМ**

ДЭВИС Л.Э.

**НАЧАЛО "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ": СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ
КОНФЛИКТ ПО ВОПРОСАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

DAVIS L.E.

**The cold war begins: Soviet - American conflict
over Eastern Europe. - Princeton (N.Y.): Princeton
univ. press, 1974. - X, 427 p. - Bibliogr. :
p.401-412. Ind.: p.413-427.**

Книга преподавателя политических наук Колумбийского университета Л.Э.Дэвиса посвящена анализу советско-американских отношений в годы второй мировой войны по вопросам послевоенного урегулирования в Европе, и в частности вопросам будущей судьбы и места в послевоенном мире восточноевропейских государств. Все историки, подчеркивает автор, сходятся в том, что эти вопросы сыграли большую роль в происхождении "холодной войны", однако оценивают их по-разному. Настоящая книга, пишет Дэвис, родилась из первоначального стремления разобраться в том, кто же прав из двух авторов: Г.Фейс, утверждавший, что "холодная война" возникла как результат действий Советского Союза, направленных-де на установление сво-

его господства в странах Восточной Европы, против чего выступили США, или же Г.Алперовиц, возлагающий вину за происхождение "холодной войны" на Соединенные Штаты, которые пытались, используя "атомную дипломатию", добиться устранения влияния СССР в восточноевропейских странах. Считая неполной и односторонней обе точки зрения, Дэвис подчеркивает, что нельзя признать удовлетворительной и концепцию историков — "ревизионистов", по мнению которых советско-американский конфликт возник как результат взаимодействия политики США и СССР и ответственность за его возникновение несут обе стороны. Для того чтобы разобраться в истории советско-американского конфликта и понять причины происхождения "холодной войны", надо прежде всего ответить на вопрос: "Как и почему первоначальные обязательства США придерживаться принципов, провозглашенных в 1941 г. в Атлантической хартии, постепенно привели к ярко выраженной конфронтации Соединенных Штатов с Советским Союзом по проблемам Восточной Европы" (с.8). Попытки разобраться в этом вопросе и представляют основное содержание книги.

В первой главе "Англо-советский договор 1942 г." рассмотрена история заключения этого договора, а также отношение к нему Соединенных Штатов.

В 1941 г., пишет Дэвис, произошли события, которые можно считать первыми шагами в истории развития советско-американского конфликта в связи с Восточной Европой. Летом 1941 г. в Вашингтоне начали циркулировать слухи о том, что СССР и Англия достигли секретного соглашения по территориальным и политическим вопросам послевоенного устройства Восточной Европы. "Сообщения говорили, что Советский Союз намерен поддерживать восстановление независимых польского, чехословацкого и югославского государств по завершении войны, признать национальные комитеты, образованные из польских, чехословацких и югославских заключенных, находившихся в Советском Союзе, и таким образом обеспечить господствующее русское влияние" (с.11).

Госдепартамент США был чрезвычайно встревожен этими сообщениями. Его руководители опасались возможности повторения той ситуации, с которой США столкнулись после первой мировой войны, когда В. Вильсон неожиданно обнаружил, что Англия и Франция уже в ходе войны заключили секретные соглашения о послевоенном мире. Поэтому госдепартамент рекомендовал Рузвельту потребовать от англичан заверений в том, что до окончания войны не будут заключены никакие секретные соглашения, предусматривающие решение политических и территориальных проблем послевоенного урегулирования. Договоренность об этом была достигнута, и вышеуказанные обязательства были зафиксированы в Атлантической хартии, подписанной правительствами США и Англии летом 1941 г. Несмотря на то что провозглашенные в ней принципы носили весьма абстрактный и расплывчатый характер, "эти принципы были вскоре приняты как базис послевоенного мира и стали впоследствии определять американскую политику в Восточной Европе" (с.17).

В декабре 1941 г. Сталин на переговорах с Иденом предложил подписать секретный советско-английский протокол о будущих границах Восточной Европы. От Англии требовалось признать советскую территорию в границах 1941 г.

Это предложение вызвало протест госдепартамента, так как США осенью 1941 - весной 1942 гг. проводили политику "последовательной оппозиции" территориальным требованиям СССР и намерению Англии "подписать со Сталиным договор, по которому Англия и Советский Союз взаимно признали бы целостность территорий друг друга в границах, существовавших накануне нападения Гитлера" (с.30).

Советско-английские переговоры были продолжены в мае 1942 г. в Лондоне. Протекали они с большими сложностями. Английское руководство не могло согласиться с формулировками, которые противоречили его позиции по вопросу советско-польской границы. В результате переговоры зашли в тупик, и Иден предложил подписать чисто военный договор.

В том виде, в котором предлагал его Советский Союз, договор был неприемлем и для Соединенных Штатов, о чем американский посол в Лондоне Вайнант сообщил Молотову. "После бесед с Вайнантом Молотов неожиданно заявил Идену, что он будет рекомендовать Сталину договор без упоминания территориальных соглашений, и 26 мая такой чисто военный договор был подписан. Причины этого кажущегося внезапным изменения остаются неясными" (с.36).

Подписание советско-английского договора без пунктов, предусматривавших соглашения по территориальным вопросам, рассматривалось американским руководством как победа внешней политики США, основанной на принципах Атлантической хартии и выступавшей за то, чтобы решение всех политических и территориальных вопросов было отложено до конца войны. "Однако решение Сталина подписать с Великобританией договор чисто военного плана не означало, что Советский Союз отказался от своих целей в Восточной Европе. Соединенным Штатам еще предстояло столкнуться с советскими политическими и военными требованиями в этом районе" (с.37).

Обращаясь во второй главе к "польской проблеме" в советско-американских отношениях 1941-1943 гг., Дэвис подчеркивает, что "разногласия между польским эмигрантским правительством в Лондоне и Советским правительством... угрожали подорвать единство военного союза против Германии" (с.38). Советский Союз требовал признания советско-польской границы 1941 г., против чего категорически возражали эмигрантские лидеры Польши.

Польское правительство, начиная с 1941 г., неоднократно обращалось к США с просьбами о помощи и поддержке в их спорах с Советским Союзом. Американские руководители, опасаясь повредить советско-американскому военному сотрудничеству и быть обвиненными во вмешательстве во внутренние дела Польши, стремились остаться в стороне от советско-польского спора. Госдепартамент "в очень общих выражениях сооб-

шал советским представителям о заинтересованности США в разрешении многих сложных проблем, существовавших в отношениях между Советским и польским правительствами" (с.40), но отказывался предпринять что-либо реальное в поддержку поляков¹⁾.

Госдепартамент считал, что теперь главным условием восстановления советско-польских отношений, которое выдвигали русские, была реорганизация польского правительства, но не хотел поддерживать советское давление на поляков в этом направлении. США пытались в своей польской политике совместить поддержку принципов Атлантической хартии с развитием событий в Восточной Европе, что им плохо удавалось. В результате, позиция США в польском вопросе была весьма смутно определенной и оставалась на протяжении первых трех лет войны практически неизменной. Американские руководители полагали, что их политика, направленная на то, чтобы воспрепятствовать как советским требованиям признания границ 1941 г. и реорганизации польского правительства, так и требованиям поляков поддержать их в споре с СССР, позволит США остаться в стороне от этого спора. В действительности же она соответствовала интересам польского правительства и противоречила интересам СССР. США в 1943 г. фактически воспротивились советским требованиям в отношении Польши, и разногласия между советским и американским правительствами стали углубляться.

Парадокс ситуации состоял в том, что на деле не было глубоких противоречий в позициях СССР и госдепартамента, склонявшегося к принятию советских условий. "Конфликт был вызван не существом проблемы, но американскими обязательст-

¹⁾ 25 апреля 1943 г., после того как польское эмигрантское правительство стало поддерживать антисоветскую клевету, фабриковавшуюся ведомством Геббельса, и прекратило на деле союзные отношения с СССР, Советское правительство прервало отношения с польским эмигрантским правительством - Прим. реф.

вами отсрочить решение всех политических и территориальных вопросов до конца войны". Вместо сотрудничества между СССР и США происходило обострение отношений (с.61).

Третья глава книги посвящена рассмотрению того, как американское руководство представляло себе будущее Восточной Европы и послевоенную политику СССР в отношении этого региона. Американские эксперты считали, что главные цели Советского Союза заключаются в "укреплении национальной безопасности, восстановлении границ 1941 г. и образовании дружественных правительств в соседних странах" (с.62). Представления США о послевоенной политике СССР в Европе были в целом неясными и противоречивыми. Было ясно лишь то, что Советский Союз будет требовать восстановления своих границ 1941 г. и противиться созданию в Европе любого блока государств, который бы не находился под его влиянием, и что Соединенным Штатам придется столкнуться после войны с возросшей силой СССР в Восточной Европе.

Политика США в отношении Восточной Европы была сформулирована еще более смутно. Американские руководители никогда не задавались вопросом: какие же интересы США имеют в этом регионе и насколько эти интересы противоречат интересам СССР. Восточноевропейская политика США определялась принципами Атлантической хартии, но никто не задумывался о том, насколько эти принципы соответствуют действительным американским интересам и как они могут быть воплощены на практике.

В 1941-1943 гг. не было конфликта, пишет автор книги, "между ролью СССР в Восточной Европе, в том виде как представляло ее себе американское руководство, и ролью самих США в послевоенном мире", но был "потенциальный конфликт" в связи с "настоячивым желанием США воплотить в жизнь принципы Атлантической хартии" (с.87).

В четвертой главе Дэвис возвращается к проблемам Польши. На протяжении 1944 г., пишет он, советско-польский спор

продолжал занимать центральное место в политике США, связанной с восточноевропейскими государствами. Советский Союз требовал признания советско-польской границы по линии Керзона и усиливал атаки на польское эмигрантское правительство. Англия, особо заинтересованная в разрешении польской проблемы, продолжала безуспешные попытки примирить враждующие стороны. "Единственно", чего удалось добиться Черчиллю от Сталина в Тегеране, было заявление о том, что Советское правительство готово восстановить отношения с лондонскими поляками. Все действия Англии добиться какого-то соглашения между Советским и польским правительствами ни к чему не привели. В январе 1945 г. Советский Союз признал ПКНО и "разрыв между советским и польским правительствами казался теперь непреодолимым" (с.93).

Американское руководство, по-прежнему выступавшее за отсрочку всех политических и территориальных вопросов до конца войны, оставалось в польском вопросе на старых позициях. Зимой 1944 г. Рузвельт после безуспешного обращения к Сталину, предпринятого с целью добиться согласия СССР на решение польского вопроса "в духе Тегеранской конференции", стал склоняться к одобрению советских требований к польскому правительству. Однако из-за сопротивления сотрудников госдепартамента "высказывания Рузвельта в пользу реорганизации польского правительства и принятия линии Керзона не были преданы гласности и никто не сообщил русским, что президент Рузвельт уже больше не был против советских территориальных требований к Польше" (с.103).

Внимание американского руководства к польской проблеме, несколько ослабевшее весной и летом 1944 г. в связи с высадкой во Франции, вновь усилилось осенью 1944 г. Варшавское восстание и связанные с ним события привели к обострению американско-советских отношений. Госдепартамент, констатируя, что прежняя политика США в польском вопросе приводит к конфликту с СССР, стал рассматривать возможность пе-

решения своей позиции и внесения изменений в свою политику. Однако такие изменения так и не были сделаны. США продолжали поддерживать польское эмигрантское правительство и в результате "к 1945 г. в советско-американском сотрудничестве военного времени появилась серьезная трещина" (с.125).

Главной причиной того, что политика США в польском вопросе не претерпела в 1944 г. изменений, Дэвис считает существовавший характер принятия внешнеполитических решений США. Лица, ответственные за разработку политики США в отношении Польши, "считали, что выполнение принципов Атлантической хартии обеспечит мир после войны" (с.132). Эти принципы были их детищем, и они были против любых попыток отхода от принципов Атлантической хартии. На советско-польский спор они смотрели как на *test-case* возможности послевоенного советско-американского сотрудничества, не предполагая, что и Советский Союз может смотреть на польскую проблему точно так же. В результате, мнение Рузвельта в пользу одобрения советских требований не было принято госдепартаментом во внимание, и "политика США осталась неизменной... На протяжении 1944 г. американские официальные лица не отдавали себе отчета в том, какую цену платят США за поддержку принципов Атлантической хартии и обусловленную этим отсрочку признания советских условий... Позиция США была по существу почти такой же, как эмигрантского польского правительства, и Соединенные Штаты оказались вовлеченными в открытое столкновение с Советским Союзом по польскому вопросу" (с.139).

Повышенное внимание США к польской проблеме не означало, что Соединенные Штаты не заинтересованы в будущем других восточноевропейских стран. Внимание американского руководства, пишет Дэвис в следующей главе, привлекали также "потенциальный конфликт между политикой Англии и СССР в Восточной Европе, возможное разделение этого региона на английскую и советскую сферы влияния, а также внутривнутриполитический хаос, возникший во всех этих странах" (с.140).

В конце мая 1944 г. Черчилль обратился к Рузвельту с предложением одобрить временное советско-английское соглашение, по которому Советский Союз нес бы в основном ответственность за Румынию, а Великобритания за Грецию. Госдепартамент считал, что заключение такого соглашения было бы равносильно установлению сфер влияния в Европе, против чего выступали США, рассматривая подобную политику как проявление дипломатии, основанной на балансе сил, и полагая, что она может привести к новой войне. Госдепартамент поэтому рекомендовал отвергнуть британское предложение. Однако Рузвельт без ведома госдепартамента согласился на заключение такого соглашения на трехмесячный срок при условии, что оно не будет рассматриваться как разделение Европы на сферы влияния.

США встали перед необходимостью как-то ответить на заключение этого соглашения. Однако американские руководители решили, что лучшим выходом для них будет игнорировать факт заключения соглашения, с содержанием которого они не могли согласиться. "В 1944 г. проявилась очевидная противоречивость политики США в отношении восточноевропейских стран. Противясь в принципе установлению сфер влияния в Европе, правительство США своими действиями и бездействием практически согласилось на установление советской сферы влияния в Восточной Европе" (с.170). Противоречия в позициях СССР и США и возможности возникновения советско-американского конфликта не изменили американской политики невмешательства. "Руководители США, по всей вероятности, никогда не думали, что через свою политику отсрочки и невмешательства они придут к ситуации, в которой им придется приспосабливать действительность к своим принципам и столкнуться с *faits accomplis*, которое сделает невозможным выполнение их целей" (с.171).

В шестой главе рассмотрены ход и характер обсуждения вопросов Восточной Европы на Ялтинской конференции. Амери-

канские руководители, и в частности Рузвельт, пытались на конференции разрешить те противоречия, которые существовали между целями США в этом районе и "попытками Англии разделить Европу на зоны безопасности, а также стремлением СССР контролировать установление послевоенных границ и состав польского правительства" (с.172).

Одним из главных вопросов на конференции был польский вопрос. Великие державы сравнительно быстро и легко пришли к соглашению по вопросу восточной польской границы, но вопрос о составе будущего польского правительства вызывал серьезные разногласия. "Советский Союз настаивал на реорганизации существующего польского люблинского правительства путем включения в него заграничных поляков... Американское и английское правительства выступали за создание полностью нового польского правительства из представителей различных политических групп в Польше и вне ее" (с.180). В результате, было достигнуто компромиссное решение, и в коммюнике конференции говорилось как о "новом", так и "реорганизованном" польском правительстве.

На конференции Рузвельт предложил также, чтобы СССР и Англия "приняли принципы, которыми США руководствовались в своей политике по отношению к Восточной Европе на протяжении всей войны, а именно: совместная ответственность союзников за проблемы освобожденной Европы, образование независимых правительств и проведение свободных выборов. Англия и СССР быстро согласились", и указанные принципы были зафиксированы в Декларации об Освобожденной Европе, принятой конференцией (с.185).

Кроме этого вопроса и польской проблемы на конференции были решены вопросы оккупации и контроля над Германией, войны с Японией, образования всемирной организации безопасности. Рузвельт был чрезвычайно удовлетворен и, добившись этих результатов, был, казалось, совершенно не заинтересован в решении отдельных вопросов, связанных с Восточной Европой,

которые поднимали англичане. На конференции он выполнял, в некотором роде, роль посредника между Черчиллем и Сталиным. Следует отметить также, что американский президент в Ялте отошел от ряда прежних положений американской политики в Европе, и, в частности, согласился на признание линии Керзона и реорганизацию польского правительства. "Это, однако, не было радикальным отходом от главных целей... но скорее изменением средств для достижения этих целей" под влиянием развития событий в Восточной Европе, которое угрожало обострить конфликт между союзниками и сделать невозможным претворение в жизнь принципов Атлантической хартии (с.198-199).

В результате встречи в Ялте, обострения конфликта между союзниками по вопросам Польши, а также конфликта, вытекавшего из приверженности США Атлантической хартии и "стремления СССР установить в Восточной Европе сферу своего влияния, создав там дружественные правительства", не произошло. Этот потенциальный конфликт был разрешен присоединением Советского Союза к Декларации об Освобожденной Европе (с.201).

В седьмой главе Дэвис рассматривает проблемы Польши. Вскоре после Ялты выяснилось, что за фасадом соглашений конференции "скрываются прежние противоречия между намерением СССР установить в этой стране свое влияние и желанием США и Англии добиться восстановления сильной независимой и демократической Польши" (с.202).

По решению конференции была создана трехсторонняя комиссия для разрешения спорных вопросов образования временного польского правительства. После того как английский представитель отказался принять советское предложение о первоочередном приглашении для консультаций в Москву членов люблинского правительства, работа комиссии зашла в тупик. "Стало очевидным, что разные толкования Ялтинских соглашений, выразившиеся в разногласиях по поводу первоочередного приглашения на консультации варшавских поляков и состава польской делегации из Лондона, отражают коренные

расхождения между союзными правительствами по вопросам политического будущего Польши" (с.212).

В Вашингтоне полагали, что СССР, ослабленный в ходе войны и заинтересованный в помощи Запада, "не порвет с США из-за Польши", но, напротив, будет вынужден отступить и принять американские требования. "Победила точка зрения, что США не потеряют ничего, но выиграют все, предприняв акции против действий СССР в Польше" (с.222).

Для того чтобы заставить СССР принять американские условия решения польской проблемы, США были готовы предпринять "все возможные меры воздействия" на Советский Союз. Эти меры выразились в дипломатическом давлении на Советское правительство путем совместных англо-американских демаршей, в ходе дискуссий министров иностранных дел, во время бесед Трумэна с Молотовым в апреле 1945 г. Однако все эти меры не имели результатов. Советский Союз "был твердо уверен в том, что Ялтинские соглашения предусматривают реорганизацию существующего Варшавского правительства и консультации в первую очередь с его-лидерами" (с.228). Советско-американский конфликт по Польше обострился. "Тупик, который явно проявился в обмене риторическими посланиями по Польше в конце апреля 1945 г., был результатом пропасти, существовавшей между политическими позициями" США и СССР в польском вопросе (с.229).

Две последующие главы книги посвящены положению в странах — бывших сателлитах Германии. Уже в первые месяцы после Ялты стало очевидным, что выполнение решений конференции об образовании в этих странах представительных и демократических правительств на основе проведения свободных выборов, сопряжено с большими трудностями.

В марте 1945 г. прибывший в Бухарест Вышинский потребовал от короля Михая отставки правительства Радеску и назначения премьер-министром Грозу. Оправдывая эту акцию, Советский Союз утверждал, что правительство Радеску сотрудни-

чало с прогитлеровскими элементами и было неспособно "установить порядок и спокойствие в тылу Красной Армии" (с.261).

В Болгарии коммунисты занимали важнейшие посты в правительстве Отечественного фронта. Когда в мае 1945 г. США предложили провести союзные консультации по вопросам проведения в стране свободных выборов, эти предложения были отклонены Советским Союзом под предлогом того, что болгарское правительство не собирается проводить выборы в ближайшее время, и в связи с тем, что нет никаких оснований для иностранного вмешательства во внутренние дела этой страны.

Советско-американский конфликт по вопросам стран - бывших сателлитов Германии не был разрешен и в Потсдаме. В ходе конференции "главным предметом спора оставался вопрос о признании союзниками правительств в Румынии, Болгарии и Венгрии" (с.292). Западные союзники не хотели в этом вопросе идти на уступки, а Советский Союз отклонял все предложения о реорганизации болгарского и румынского правительств. Дискуссии ни к чему не привели, однако, когда разногласия стали угрожать единству союзников, стороны, хотя и не изменив своих позиций, не допустили официального разрыва. После Потсдама положение осталось прежним. США продолжали делать риторические заявления о необходимости проведения свободных выборов в Румынии и Болгарии, но не решались прибегнуть к жестким мерам для осуществления своих целей.

"В августе 1945 г. конфликт между американским и Советским правительствами по вопросам политического будущего Румынии и Болгарии, который не был разрешен в Потсдаме, обострился. Туманно составленные Потсдамские соглашения, сопровождавшиеся заявлениями американских руководителей о намерении США поддерживать принципы Декларации об Освобожденной Европе, были восприняты лидерами оппозиции в Румынии и Болгарии и американскими представителями в этих странах как свидетельство того, что США намерены действовать для достижения своих целей" (с.312). Однако, спровоцировав

по существу действия оппозиции в этих странах, США не поддержали их решительными мерами, а вместо этого обратились к СССР с предложением разрешить все проблемы, связанные с Румынией и Болгарией, на основе польского прецедента. Молотов на Лондонской сессии СМВД подчеркивал, что СССР не допустит в Восточной Европе враждебных ему правительств и не намерен реорганизовывать правительства в Румынии и Болгарии. Он также обвинял США в поддержке враждебных Советскому Союзу элементов в этих странах и говорил, что отказ американского руководства признать румынское и болгарское правительства объясняется его нежеланием видеть в восточно-европейских государствах дружественные СССР правительства. Информация о разногласиях союзников была передана гласности, и "конфликт между США и СССР, затухавший в Потсдаме, вновь стал очевидным" (с.319).

Несмотря на то что на совещании министров иностранных дел в Москве были достигнуты некоторые договоренности по Болгарии и Венгрии, они не решили проблемы и "лишь навели глянец на существующий конфликт" (с.329). Ни одно из правительств не отказалось от своих целей. "После 1945 г. конфликт между США и СССР по вопросам Восточной Европы возрос до таких размеров, что американские руководители стали рассматривать действия СССР в этом районе как свидетельство намерений Советского Союза распространить свое господство и за пределы Восточной Европы и контролировать весь мир" (с.334).

В заключительной главе рассмотрены вопросы Югославии и Чехословакии. "Правительства Тито в Югославии и Бенеша в Чехословакии проводили исключительно дружественную политику в отношении СССР", и поэтому проблемы заключения с этими странами мирных договоров или изменения состава правительств не существовало (с.335).

В Югославии партизаны Тито сохраняли эффективный контроль над освобожденной территорией, создали мощную полити-

ческую организацию и усиливали власть по всей стране. Тито и премьер эмигрантского правительства Шубашич заключили соглашение об образовании единого югославского правительства, которое, однако, еще не было проведено в жизнь из-за сопротивления короля Петра. Англия и Советский Союз настаивали на скорейшем выполнении соглашения и хотели, чтобы США поддержали их инициативы в этом направлении. Американское правительство не было склонно поддерживать англо-советские предложения. В документах госдепартамента в январе 1945 г. подчеркивалось, что "Советское правительство не показало особой заинтересованности в том, чтобы узнать, что думают США о положении в Югославии. Оно имеет свои планы и намерено выполнять их" (с.345). Англичане же, говорилось в документах, стремятся заручиться поддержкой США, чтобы за фасадом "союзных" действий возложить на США часть ответственности за те события, которые происходят в Югославии. Поэтому США должны сохранить независимость от советской и британской политики и избегать вовлечения в ситуацию, при которой СССР и Англия смогут при поддержке США проводить политику, отвечающую их интересам в ущерб целям Соединенных Штатов.

После рекомендаций Ялтинской конференции Тито и Шубашичу ввести в жизнь их соглашение единое югославское правительство было наконец образовано. Госдепартамент рекомендовал поставить в Потсдаме вопрос о выполнении в Югославии принципов Декларации об Освобожденной Европе. Однако после того как Сталин в ходе конференции заявил, что "Ялтинские соглашения в Югославии выполняются, и воспротивился поэтому какому-либо обсуждению югославского вопроса без участия самих югославов", вопрос был снят с повестки дня конференции (с.348).

Иной была политическая ситуация в Чехословакии. Правительство Бенеша избегало каких-либо трений с кем бы то ни было из союзников, и в этой стране существовали наилучшие условия для претворения в жизнь принципов, которые под-

держивали США. Этому способствовал и тот факт, что на западе Чехословакии находились американские войска. Они могли продвинуться в глубь страны и освободить Прагу раньше русских, что не было сделано из-за нежелания американских генералов Эйзенхауэра и Маршалла подчинять вопросы стратегии политическим вопросам.

В июне 1945 г. Бенеш потребовал вывода американских войск из Чехословакии. "Ни внутренние условия в Чехословакии, ни основные проблемы военной безопасности не требовали нахождения в Чехословакии американских войск... Однако американское правительство отказалось вывести свои войска без одновременного удаления из Чехословакии советских войск" (с.364). Руководствуясь политическими соображениями, правительство США отказывалось вывести свои войска из этой страны, и только в ноябре 1945 г. было принято решение об их выводе из Чехословакии. Сообщая об этом решении Сталину, Трумэн предложил одновременно вывести и советские оккупационные части. Советское правительство согласилось, и к 1 декабря 1945 г. из Чехословакии были выведены все американские и советские войска.

В.Е.Романов

ЛУНДЕСТАД ДЖ.

АМЕРИКАНСКАЯ АПОЛИТИЧНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ,
1943-1947 ГГ.: УНИВЕРСАЛИЗМ В ОБЛАСТИ НЕСУЩЕСТВЕННЫХ
ИНТЕРЕСОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

LUNDESTAD G.

The American non-policy towards Eastern Europe 1943-1947:
Universalism in an area not of essential interest to the
United States. - Tromsø etc.: Universitetsforl., 1978. -
654 p. - Bibliogr.: p.616-645.

Монография норвежского историка Дж.Лундестада (University of Tromsø) представляет собой исследование политики США в Восточной Европе в период 1943-1947 гг. Значительное место в ней отведено освещению отношений между США и СССР на заключительном этапе второй мировой войны. Как указывает автор, работа имеет целью рассмотреть один из аспектов проблемы о происхождении "холодной войны" в связи с борьбой великих держав за послевоенное устройство Европы.

Касаясь особенностей политики США в Венгрии в 1944-1947 гг., автор рассматривает содержание советско-американских отношений и постепенное назревание конфликта между союзниками.

В конце 1944 г. государственный департамент решил, что американские вооруженные силы не примут участие в оккупации Венгрии. Столь одержанная политика была отчасти результатом военных событий: продвижение западных союзников через Италию в направлении Венгрии было приостановлено ожесточенным германским сопротивлением в Италии, в то время как советские войска достигли значительного успеха на Восточном фронте. Вместе с тем американская политика в Венгрии определялась нежеланием Вашингтона быть вовлеченным в дела на Балканах.

Некоторые политические деятели в Вашингтоне, в том числе помощник государственного секретаря Берл и политический советник генерала Эйзенхауэра Мерфи, указывали на неизбежность конфликта между советской позицией и американскими целями в Венгрии и настаивали на более активной политике государственного департамента в венгерских делах. Однако государственный департамент заявил, что американское присутствие в Венгрии будет ограниченным, хотя было очевидно, что Вашингтон имеет больший интерес в делах Венгрии, чем Румынии и Болгарии.

Для развития американо-венгерских отношений американские политики считали главным образование в Венгрии независимого правительства. "Для Соединенных Штатов были одинаково неприемлемы как продолжение режима Хорти, так и реставрация Габсбургов" (с.116). В перспективе для Вашингтона было желательным формирование "временного правительства всех демократических сил в Венгрии" (с.116). В военный период государственный департамент проявлял интерес к движению Сопротивления в Венгрии, однако не хотел себя связывать с какой-либо отдельной его группировкой. США оказывали некоторую поддержку группе венгерских дипломатов, которые участвовали в движении Сопротивления. Эта группа не была официально признана Соединенными Штатами, но ей было разре-

но пользоваться американскими каналами связи. Однако, когда дипломаты попытались использовать свои преимущества в целях политической кампании против левых сил, США отказали им в поддержке.

Суммируя свои политические рекомендации в отношении Венгрии, государственный департамент указывал, что для осуществления социальной и политической демократизации страны и установления контроля над силами реакции необходимо проведение новых демократических выборов и аграрной реформы.

В связи со взглядами союзников на послевоенное экономическое развитие Европы в целом и Венгрии в частности много споров между ними вызвал вопрос о репарационных обязательствах Венгрии.

Статья 18 договора о перемирии с Венгрией предусматривала, что окончательное заключение мирного договора будет проходить под председательством советского высшего командования при участии представителей Великобритании и США. Согласование текста договоров было решено обсудить на конференции сторон, активно участвовавших в освобождении Европы.

При обсуждении содержания мирного договора выдвинутые Советским Союзом требования о возмещении Венгрией ущерба СССР и другим странам встретили противодействие со стороны США.

Соединенные Штаты исходили из того, что противоречия между теми странами, которые надеются использовать большие репарации для урегулирования собственной экономики, и теми странами, которые не получают ничего, неизбежны. Вместе с тем Вашингтон стоял за снижение репараций, потому что высокие репарации, без сомнения, ослабят нормализацию здоровых торговых отношений. Наконец, государственный департамент был против предоставления Советскому Союзу слишком большой власти над венгерской экономикой, а репарации стали бы, конечно, одним из средств контроля над экономикой Венгрии.

В результате давления со стороны Великобритании Сталин

согласился, что репарации составят 300 млн.долл., 100 млн. долл. из которых отойдут Чехословакии и Югославии. Государственный департамент не желал идти на обострение отношений с союзником, поэтому, когда СССР выступил против дальнейшего пересмотра мирного договора, государственный департамент согласился принять договор с небольшими оговорками по статье 13 о репарациях, цель которых - дать возможность поднять вопрос о репарациях позднее.

Американские экономические интересы в Венгрии определялись не только отношением к репарациям, но и американскими инвестициями в этой стране.

Рассматривая политику США в Чехословакии в послевоенный период, автор выясняет отношение Вашингтона к правительству Бенеша в связи с вопросом о возможности для Чехословакии развития по среднему пути между Востоком и Западом.

Первая дискуссия с администрацией Рузвельта о послевоенном устройстве Чехословакии возникла в связи с визитом Бенеша в США в мае-июне 1943 г. Бенеш смотрел на поездку в США как на акт укрепления международного престижа Чехословакии. Хотя в начальный период войны мюнхенский вопрос осложнил американско-чехословацкие отношения, во время визита Бенеша в США обе стороны остались удовлетворены результатами переговоров. В августе 1944 г. американская сторона в вопросе о германско-чехословацкой границе придерживалась того мнения, что Чехословакия должна сама решать, удовлетворять ли притязания Германии на те территории Чехословакии, где немцы составляют большинство.

Существует предположение, что между Чехословакией и американской администрацией Рузвельта имели место противоречия в отношении советско-чехословацкого договора о сотрудничестве. Бенеш позднее утверждал, что Рузвельт и государственный департамент одобрили договор. Американские источники сообщают, что договор даже не обсуждался во время визита Бенеша. В действительности, как считает автор, Бенеш только выразил

желание более тесного сотрудничества с СССР, не касаясь темы договора. Тем не менее было ясно, что Вашингтон отрицательно относится к договору, рассматривая его как акт советской экспансии в восточноевропейском регионе.

"Период в течение 1944 г. и первых месяцев 1945 г. явился кульминационным периодом наведения мостов между Западом и Востоком. Чехословацкое правительство в эмиграции поддерживало одинаково дружеские отношения как с Вашингтоном, так и с Москвой" (с.151). Политические деятели США допускали, что для Чехословакии естественно пользоваться помощью Москвы в военных вопросах не только в течение войны, но и в послевоенное время. Это не означало, что Соединенные Штаты были готовы уступить Чехословакию советскому влиянию. Такая позиция США основывалась на допущении того, что в силу географических и военных причин основная тяжесть по освобождению Чехословакии должна лежать на Красной Армии. В то же время государственный департамент надеялся, что в послевоенное время универсальным средством для обеспечения национальной безопасности Чехословакии станет вновь созданная международная организация и вследствие этого советско-чехословацкий договор потеряет свое значение.

Эволюция в сторону улучшения американо-чехословацких отношений продолжалась в начале 1945 г. В заявлении перед Ялтинской конференцией государственный департамент подчеркнул, что американо-чехословацкие отношения развиваются в прежней атмосфере взаимопонимания. Заявление государственного департамента, что Чехословакия должна принять участие в международной экономической жизни на принципах свободной экономики, показало, что США преследуют определенные экономические и политические цели в Чехословакии.

Своеобразие политического развития Финляндии в послевоенный период определило в основном американо-финляндские отношения. На Потсдамской конференции в вопросе об ответственности бывшего германского сателлита Финляндии все великие

державы выразили свое удовлетворение ее решениями. Поэтому после того, как СССР в августе 1945 г. первым восстановил дипломатические отношения с Финляндией, США также решили признать Финляндию. В то же время государственный департамент официально выразил свое удовлетворение результатами выборов в Финляндии и представительным характером финляндского коалиционного правительства. После окончания войны и избрания правительства в Финляндии Соединенные Штаты предприняли активные действия по восстановлению экономических отношений. В августе-сентябре были осуществлены первые поставки американского Красного Креста в Финляндию, а в декабре финны выразили желание получить от Экспортно-импортного банка США кредит в сумме 35 млн.долл. в дополнение к специальному кредиту в сумме 5 млн.долл. Проявив заинтересованность в экономических делах Финляндии, Соединенные Штаты преследовали также политические задачи - нейтрализовать советское влияние. Поэтому, когда в феврале 1946 г. Финляндия подписала соглашение с США, по которому Хельсинки получали американский кредит, это было первым случаем оказания помощи одной из стран Восточной Европы Экспортно-импортным банком. В то же время Бирно на Московском совещании трех министров иностранных дел должен был заверить советскую сторону, что американская экономическая помощь не мешает развитию советско-финских отношений.

Политическое устройство послевоенной Финляндии вполне устраивало США, которые рассматривали ее как модель, одинаково приемлемую для обеих сторон в "холодной войне". Как полагали политики в Вашингтоне, политический крен влево уже не мог произойти в Финляндии после того, как в марте 1946 г. Паасикиви стал президентом, а левый социалист Пеккала занял кресло премьера, хотя коммунисты контролировали 6 из 18 постов в правительстве и держали в своих руках министерство внутренних дел.

"США пытались обеспечить финансовую независимость Фин-

ляндии от СССР не только с помощью кредитов, но и путем сокращения репараций, выплачиваемых Советскому Союзу" (с.293). Москва согласилась продлить срок выплаты репараций с 6 до 8 лет. На Парижской мирной конференции США поддержали желание Финляндии уменьшить сумму репараций до 100 млн.долл., но предложение было высказано в такой форме, что, казалось, вызвало беспокойство в Хельсинки. Это выглядело так, будто Финляндия получает помощь на Западе против Москвы. США не могли вынести это предложение на голосование и голосовали против статьи о репарациях в целом. Однако, поскольку США не подписали соглашения о перемирии с Финляндией, Великобритания и Советский Союз играли определяющую роль на конференции по этому вопросу.

При заключении мирных договоров с бывшими сателлитами Германии решающую роль сыграло то, что СССР контролировал территории Болгарии, Румынии и большую часть Венгрии. Администрация Трумэна не могла изменить положение, а поэтому направила усилия на ограничение коммунистического влияния в Италии.

В 1947 г. государственный секретарь США Дж.Маршалл представил план экономического восстановления Европы, который основывался на возросшем интересе Соединенных Штатов к Западной Европе как в экономическом, так и в политическом отношении. Восточная Европа исключалась из американского плана помощи, хотя в июне 1947 г. еще предполагалось привлечь к нему Финляндию.

В мае - июне 1947 г. в отношении плана оживления европейской экономики сформировались две позиции, которые различались также с точки зрения участия Восточной Европы в плане помощи.

Точку зрения меньшинства выразил помощник государственного секретаря по экономическим делам У.Клейтон. Другую точку зрения представлял Дж.Кеннан, советник посольства США в Москве 1945-1947 гг.

Главное различие двух позиций с точки зрения отношения к Восточной Европе заключалось в том, что группа Кеннана с самого начала проявила больше заинтересованности к включению в план Маршалла не только СССР, но и остальных стран Восточной Европы. Если бы Советский Союз решил присоединиться к плану Маршалла, "это позволило бы Соединенным Штатам влиять на советское экономическое планирование" (с.403). Соединенные Штаты передали инициативу действия Великобритании и Франции, которые пригласили Советский Союз на совещание в Париж.

После отказа Москвы принять участие в совещании некоторые политики в Вашингтоне, Париже и Лондоне еще ожидали, что другие страны Восточной Европы присоединятся к плану Маршалла. Первоначально Польша и Чехословакия решили послать свои делегации на Парижскую встречу, но после того как стало ясно, что участие в конференции будет отрицательно воспринято советской стороной, восточноевропейские страны уклонились от участия в работе конференции.

Тем не менее США и особенно Западная Европа еще надеялись наладить торговые отношения с Восточной Европой в нестратегических областях. Однако введение запретов на американскую торговлю с Восточной Европой надолго приостановило развитие экономических связей с Восточной Европой.

На осуществление плана Маршалла Москва ответила заключением новых торговых договоров со странами восточноевропейского региона.

Американская политика универсализма в отношении Восточной Европы несколько видоизменилась под влиянием таких факторов, как разделение Европы на сферы военной ответственности. Наиболее важным для политиков Вашингтона представлялся контроль над ключевыми территориями Восточной Европы, даже теми, где американские интересы были незначительны.

Универсализм наряду с другими политическими принципами попеременно влиял на американскую политику в течение перио-

да 1943–1947 гг. Так, когда стало ясно, что Советский Союз не допустит компромиссов в пограничных с ним странах, Бирнс на встрече в Москве должен был пересмотреть американскую политику универсализма и объявить, что признает правительство в Бухаресте и Софии.

Влияние универсализма можно усмотреть во всех протестах США против развития событий в странах Восточной Европы. Особенно много усилий администрация Трумэна приложила для укрепления позиции правительства Надя в Венгрии и предотвращения распространения коммунистического влияния в стране.

Влияние политики универсализма сказалось на советско-американских отношениях. По мере того, как США теряли свои позиции в Восточной Европе, стала расти напряженность в советско-американских отношениях. "Быстроту и интенсивность, с которой возникло соперничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом, можно объяснить принципиальным различием их политических и экономических систем" (с.431).

Характеризуя в целом развитие советско-американских отношений после второй мировой войны, автор указывает, что сразу же с окончанием войны они претерпели существенные изменения: с победой над Германией исчезла основа для сотрудничества. Вместе с тем необходимость решить ряд вопросов, связанных с заключением мирных договоров, некоторое время удерживала страны от прямой конфронтации.

М.А. Михайлов

АНАЛИС Д.Т.

БАЛКАНЫ, 1945-1960: ЗАХВАТ ВЛАСТИ

ANALIS D.T.

Les Balkans, 1945-1960: La prise du
pouvoir. - P.: Presses univ. de France,
1978. - 269 p. - Bibliogr.: p.247-263.

Ind.: p.265-269.

Автор реферируемой монографии Димитри Аналис, грек по национальности, - доктор политических наук, сотрудник французской буржуазной газеты "Монд".

Целью книги, по определению автора, является исследование основных этапов политического развития стран Балканского полуострова в период с конца второй мировой войны до 1960 г. Большое место в книге занимает анализ внешнеполитической деятельности СССР в этом регионе, его роли в формировании там новых "политических режимов". Реферат отражает главным образом содержание первой части книги, в которой наряду с вопросами политического и экономического развития Балканских стран освещается внешняя политика Советского Союза на Балканах в конце войны и в первые послевоенные годы.

Вторая часть книги охватывает период с 1950 по 1960 г.,

который автор называет периодом "стабилизации и развития". В третьей части Д.Аналис останавливается на двух проблемах — "кипрском вопросе" и "югославском самоуправлении".

Источниковедческой базой работы послужили опубликованные документы (материалы отдельных съездов КПСС и коммунистических партий Балканских стран, конституции этих стран, работы видных политических деятелей), обширная мемуарная литература, материалы прессы. Д.Аналис широко использует работы буржуазных исследователей, однако полностью игнорирует советскую и зарубежную марксистскую литературу по истории стран Балканского полуострова.

Перед тем как начать анализ политической обстановки на Балканах по странам, автор делает ряд замечаний общего порядка. Разделяя мнение преобладающего числа буржуазных авторов о том, что революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы произошли — де лишь в результате прихода туда Советской Армии и что уже с конца войны начинается, мол, их насильственная "советизация", Д.Аналис отмечает, что до сих пор большинство исследователей смешивает понятия "Балканы" и "Восточная Европа". Москва, пишет автор, видит эту разницу. Политика Советского Союза на Балканах всегда была относительно мягкой. После войны Советская Армия ни разу не ступала на территорию полуострова. Причина различия в отношении СССР к Балканским и восточно-европейским странам кроется, согласно автору, в "политико-военной области": Восточная Европа — важный стратегический район, который одновременно отделяет Советский Союз от Запада и соединяет его с ним — включена Москвой в систему обороны против западноевропейских стран и США. Другая причина относительно большей "независимости" Балканских стран от Москвы связана с путями освобождения их от гитлеровской оккупации. В отличие от стран Восточной Европы Балканы, по мнению автора, сбросили фашистское иго не столько благодаря приходу русских войск, сколько благодаря партизанской войне. "Кроме восточной части

полуострова, который был освобожден и оккупирован Красной Армией, все остальное было освобождено исключительно силами народа или, как это было в Болгарии и Румынии, благодаря сложившейся стратегической обстановке" (с.34). Это позволило Албании и Югославии утвердить свою независимость после войны.

Экономическое развитие стран Восточной Европы, с одной стороны, и Болгарии, Румынии, Югославии и Албании – с другой, в послевоенный период также шло разными путями. Для отсталых аграрных Балканских стран это был период реконструкции и весьма быстрой индустриализации. Для промышленного развития Чехословакии, Польши, Венгрии он был негативен. В результате, по данным автора, в Балканских странах довоенный уровень экономического развития был превзойден, в странах же Восточной Европы – даже не достигнут.

Важным средством политических изменений в Балканских странах Д.Аналис считает "оружие культуры". Впервые принесенная на Балканы в 1944–1945 гг. советская культура стремится, по его словам, занять место буржуазного, "декадентского" искусства. Политическая сторона этого процесса четко прослеживается в Румынии, Албании и особенно в Болгарии. В значительно большей степени, чем экономика, культура является мерой степени подчинения Кремлю, подчеркивает автор.

Особое место в монографии занимают переговоры Сталина с Черчиллем в Москве в октябре 1944 г. и Ялтинская конференция, в ходе которых Балканы были якобы разделены на зоны влияния СССР и Англии. Тезис о "разделе наследства" после второй мировой войны является отправным пунктом для утверждений автора о политическом и экономическом подчинении Советскому Союзу Румынии и Болгарии, а Англии и позднее США – Греции.

Англия первая проявила интерес к судьбе Балкан, которые она рассматривала как необходимую базу для своего господст-

ва в Средиземном море. Для Советского Союза Балканы были районом второстепенного значения; в первую очередь его интересовали страны Восточной Европы. Однако, не сомневаясь в победе, Сталин уже в начале войны якобы думал о планах раздела освобожденных территорий на зоны влияния, заявляет Д.Аналис. Политику США в вопросе о Балканах автор характеризует как "идеалистичную" и "часто наивную". Отвергая раздел территорий на зоны влияния как политический принцип, Рузвельт предложил создать на Балканах "консультативный орган". Это вызвало возражения со стороны англичан. В свою очередь Рузвельт отверг предложенный Черчиллем план открытия второго фронта на Балканах. Таким образом, инициатива действий на полуострове оказалась в руках русских. К их силам следует прибавить силы партизан, роль которых в освобождении своих территорий была решающей; в сопротивлении, признает автор, участвовали почти исключительно коммунисты. Успехи Красной Армии побуждали Черчилля как можно скорее договориться со Сталиным о судьбе Балкан.

Для народов Балкан Англия олицетворяла старый мир — консерватизм, интервенционизм, империалистические интриги. СССР олицетворял будущее; идеал, который он нес с собой, был новым строем. Поэтому вполне естественно, продолжает автор, что в обстановке отчаяния и разрухи Советский Союз символизировал надежду радикального решения всех вопросов.

Отмечая, что в годы войны и в послевоенный период решающую роль в балканской политике играла Югославия, автор пишет, что Тито сумел утвердить политическую независимость страны от союзников еще до окончания войны. Договор о разделе Балканских стран на зоны влияния не давал в Югославии преимущества ни русским, ни англичанам. Они "уважали свое соглашение, и не могли пойти на открытую интервенцию" (с.52). Указывая на размах партизанского движения в стране и на руководящую роль в нем коммунистов, автор пишет о широкой

поддержке югославских партизан англичанами, умалчивая о всесторонней помощи Советского Союза. Отношения Югославии с СССР после окончания войны "начались с серии разочарований и окончились разрывом и отлучением ее Москвой" (с.57). Характеризуя отношения Югославии с другими Балканскими странами, Д.Аналис указывает на следующее "противоречие": чем более "красными" становились режимы, тем сильнее ощущалось отдаление стран друг от друга в политическом и идеологическом отношении. Ухудшение советско-югославских, а следовательно, и болгаро-югославских отношений привело, в частности, к крушению сталинских "планов" создания балканской федерации, т.е. объединения Болгарии и Югославии, благодаря которому Советский Союз получил бы якобы возможность контролировать и направлять политику Югославии через Софию.

Значительное место в книге уделено анализу политического развития Болгарии, которую автор называет традиционно русофильской страной, alter ego Москвы. Болгария – единственный пример "добровольного превращения в союзника" Советского Союза, причем для объяснения этого факта, по мнению автора, недостаточно причин политического, социологического и экономического порядка. Преданности болгар России не могло поколебать даже участие Болгарии в антирусских союзах в ходе двух мировых войн. "Оккупация" Болгарии Красной Армией в 1944 г. спасла страну от разрушений и от мести тех, для кого она была "агентом нацистов на Балканах". Во время войны Отечественный фронт, якобы полностью подчиненный Москве, оказывал некоторое сопротивление полиции. В 1944 г. политику Болгарии определяли события на советско-германском фронте: веси склонялись в пользу Отечественного фронта, давая таким образом преимущество коммунистам. Правительство И.Багрянова не было ни прогерманским, ни достаточно "красным", чтобы удовлетворить СССР. Процесс "советизации" Болгарии начинается 2 сентября 1944 г. с отстранением Багрянова. После объявления Советским Союзом Болгарии войны 5 сентября и переворо-

та 9 сентября 1944 г. к власти пришло правительство Отечественного фронта. Подписанное 28 октября 1944 г. в Москве перемирие с Болгарией ставило ее будто бы в полную зависимость от СССР, несмотря на создание Союзной контрольной комиссии. "По требованию Советского правительства" в Болгарии прошли массовые процессы и казни не только коллаборационистов, но и демократов с прозападной ориентацией, утверждает Д.Аналис. Выборы 18 ноября 1945 г., проведенные якобы в обстановке террора, "положили конец участию демократических сил в правительстве" (с.64). США и Великобритания заявили о своем непризнании болгарского правительства, так как в него входили лишь представители компартии. В связи с этим автор заявляет, что развитие событий в Болгарии, а также в Румынии во многом способствовало развязыванию "холодной войны".

Послевоенные трудности Болгарии были минимальными по сравнению с другими Балканскими странами благодаря всеобщей поддержке Советского Союза. "Болгария, побежденная и официально оккупированная страна, вышла победительницей, так как она "аннексировала" Южную Добруджу в ущерб Румынии" (с.68).

Иным образом, по мнению автора, развивались события в Румынии. Участие ее в войне против СССР было весьма активным. В то же время Румыния стала первой балканской страной, "оккупированной" Красной Армией. С приходом советских войск румынские коммунисты, во главе которых стояли "прошедшие коминтерновскую школу" А.Паукер, В.Лука и Э.Боднараш, развернули активную деятельность по усилению позиций компартии. Чтобы облегчить румынским коммунистам захват власти, Советское правительство направило в Румынию А.Вышинского, заявляет автор. С этого времени "советское вмешательство становится открытым" (с.74). 27 февраля 1945 г. Вышинский потребовал у короля отставки премьер-министра Радеску и объявил, что только правительство П.Грозы будет приемлемым для СССР.

Гроза представил список, в который входили лишь члены Национального демократического фронта (НДФ), руководимого коммунистами.

В дальнейшем НДФ и правительство Грозы нейтрализовали своих политических противников, а 30 декабря 1947 г. заставили короля отречься от престола. 1948 год был годом ликвидации оппозиции и провозглашения республики (конституция Румынии была, по мнению автора, "имитацией" Советской конституции 1936 г.). В отличие от болгар румыны сопротивлялись "захвату" своей страны Советским Союзом. Это сопротивление было достаточно "гибким": Румыния использовала любое изменение в международной обстановке для своего отдаления от СССР. Эта политика привела к завоеванию "некоторой независимости", особенно укрепившейся в 60-е годы.

Албания была освобождена от итальянских и немецких оккупантов благодаря мощному движению Сопротивления, которое состояло из "эогистов" (роялистов) и Национально-освободительного фронта Албании (НОФА), которым руководили коммунисты. Первых вооружали англичане и американцы, вторых — югославы. После освобождения страны НОФА и установления нового режима Албания начала развивать тесные экономические и политические отношения с Югославией, причем последняя, как утверждает автор, стремилась сделать из Албании свой "протекторат". Это привело к албано-югославскому кризису и сближению Албании с Советским Союзом, с которым был заключен экономический договор в 1948 г. После того как Албания была "сателлитом" Белграда, она "вышла на орбиту Москвы" и вплоть до 60-х годов была, подобно Болгарии, "надежным союзником" СССР (с.89).

Условной датой "тотальной советизации" большей части Балкан Д.Аналис называет 1948 год.

В книге освещаются отношения Советского Союза с Балканскими странами, в которых были установлены "антикоммунистические режимы".

В Турции, пишет автор, непосредственно столкнулись интересы США и СССР. Уже в Ялте Сталин зондировал почву в вопросе о проливах, но не получил от Черчилля и Рузвельта положительного ответа. В марте 1945 г. СССР разорвал советско-турецкий договор о добрососедстве от 1925 г. и потребовал для себя базу в Дарданеллах и возвращения вилайетов Карс, Ардаган и Артвин. Лишь после того как США послали в Средиземное море свой флот, русские отступили. Турецкое правительство поняло, что от "советской угрозы" страну может спасти только поддержка США с их "доктриной Трумэна" и "планом Маршалла".

Что касается Греции, то советская дипломатия не могла, согласно автору, активно вмешиваться в ее внутренние дела, поскольку Сталин, якобы, был вынужден уважать "британские права" в этой стране, которые вытекали из его договора с Черчиллем. Подробно останавливаясь на движении Сопротивления и гражданской войне в Греции, автор заявляет, что империалистическая интервенция англичан и американцев, поддержанная консервативными правыми силами Греции, была "оправдана", так как она позволила избежать "большого зла" — подчинения страны Советскому Союзу в случае победы коммунистов (с.215).

Е.Д.Валева

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Analis D. - доктор политических наук, сотрудник французской газеты "Монд"
(Аналис Д.)
- Catalano F. - преподаватель истории в ун-те г.Урбино
(Каталано Ф.) (Италия)
- Davis L.E. - преподаватель политических наук Колумбийского ун-та (США)
(Дэвис Л.Э.)
- Fischer A. западногерманский советолог
(Фишер А.)
- Härtle H. - западногерманский историк
(Хертле Х.)
- Hillgruber A. - профессор Кёльнского ун-та (ФРГ)
(Хильгрубер А.)
- Kennan G.F. - американский историк, бывший посол США в СССР (1952 г.)
(Кеннан Дж.Ф.)
- Kerr W. - американский историк
(Керр У.)
- Levering R.B. - американский историк
(Леверинг Р.Б.)
- Lundestad G. - норвежский историк
(Лундестад Дж.)

Stoler M.A. - сотрудник Вермонтского ун-та (США)
(Столер М.А.)

Woodward L. - английский историк, член Королевской Ака-
(Вудворд Л.) демии наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Analis D.T. Les Balkans, 1945-1960: La prise du pouvoir. - P.: Presses univ. de France, 1978. - 269 p. - Bibliogr.: p.247-263.
2. Balfour M. Propaganda in war 1939-1945: Organisations, policies and publics in Britain and Germany. - L.: Routledge & Paul, 1979. - XVII, 520 p.
3. Barlett C.J. Inter-allied relations in the Second World War. - History. - L., 1978, vol.63, N 209, p.390-395.
4. Bauer E. La dernière guerre ou Histoire controversée de la deuxième guerre mondiale. - P.et al.: Grande Batielière et al.; 1972-1974.
 - t.1. 1972/10/, 326 p.
 - t.2. 1973/7/, 325 p.
 - t.3. 1973/7/, 325 p.
 - t.4. 1973/7/, 326 p.
 - t.5. 1974/7/, 325 p.
 - t.6. 1974/7/, 325 p.
5. Beardsley E.H. Secrets between friends: applied science exchange between the Western allies and the Soviet Union during World War II. - Social studies of science, L., 1977, vol.7, N 4, p.447-474.
6. Clemens D.S. Yalta. - N.Y.: Oxford univ. press, 1970. - XIII, 356 p. - Bibliogr.: p.331-341.
7. Conte A. Yalta ou le partage du monde (11 février 1945). - Neuilly-sur-Seine : Saint-Clair, 1975. - 368 p.

8. Davis L.E. The cold war begins: Soviet-American conflict over Eastern Europe. - Princeton (N.Y.): Princeton univ. press, 1974. - X, 427 p.
9. Deuerlein E. Declamations oder Ersatzfrieden?: Die Konferenz von Potsdam 1945. - Stuttgart. et al., 1970. - 203 S.
10. Divine R.A. Roosevelt and World War II. - Baltimore (Md.): Penguin books, 1972. - XI, 107 p.
11. Eisenhower D.D. Crussade in Europe/With a new introd. by Jonas M. - N.Y.: De Capo press, 1977. - IX, XV, 559 p.
12. Elleinstein J. Histoire de l'URSS. - P.: Ed. soc., 1974. - (Notre temps /histoire/ H.8). - T.3. L'URSS en guerre (1939-1945). - 238 p.
13. Encyclopedia of World War II / General ed. : Keegan J. - L. etc.: Hamlyn, 1978. - 258 p.
14. Encyclopedia de la guerre 1939-1945 / Sous la dir. de: Baudot M., Bernard H., Brugmans H. et al. - Bruxelles: Casterman, 1977. - 440 p.
15. Enser A.G.S. A subject bibliography of the Second World War: books in English, 1939-1974. - L.: Deutsch, 1977. - 592 p.
16. Erickson J. The road to Stalingrad. - L.: Weidenfeld a. Nicolson, 1975. - Vol.1. Stalin's war with Germany. - X, 594 p.
17. Fischer A. Sowjetische Aussenpolitik 1917-1945. - Stuttgart : Klett, 1973. - 137 S. (Quellen - u.Arbeitshefte zur Geschichte u.Politik). - Bibliogr.: S.134-136.
18. Fischer A. Sowjetische Deutschlandpolitik im Zweiten Weltkrieg 1941-1945. - Stuttgart: Deutch. Verl. - Anst., 1975. - 252 S.
19. Fischer F. Das Verhältnis der USA zu Russland von der Jahrhundertwende bis 1945. - In: Fischer F. Der Erste Weltkrieg und das deutsche Geschichtsbild: Beiträge zur Bewältigung eines historischen Tabus. Aufsätze und Vorträge aus drei Jahrzehnten. - Düsseldorf: Droste, 1977, S.106-150.
20. Förster G. u.a. Der zweite Weltkrieg: Militärgeschichtlicher Abriss. - 3.Ber. Aufl. - B.: Milit. - Verl., 1978. - 488 S.

21. Förster J. Stalingrad: Risse im Bündnis 1942/43. - Freiburg: Rombach, 1975. - 172 S.
22. Giuliani U. Stalingrad und mein zweites Leben: Begegnungen-Ergebnisse, Eindrücke-Erfahrungen. - Neustadt; Landau: Pfälzische Verl. - Anst., 1978. - XXVIII, 182 S.
23. Gross J.T. Polish society under German occupation: The Generalgouvernement 1939-1944. - Princeton (N.Y.): Princeton univ. press, 1979. - XVIII, 343 p.
24. Harriman W.A., Abel E. Special envoy to Churchill and Stalin, 1941-1946. - N.Y.: Random House, 1975. - X, 595 p.
25. Härtle H. Die Kriegsschuld der Sieger; Churchills, Roosevelts und Stalins Verbrechen gegen den Weltfrieden. - /2.Aufl./. - Preuss. Oldendorf: Schütz, 1971. - 341 S.
26. Hentsch G. Staline négociateur; Une diplomatie de guerre. - Neuchâtel: Ed. de la Baconnière, 1967. - 382 p.
27. Herrick R.W. Soviet naval strategy; Fifty years of theory and practice. - Annapolis (Md.): US. Naval inst., 1971. - XXXIV, 198 p.
28. Hillgruber A. Sowjetische Aussenpolitik im Zweiten Weltkrieg. - Königstein/Ts.: Athenäum; Düsseldorf: Droste, 1979. - /5/, 154 S.
29. Hoggan D. Der unnötige Krieg. 1939-1945: Germany must perish. - Tübingen, 1974. - XIV, 627 S.
30. Irving D. Hitler's war. - N.Y.: The Viking press, 1977. - XXXIV, 926 p.
31. Kennan G.F. The United States and the Soviet Union, 1917-1976. - In: Two hundred years of American foreign policy / Ed. by Bundy W.P. / N.Y., 1977, p.143-180.
32. Kerr W. Das Geheimnis Stalingrad: Hintergründe einer Entscheidungsschlacht / Aus dem Amer. von Kooper G. - Düsseldorf; Wien: Econ, 1977. - 388 S.
33. Kerr W. The secret of Stalingrad. - Garden City (N.Y.): Doubleday, 1978. - X, 274 p.
34. King F.P. The new internationalism: Allied policy and the European peace 1939-1945. - Newton Abbot: David & Charles; Hamden (Conn.): Archon books, 1973. - 230 p.

35. Kukliok B. American policy and the division of Germany: The Clash with Russia over reparations. - L.; Ithaca, 1972. - IX, 286 p.
36. Levering R.B. American opinion and the Russian alliance, 1939-1945. - Chapel Hill; Univ. of North Carolina press, 1976. - XIV, 262 p.
37. Lorenz R. Sozialgeschichte der Sowjetunion (1917-1945). - Frankfurt a.M.; Ed. Suhrkamp, 1976. - 382 S.
38. Lukacs J. The last European war: September 1939 - December 1941. - Garden City (N.Y.); Anchor press /Doubleday/, 1976. - XI, 562 p.
39. Lundestad G. The American non-policy towards Eastern Europe 1943-1947; Universalism in an area not of essential interest to the United States. - Tromsø etc.; Universitetsforl., 1978. - 654 p.
40. Martin B. Friedensinitiativen und Machtpolitik im Zweiten Weltkrieg 1939-1942. - Düsseldorf: Droste, 1974. - 570 S.
41. Myant M. Czechoslovak-Soviet relations, 1940-48. - Social. Europe, L., 1978, N 2, p.8-13.
42. Osteuropa-Handbuch/Begr.von. W.Markert. Unter Mitarbeit von Brahm H., Eichwede W., Epstein F.T. et al.Hrsg. von D.Geyer. - Köln; Wien: Böhlau, 1972. - T.1. Sowjetunion Aussenpolitik. XI, 618 S.
43. Pogue F.C. Power Realities at Yalta. - In Major problems in American foreign policy: Documents and essays. Lexington (Mass.); Toronto, 1978, Vol.2: Since 1914/Ed. by Paterson Th.G. /9/, p.229-236.
44. Resis A. The Churchill-Stalin secret "Percentages" agreement on the Balkans, Moscow, October 1944. - Amer.hist. rev., Wash., 1978, vol.83, N 2, p.368-387.
45. Rhodes A. Propaganda: The art of persuasion in World War II/ Ed. by Margolin V.; Produced a. art dir. by Lewine H. - N.Y.; L.: Chelsea house, 1976. - 319 p.
46. Rupp L.I. Mobilizing women for war: German and American propaganda, 1939-1945. - Princeton (N.Y.); Princeton univ.press, 1978. - XII, 243 p.

47. Sadler Ch. "Pro-soviet Polish-Americans": Oskar Lange and Russia's friends in the Polonia, 1941-1945. - Pol. rev., N.Y., 1977, vol.22, N 4, p.25-39.
48. Sharp T. The wartime allience and the zonal division of Germany. - Oxford: Clarendon press, 1975. - XI, 220 p.
49. Sharp T. The origins of the "Teheran formula" on Polish frontiers. - J. of contemporary history, L., 1977, vol.12, N 2, p.381-393.
50. Seydlitz W. von Stalingrad: Konflikt und Konsequenz. Erinnerungen / Einl.: Scheurig B. - Oldenburg; Hamburg: Stalling, 1977. - 386 S.
51. Stoler M.A. The politics of the second front: American military planning and diplomacy in coalition warfare, 1941-1943. - Westport (Conn.); London: Greenwood press, 1977. - XIII, 245 p.
52. The great powers and the Polish question 1941-45: A documentary study in cold war origins / Ed.by Polonsky A. - L., 1976. - 282 p. (London school of economics a.polit. science).
53. The Russian Front: Germany's war in the East, 1941-1945/ Ed. by Dunnigan J.F. London; Melbourn: Arms a. Armor press, 1978. - 184 p.
54. Thorne Ch. Allies of a kind: The United States, Britain and the war against Japan, 1941-1945. - L.: Hamilton, 1978. - XXIII, 772 p.
55. Tolstoy N. Victims of Yalta. - L.etc.: Hodder a. Stoughton, 1978. - 496 p.
56. Ulam A.B. Expansion and coexistence: The history of Soviet foreign policy, 1917-67. - N.Y.; Wash.: Praeger, 1968. - VIII, 775 p.
57. Uldricks T.J. Stalin and Nazi Germany. - Slavic rev., Seattle, 1977, vol.36, N 4, p.599-603.
58. Weber F.G. The evasive neutral: Germany, Britain and the quest for a Turkish alliance in the Second World War - Columbia; London: Univ. of Missouri press, 1979. - XI, 244 p.

59. Wilmot Ch. A Stalinist Victory. - In: Major problems in American foreign policy: Documents and essays. Lexington (Mass.); Toronto, 1978, vol.2: Since 1914/Ed. by Paterson Th.G. /9/, p.212-229.
60. Woodward L. British foreign policy in the Second World War. - L.: H.M.Stat. off., 1971. - (History of the Second World War). - Vol.2. IV, 679 p. Vol.3. XIV, 620 p.

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

Реферативный сборник

Сдано в набор 20/II-80 г. Подписано к печати 15/УШ-80 г.
Формат 60x84/16 Уч.-изд.л. 9,3
Печ.л. 14,0
Тираж 200 экз. Заказ № 1368Л

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/45.
Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г.Люберцы, Октябрьский пр., 403.

042(02)9

